

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования *Научный журнал*

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс в АО Агентство «Роспечать»:
80114

№ 1(25)
Январь — март 2020 г.

ISSN 2409-1073

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research *Scientific Journal*

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of AO Rospechat agency:
80114

No. 1(25)
2020 January — March

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2020
© МИЭТ, 2020

© "Economic and Social Research", 2020
© MIET, 2020

Редакционный совет

Председатель редсовета

Чаплыгин Ю. А., академик РАН,
доктор технических наук, профессор

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
ИФ РАН

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Гаврилов С. А., д. т. н., проф.

Гагарин А. В., д. п. н., проф. РАНХиГС

Данильченко А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Захлебный А. Н. д. п. н., проф., академик РАО.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Князев В. Н., д. филос. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф. Рижского
университета (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф.

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Пирогов А. И., д. филос. н., проф.

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Растимешина Т. В., д. полит. н., доцент

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Редакционная коллегия

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор

Алексеев С. В., д. п. н., проф.

Андрюченко Е. В., д. филос. н., проф. Донецкого нац.
университета (ДНР)

Анискин Ю. П., д. э. н., проф.

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф.

Гагарин А. В., д. п. н., проф. РАНХиГС

Гриценко Н. Ф., д. ист. н., проф.

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф.

Даниелян Н. В., д. филос. н., доцент **Данильченко**

А. В., д. э. н., проф. Белорусского нац.
технич. университета (Республика Беларусь)

Евдокимова М. Г., д. п. н., доцент

Емец В. С., д. полит. н., проф.

Зазыкин В. Г., чл.-корр. РАО, д. пс. н., проф.

Захлебный А. Н., д. п. н., проф., академик РАО

Иванова Г. П., д. п. н., проф. МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.

Инфанте Д., PhD, проф. Университета Калабрии
(Италия)

Исмаилов В. И., д. филос. н., проф. (Азербайджан)

Кальней В. А., д. п. н., проф.

Ковальчук К. Ф., д. э. н., проф. Нац. металлургической
академии Украины (г. Днепр, Украина)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф.

Лоза Г. Г., д. полит. н., проф.

Лукичева Л. И., д. э. н., проф.

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф.

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.

Мушта А. А., к. филос. н., доцент (Республика Беларусь)

Ницевич В. Ф., д. полит. н., проф.

Пабединскайте А. О., Dr. Sci. (Econ.), профессор Вильнюс-
ского технического университета им. Гедиминаса
(Литва)

Панов А. И., д. полит. н., проф.

Прокофьев А. А., д. п. н., к. ф.-м. н., доцент

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф. Евроакадемии
(Эстония)

Реморенко И. М., канд. филос. н., доцент, ректор МГПУ

Родин В. Ф., д. п. н., проф. Моск. ун-та МВД РФ

Салимова Т. А., д. э. н., проф.

Смирнова Ж. Вен., к. п. н., доцент

Смирнова Ж. Вяч., Dr. Sci. (Econ.), проф.

Университета Калабрии (Италия) Степанов С.
А., д. п. н., проф., прорект. МНЭПУ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1. Заведующий редакцией — **А. И. Пирогов**

Научный редактор — **Т. В. Растимешина**

Компьютерная верстка — **С. О. Брылев**

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ. **Тел.:** 8-499-729-76-02 **E-mail:** esgi.miet@yandex.ru

Подписано в печать 20.03.2020. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 19,53 усл. печ. л., 11,45 уч.-изд. л. Заказ № 31.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Ведущий редактор — **Т. В. Растимешина**

Редактор — **Е. В. Малинкина**

Дизайнер обложки — **С. Ю. Рыжков**

Сайт: <http://esgi-miet.ru>

Editorial Council

Chairman

Chaplygin Yu. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof., Acad. RAS

Co-Chairman

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.,
RAS Institute of Philosophy

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPa

Gavrilov S. A., Dr. Sci. (Tech.), Prof.

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO.

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof.,
Corr. Mem. RAE

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lace N. (Latvia), Dr. OEc.,
Prof. of Riga Technical University

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector
of MGPU

Editorial Board

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Alexeev S. B., Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Andriyenko O. V. (Donetsk People's Republic), Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Donetsk National University

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPa

Gritsenko N. F., Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Danilchenko A. V. (Republic of Belarus), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of Belarusian National Technical University

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Zakhlebnyi A. N. Dr. Sci. (Ped), Acad. RAO.

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psych.), Prof., Corr. Mem. RAE

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Infante D. (Italy), PhD (Polit. Econ.),
Prof. of University of Calabria

Ismailov V. I. (Azerbaijan), Dr. Sci. (Philos.),
Dir. of Baku College of Management and Technology

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof.

Kovalchuk K. F. (Ukraine), Dr. Sci. (Econ.), Prof.
of National Metallurgical Academy of Ukraine

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Loza G. G., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Mushta A. A. (Republic of Belarus),
Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof.

Nitsevich V. F., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Pabedinskaite A. O. (Lithuania), Dr. OEc.,
Prof. of Vilnius Gediminas Technical University

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof.

Põlajeva T. (Estonia), Dr. OEc., Prof. of Euroacademy

Prokofiev A. A., Dr. Sci. (Ped.),
Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof.

Remorenko I. M., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Rector
of MGPU

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RF MoI University

Salimova T. A., Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Smirnova Zh. V., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof.

Smirnova J. V. (Italy), Dr. Sci. (Econ.),
Prof. of University of Calabria

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped), Vice-rector of MNEPU

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET. **Tel.:** +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Web: <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.03.2020. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 21,39. Published sheets: 14,71. Order No. 34.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editor — **E. V. Malinkina**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Анискин Ю. П.</i> Диалектические противоречия в управлении деловой активностью компании	6
<i>Бардушкина И.В., Ермилова П.В.</i> Оптимизация производства путем решения задачи минимизации издержек	14
<i>Гладков И. С.</i> Внешнеторговые связи Российской Федерации: новые тренды в эпоху турбулентности	19
<i>Лизавенко М.В.</i> Разработка стратегии управления персоналом на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности	30
<i>Огородов В.А., Огородов Д.А., Растимешина Т.В.</i> Факторы внешнего влияния на поведение потребителей в условиях «утопического» рынка	36

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Андрюченко Е.В., Чернышов В.А.</i> Вариативность трактовки категории «мягкая сила» в современной философии	46
<i>Ефременко А.А.</i> Роль социальных стереотипов в манипуляции массовым сознанием	53
<i>Кальней М.С.</i> Утопические элементы концепции гражданского общества	59
<i>Лобастов Г.В.</i> Эстетический предмет как осуществленная красота	64
<i>Некрасов А.С.</i> Творческие ресурсы различных типов человеческой индивидуальности	76
<i>Равочкин Н.Н.</i> Социальная философия Ф. Суареса и Ж. Бодена: идейный транзит к политике и праву Нового времени	83
<i>Самохвалова В.К.</i> Аксиологические доминанты гносеологии Святого Августина	91
<i>Фазылынова Г.И.</i> Дизайн-мышление как философия и методология цифрового общества	101
<i>Шарапова Е.С., Растимешина Т.В.</i> Виртуальный музей и рождение новой философии экспозиционного пространства	109

Педагогическая система координат образование, воспитание, развитие человека

<i>Аджемов А.С., Денисова А.Б., Чайкина Е.В.</i> Тесты для самопроверки как элемент смешанного обучения	116
<i>Зазыкин В.Г.</i> К проблеме психологии лени и ленивых людей	122

Личность. Общество. Государство

<i>Добрынина М.В.</i> Инженерное образование как инструмент новой индустриализации: целевой прием в инженерные вузы РФ	130
<i>Никитин Е.Н.</i> Ученики В.И. Невского — участники издательского проекта Горького «История фабрик и заводов»	136
<i>Пудина С.И.</i> Русский дворянин — человек переходной эпохи первой четверти XVIII века	148
<i>Сорокин С.А.</i> Роль СМИ в формировании патриотического сознания российской молодежи: социально-философский аспект	158

Информация

К сведению авторов	165
Этические нормы публикационного процесса	167

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Aniskin Yu.P.</i> Dialectical contradictions in the management of business activity of a company	6
<i>Bardushkina I.V., Ermilova P.V.</i> Optimization of production by solving the problem of minimizing costs	14
<i>Gladkov I.S.</i> Foreign trade relations of the Russian Federation: new trends in the era of turbulence	19
<i>Lizavenko M.V.</i> Development of a human resource management strategy for high-tech enterprises	30
<i>Ogorodov V.A., Ogorodov D.A., Rastimesina T.V.</i> Factors of external influence on consumer behavior in a «utopian» market	36

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Andriyenko Ye.V., Chernyshov V.A.</i> Variability of Interpretations of the Category of “Soft Power” in Modern Philosophy	46
<i>Yefremenko A.A.</i> The Role of Social Stereotypes in the Manipulation of Mass Consciousness	53
<i>Kal'ney M.S.</i> Utopian Elements of the concept of «civil society»	59
<i>Lobastov G.V.</i> Aesthetic subject as beauty realized	64
<i>Nekrasov A.S.</i> Creative resources of various types human personality	76
<i>Ravochkin N.N.</i> F. Suarez and J. Boden social philosophy: ideological transit to modern politics and law	83
<i>Samokhvalova V.K.</i> Axiological dominants of St. Augustin's epistemology	91
<i>Fazulzianova G.I.</i> Design thinking as a philosophy and methodology of the digital society	101
<i>Sharapova E.S., Rastimeshina T.V.</i> Virtual Museum and the birth of a new philosophy of exhibition space	109

Pedagogical coordinate system education, upbringing, human development

<i>Adzhemov A.S., Denisova A.B., Chaikina E.V.</i> Tests for self-testing as an element of blended learning	116
<i>Zazykin V.G.</i> To the problem of psychology of lazy and lazy people	122

Personality. Society. State

<i>Dobrynina M.V.</i> Engineering education as a tool for new industrialization: targeted admission to engineering universities of the Russian Federation	130
<i>Nikitin E.N.</i> Apprentices of V. I. Nevsky — participants of Gorky's publishing project «History of factories and plants»	136
<i>Pudina S.I.</i> Russian nobleman of the transition period of the first quarter of the XVIII century	148
<i>Sorokin S.A.</i> The role of the media in shaping the patriotic consciousness of Russian youth: a socio-philosophical aspect	158

Information

For the Authors	165
Ethical Norms of Publishing	167

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

УДК 334.02

DOI: 10.24151/2409-1073-2020-1-6-13

Диалектические противоречия в управлении деловой активностью компании

Ю.П. Анискин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

anisk@mail.ru

В статье рассматриваются сложности достижения целей развития менеджмента и диалектические противоречия, которые возникают в процессе управления развитием компанией и в условиях функционирования механизмов экономических кризисов. Предлагаются авторские модели, механизмы управления, учитывающие законы диалектики, действующие в процессе функционирования бизнеса. Статья предназначена для специалистов менеджмента, преподавателей, студентов.

Ключевые слова: законы диалектики, противоречия в системе управления деловой активности, экономические пропорции, сбалансированность действий.

Dialectical contradictions in the management of business activity of a company

Yu.P. Aniskin

anisk@mail.ru

The author considers the difficulties of achieving the goals of management development and dialectical contradictions that arise in the process of managing the development of the company and in the conditions of functioning of the mechanisms of economic crises. Authors' models and management mechanisms are proposed that take into account the laws of dialectics that are valid in the process of business functioning. The article is intended for management specialists, teachers, students.

Keywords: laws of dialectics, contradictions in the management system of business activity, economic proportions, balanced actions.

Динамичный рост инновационной активности страны в условиях перехода к цифровой экономике порождает объективную необходимость опережающих преобразований менеджмента компаний и развития организационно-экономической и управленческой деятельности бизнес-структур.

Сложность достижения целей развития менеджмента обусловлена наличием множества противоречий, возникающих в различных фазах цикла жизнедеятельности бизнеса. В процессе жизнедеятельности бизнеса проходят различные фазы цикла развития: становление, рост, насыщение, спад, кризис. После

депрессии и кризиса начинается переход на более качественный уровень функционирования и последовательный рост бизнеса, т.е. цикл развития повторяется. Длительность каждой фазы цикла развития зависит от уровня профессиональных компетенций специалистов менеджмента на всех уровнях управления экономикой страны. Это положение объясняется тем, что каждая фаза развития бизнеса имеет свои отличительные признаки и противоречия, которые необходимо учитывать в управлении бизнесом при принятии соответствующих решений, для снижения их возможных негативных последствий.

Сложность такой задачи обусловлена тем, что в процессе осуществления бизнеса, особенно наукоемкого, необходимо одновременно управлять темпами изменения производственных (или операционных) процессов, инновационных маркетинговых, финансовых, организационно-экономических, социально-психологических, интеллектуально-трудовых и других видов деятельности. Стремление к сбалансированности всех видов деятельности является сложной задачей менеджмента, т.к. любое появление диспропорций приводит к снижению финансовой устойчивости компании. *Результаты совокупного воздействия темпов изменения ключевых видов деятельности отражают уровень деловой активности бизнеса.* В процессе управления деловой активностью бизнеса возникают разнонаправленные противоречия, которые создают определенные трудности в принятии управленческих решений.

Таким образом, сбалансированное управление темпами развития взаимодействующих видов деятельности бизнеса является сложной комплексной проблемой, решение которой позволит обеспечить долговременную финансовую устойчивость компании [1].

Решению данной проблемы, в определенной мере, будет способствовать знание диалектической сущности возникающих противоречий и их учет при разработке цифровых моделей планирования всех видов деятельности.

Теоретические положения. В процессах управления циклом развития бизнеса всегда наблюдаются действия законов диалектики. Особенно ярко проявляются действия *закона единства и борьбы противоположностей*.

Это обусловлено тем, что каждый объект анализа в бизнесе имеет две стороны, отличающиеся характеристиками, параметрами, но одновременно связанными между собой и находящимися в определенном единстве, например, жизненный цикл продукта: идея, исследование, разработка, подготовка производства, освоение, промышленное производство, коммерциализация, потребление, утилизация. Каждый этап цикла имеет отличительные признаки, но все этапы связаны единством цели — обеспечение потребительского спроса, поэтому единство противоположностей неразрывно. Однако отношения между противоположностями часто приводят к противоречиям, которые требуют сбалансированного решения. Нарушения данного закона диалектики приводят к появлению неравновесного состояния бизнеса, снижению финансовой устойчивости и к кризисному состоянию компании.

Борьба противоположностей способствует разрешению противоречий, так как в процессе развития происходит более глубокое раскрытие сущности противостояний и разработка инструментов для их ликвидации. Однако в процессе длительного использования результатов развития возникают другие противоречия, которые сначала незаметны, но потом проявляются: например, обострение противоречий между производством и требованиями потребителей по мере снижения спроса на продукцию. Несовместимость противоположностей и борьба между ними ведут к возникновению и последующему разрешению конфликтной ситуации (появлению новой продукции вместо морально или физически устаревшей) вследствие действия относительного (временного) характера единства и абсолютного характера борьбы противоположностей.

Различие между видами противоречий (внешние - межсистемные и внутренние — внутрисистемные) объективно и не зависит от субъективной точки зрения специалистов. В производственной сфере, как и любой другой области экономических отношений, существуют внешние и внутренние противоречия, которые необходимо выделять, систематизировать и учитывать в процессе принятия решений. Внешние противоречия, как правило, влияют на темпы

развития. Внутренние противоречия обостряются от неэффективного менеджмента и недостаточной готовности компании к реализации корпоративных изменений по ликвидации противоречий.

В условиях возникающей неравновесности необходимо четко определять сущность взаимосвязи элементов производства в процессе превращений исходных материалов в готовый продукт.

В основе анализа взаимосвязи элементов производства лежит натурфилософская концепция китайского философа Сунь-Цзы, основанная на диалектическом материализме. В рамках этой концепции установлено, что каждый элемент производства переходит друг в друга в противоположный себе предмет, т.е. исходные материалы в процессе труда работника путем использования технологии и оборудования превращаются в готовый продукт. Такой переход воспринимается как «рождение» одного элемента другим и как «преодоление» одного элемента другим, т.е. переход элемента в другой означает «преодоление» природы первого или «использование» природы первого. «Изменения и превращения» означают переход к чему-то противоположному. Из этого следует, что инновационный и производственный процессы органично включают «изменения» и «превращения» одних элементов производства в другие, что приводит к созданию продукции противоположной по содержанию и значению составляющих производства (человеческий ресурс, основные фонды и материальные ресурсы). Иными словами, все необходимые элементы производства, находясь в процессе преобразований, включающих изменения и превращения, обладают диалектической природой.

Так как преобразования элементов производства в готовый продукт могут оказывать позитивное и негативное воздействие, то возникает потребность не только в знании сущности изменений, но и в определении технологических возможностей и методов преобразования. Взаимосвязь и взаимодействие составляющих производства в процессе преобразований элементов в готовый продукт осуществляются под организационно-управленческими воздействиями, результативность которых отражается на эффективности функционирования предприятия.

Анализ диалектической природы изменений показывает, что эффективность достигается при достижении сбалансированного состояния бизнеса в процессе различных преобразований производства. Основой достижения определенного уровня сбалансированности является соблюдение рациональных экономических пропорций между взаимодействующими процессами производства. К таким экономическим пропорциям и соотношениям относятся:

- пропорции распределения производственной мощности между выпуском серийной продукции и освоением изготовления инновационных (новых) изделий;
- пропорции между активными элементами оборотных средств (запасами, деньгами, дебиторской задолженностью), влияющих на уровень платежеспособности, и темпами объема товарооборота предприятия;
- пропорции между элементами пассивов, отражающих соотношение между собственным капиталом, краткосрочными и долгосрочными обязательствами. Наличие рациональных пропорций позволяет обеспечить финансовую устойчивость компании;
- рациональные пропорции между уровнем заработной платы и производительностью труда, соблюдение которых обеспечивает устойчивость и гармонию кадровой политики компаний;
- пропорции в ценообразовании, способствующие устойчивым нормальным взаимоотношениям между покупателем и продавцом, что позитивно повлияет на стабильность рынка товаров. Соблюдение перечисленных и других пропорций способствует росту эффективности производства за счет минимизации излишних затрат, как производственных, так и инвестиционных, и ускорению оборачиваемости оборотных средств и росту товарооборота.

В связи с наличием противоречий одним из принципов обеспечения финансовой устойчивости компании является принцип *сбалансированной противоречивости*. Соблюдение данного принципа обусловлено тем, что финансовые решения часто носят противоречивый характер. Например, при увеличении темпов роста объемов продаж возрастают затраты, и в том случае, когда предприятие не может обеспечить

в полном объеме собственное финансирование данных расходов, это приводит не к улучшению финансового положения, а к его ухудшению. Резкая активизация одного направления, например, вложения в основные фонды, часто приводит к оттоку средств из другого, что также ухудшает финансовое положение и приводит к потере конкурентных преимуществ на рынке и т. п. Другой пример, отражающий необходимость учета принципа противоречивости: чем больше у предприятия наличности, тем более оно способно платить по своим обязательствам. Однако чрезмерный рост и большое количество наличности свидетельствует о замораживании средств, и, следовательно, наличность не приносит прибыли. Лишь разумно инвестируя наличность, можно рассчитывать на дополнительный доход [1].

В период инновационного развития компаний наблюдается действие *диалектического «закона перехода количественных изменений в качественные»*.

Этот закон раскрывает форму и механизм развития и связан с такими понятиями, как: качество, количество, мера. Известно, что циклы инновационного развития периодически повторяются на более высоком качественном уровне. Количество и качество — две противоположные стороны объекта анализа, которые одновременно взаимоисключают и взаимообуславливают друг друга. Так, количество изменений, в частности, корпоративных, по мере накопления (в т.ч. опыта и знаний) приводят к качественным преобразованиям компании (объекта). Наглядно это можно продемонстрировать на примере инновационного развития, которое, как и любой диалектический процесс, имеет двойственную результативность. С одной стороны, идет возрастание интенсивности потока новаций, создающей необходимые условия для прогресса. С другой стороны, новации являются источниками кризисных ситуаций для компаний, т.к. по мере освоения и роста масштаба выпуска новой продукции возникают объективно повышенные затраты производства, возрастает дефицит используемых ресурсов и возникает инфляция. Это соответствует сущности двух принципиально важных механизмов появления экономических кризисов, которые сформу-

лировали выдающиеся экономисты XX века.

Первый механизм связан с появлением ограничений на потребляемые ресурсы по мере масштабного развития бизнеса. Это означает, что на начальном периоде развития бизнеса потребляется незначительный объем ресурсов. Однако, по мере экономического роста, спрос увеличивается, происходит тиражирование аналогичных бизнес-структур, потребляющих подобные ресурсы и увеличивающих предложения продукции. В результате повышения требуемого объема ресурсов и роста спроса появляется дефицит ресурсов, что приводит к их удорожанию и наступает инфляция, что и является предвестником кризиса. В этот период стоимость ресурсов превышает ценность, которую они производят. Система становится неустойчивой и любой повод приводит к спаду и кризису. В условиях кризиса происходит резкое уменьшение спроса и, соответственно, снижается стоимость всех ресурсов и бизнес начинает приспосабливаться к новым условиям.

Второй принципиальный механизм цикличности спада и подъема — это изменение разницы между рентабельностью активов и банковской процентной ставкой (или ценой привлекаемых инвестиций). В период спада (рецессии) процентная ставка значительно опережает рентабельность активов, что также является индикатором спада и кризиса. В конечном итоге комплексное воздействие совокупности факторов нарушает экономическое равновесие, что способствует появлению неплатежеспособности предприятия. Поэтому, чтобы преодолеть кризис, недостаточно только прямой экономии издержек. Необходимо смещать акцент на инновационное развитие, т.е. осуществлять новации во всех областях деятельности, что позволит найти новые рынки и создать новые формы бизнес-деятельности и обеспечит появление новых потребностей и рост доходности капитала.

В управлении деловой активностью компании важную роль играет соотношение количественных и качественных изменений, которые могут быть непрерывными и прерывными. *Непрерывность изменений* — одно из условий последовательного развития, в ходе которого объект постоянно модернизируется, но технологическая база остается постоянной.

Непрерывные количественные изменения подготавливают основание для появления «технологического разрыва в виде «скачка» или «точки роста»: возникает точка бифуркации, которая характеризует выход за рамки действующих технологий. Длительность движения к точке бифуркации характеризует переходный период от одного состояния к другому уровню развития. Для менеджмента компании это трудный период, т.к. необходимо сохранить финансовую устойчивость компании, которая снижается из-за объективно повышенных затрат в переходный период развития. В связи с этим при реализации инновационного цикла возникает потребность в механизме компенсации повышенных затрат, чтобы уменьшить негативное воздействие нововведений на устойчивость и равновесие производственной системы. Отсутствие корпоративных изменений или их прерывность означают разрыв настоящего с прошлым.

Практика функционирования бизнеса показывает взаимосвязанность законов «единства и борьбы противоположностей» с «переходом количественных изменений в качественные». В результате действия внутренних противоречий в период инновационного развития появляются новые объекты, в которых сохраняются ценные и позитивные элементы, которыми владел «старый» объект. Это означает, что прогрессивное развитие сопровождается регрессом отдельных элементов объекта. Процесс «отрицания» циклически повторяется, выражая одну из форм всеобщей связи явлений и их упорядоченности (причинно-следственные связи). Причинно-следственные отношения существуют независимо от субъективного восприятия этих отношений человеком. Каждое явление имеет свои причины, которые формируются в течении долгого времени из совокупности предпосылок и действия различных факторов, создающих условия появления причины, например, кризисной ситуации. Однако спусковым механизмом возникновения кризиса может быть и какой-либо иной повод: неурожай, демографический разрыв, финансовая неустойчивость и др. Если «причина» является сигналом появления какого-либо явления, то «следствие» характеризует результат действия этого явления. Задачей руководителя, принимающего решения,

является повышение уровня объективности при анализе категорий «причины — следствие», что позволит получать более эффективные результаты. Например, выявление объективных причин появления кризисной ситуации позволит разработать действенные мероприятия по выходу из кризиса.

Правильное понимание причинно-следственных связей — необходимое условие управления деловой активностью компании. К примеру, характерной особенностью интегрированных компаний (холдинг, концерн и т.п.) является двойственность положения. С одной стороны, такая компания действует как единый хозяйственный субъект с определенными преимуществами, с другой стороны, она состоит из юридически самостоятельных бизнес-структур, связанных с ней отношениями зависимости и контроля, но со своими интересами, согласование которых создает дополнительную сложность взаимоотношений. Кроме того, в управлении деловой активностью компании возникают различные потери (технологические, материальные, финансовые), которые приводят к снижению ее финансовой устойчивости. В связи с этим, появляется потребность в выявлении причинно-следственных связей между ущербом и виновником его возникновения. Поэтому только объективное выявление причинно-следственных связей бизнес-структур с головной компанией позволит обеспечить синергетический эффект взаимодействия.

В управлении компанией действует и такая диалектическая категория, как «форма» и «содержание». «Форма» и «содержание» не могут существовать отдельно.

Содержание — это единство всех взаимосвязанных элементов и процессов, определяющих сущность объекта.

Форма — этот способ выражения содержания, его внутренняя организация. Форма более устойчива, чем содержание. Компания имеет устойчивую, т.е. постоянную структуру управления бизнесом, а содержание периодически изменяется по мере развития методов, инструментов (цифровизации) и функций менеджмента. Для любой современной компании появление множества *форм* отчетности, контроля, инструктивных материалов с соответствующим *содержанием* создают условия для появления

множества бюрократических процедур, которые ограничивают творческие возможности персонала в решении своих функциональных задач и увеличивают время по выполнению бюрократических процедур. В связи с этим, минимизация бюрократических процедур — одно из важнейших условий роста эффективности труда.

В процессе принятия управленческих решений всегда действуют категории «*возможность*» и «*действительность*».

Возможность — это наличие потенциальных условий и ресурсов для достижения плановых целей. Это означает, что имеющихся потенциалов компании (технический ресурсный, финансовый, кадровый и т.д.) создают определенные возможности для выполнения плановых заданий.

Действительность характеризует результат использования потенциальных возможностей компании.

Практический результат подвержен субъективному воздействию внешних и внутренних факторов, которые влияют на уровень (коэффициент) использования потенциалов компании (основных фондов, оборотных средств, персонала).

Ключевой функцией менеджмента является «принятие решений», т.к. менеджеры несут ответственность за эффективность решения. В процессе принятия и реализации решения высокая значимость принадлежит категориям «сознание», «воля», «свобода».

Свобода принятия решения ограничивается диапазоном допустимого использования и функциональными полномочиями менеджера. Таким образом, подтверждается положение, что «свобода — это осознанная необходимость».

Важным элементом управления бизнес-процессами является *осознание* ответственности за результаты принятых решений. Актом осознания правильности выполненных решений являются процедуры контроллинга. Чем глубже менеджер понимает сущность проводимых бизнес-процессов, тем более осознано принимаются решения, что прямо влияет на эффективность результата. Чем больше пространство нашего *осознания*, тем лучше понимание сущности выполняемых процессов и эффективней принимаемые

решения. Однако для реализации каждого решения необходимо определенное усилие «воли» менеджера (или руководителя), так как любое решение осуществляется в условиях возникающих конфликтных ситуаций и неопределенности (риска) своевременного выполнения заданий. Это объясняется тем, что осознанное решение вызывает различные эмоции у персонала и у руководящего состава. Например, открытое или закрытое (латентное) сопротивление персонала или среди высшего руководства. В связи с этим диалектические категории — сознание, воля, свобода, являются взаимосвязанными и требующими их сбалансированного воздействия на управление деловой активностью компании.

При управлении компанией необходимо понимать, что по законам диалектики развития бизнеса каждая бизнес-структура проходит две фазы в своем жизненном цикле — *созидания* и *разрушения*. Это означает, что даже в деятельности успешной и финансово устойчивой компанией зарождаются процессы разрушения; однако, наряду с появлением деструктивных элементов, запускается механизм формирования новых центров роста в период реализации программы развития. Так как всякое разрушение (кризис) обладает большей силой воздействия, чем создание, то необходимо концентрировать усилия на формирование благоприятных условий для созидательных действий по организации «точек роста».

Возникающие в процессе управления компанией противоречия, двойственность состояний, конфликтные ситуации, требуют принимать рациональные решения, обеспечивающих достаточную финансовую устойчивость в сложившихся обстоятельствах.

Предлагаемые методы, механизмы управления. В период жизненного цикла компании происходит несколько экономических циклов развития: длинных — 30 лет, средних — инновационных — 7—10 лет, коротких — продуктовых 3—5 лет. В рамках этих циклов действуют различные диалектические противоречия. Каждый цикл развития имеет волновой характер и состоит из фаз развития — рост, насыщение, спад, депрессия (кризис).

Для принятия рациональных решений в этих условиях предлагается использовать методы и механизмы, разработанные научной школой кафедры экономики, управления, финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» [1–6].

Диалектический характер бизнес-процессов требует целенаправленного управления деловой активностью компании.

Деловая активность — это комплексная категория жизнедеятельности компании, отражающая результирующее воздействие активности локальных видов деятельности — производственной, инновационной, маркетинговой, финансовой, трудовой, инвестиционной, экономической, социальной, взаимосвязанных между собой и направленных на достижение целей развития бизнеса.

Ключевыми условиями эффективности деловой активности бизнеса и последовательным экономическим ростом компании являются сбалансированные темпы развития локальных составляющих жизнедеятельности компании в гармонии с внешней средой. Так как локальные виды деятельности взаимосвязаны, то их результирующая активность способствует как повышению, так и снижению общего индекса деловой активности. Разрешение возникающих экономических противоречий предполагает приведение интересов бизнеса к рациональным или приемлемым условиям, обеспечивающим достижение планируемых результатов с допустимой эффективностью. Отсутствие механизмов компенсации негативных действий противоречий приводит к нарушению экономических пропорций и равновесия, что, в свою очередь, воздействует на снижение деловой активности и финансовой устойчивости компании. Это означает, что *необходимо иметь механизм сбалансированного планирования деловой активности компании*. Наличие такого механизма является определяющим условием снижения отрицательного воздействия противоречий в процессе развития компании.

Инновационная деятельность является одним из источников появления противоречий при переходе объекта от достигнутого уровня качества к другому, более высокому уровню по результатам развития. Сами инновационные процессы носят циклический

характер, т.е. осуществляются с определенной периодичностью для конкретного бизнеса по мере созревания определенных условий и предпосылок. Это означает, что к каждому циклу развития нужно специально готовиться и иметь *механизм организационно-экономического сопровождения* программы развития компании. По результатам исследований автора, такой механизм был разработан и подробно описан в монографиях [2, 3]. Наличие такого механизма создает условия компании, который необходим для своевременного выполнения программы развития и реализации инновационных изменений. При этом, однако, необходимо соблюдать определенное правило: *рост организационного потенциала должен быть опережающим, так как темпы экономического роста компании не должны превышать скорость адаптации оргструктуры и персонала к вводимым изменениям*.

К реализации инновационных циклов различных проектов программы развития привлекается множество бизнес-структур для выполнения плановых заданий. Основной задачей менеджмента в этих условиях является организация эффективного взаимодействия этих участников для своевременного выполнения программы развития с заданными параметрами. По результатам многолетних исследований автора и его научной школы разработана модель системного организационного интегратора (СОИ), подробно описанная в монографиях [2, 3] и учебниках [1, 4]. Основной функцией СОИ является обеспечение координации взаимодействия компаний-участников программы развития и формирование совокупности организационных воздействий, обеспечивающих своевременное и качественное достижение установленных целей развития на основе принципов *своевременности, сбалансированности, комплексности, мотивированности и упреждения*.

Для обеспечения последовательного роста деловой активности компании в каждый плановый период формируется корпоративный план, где предусматриваются изменения темпов ключевых видов деятельности при выполнении плановых заданий. С учетом описанных противоречий и действия законов диалектики формирование сбалан-

сированного корпоративного плана является сложной задачей.

По результатам многолетних авторских исследований был предложен механизм сбалансированного корпоративного планирования компании, который состоит из совокупности взаимосвязанных модулей. Механизм подробно описан в учебнике [1]. Отличительным признаком предлагаемого механизма является сбалансированность темпов изменения активности ключевых видов деятельности и соблюдение экономических пропорций используемых активов, что позволит обеспечить последовательный рост деловой активности компании. Наличие различных моделей и механизмов эффективного управления компанией позволяет уменьшить негативные воздействия возникающих противоречий и конфликтов и плодотворно использовать законы диалектики в процессе развития.

Таким образом, сложность управления деловой активностью компании и принятия управленческих решений обусловлена: а) неопределенностью внешних условий и внутренней среды в процессе инновационного развития; б) возникающими диспропорциями в использовании ресурсов компании; в) повышением активности ключевых видов деятельности и необходимостью их синхронизации; г) появлением противоречий и конфликтов и действием других факторов. Для осуществления последовательного развития компании необходимо наличие системного организационного интегратора (СОИ), механизма сбалансированного корпоративного планирования, механизма мотивации результативности персонала и другие инструменты управления.

В целом, проведенные исследования показывают, что менеджмент компании предполагает четкое понимание сущности философии управления и законов диалектики, которые действуют в жизнедеятельности компании и должны учитываться при принятии управленческих решений.

Литература

1. Анискин Ю. П. Управление деловой активностью компании: Учебник для магистров. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2020. 404 с.
2. Анискин Ю. П., Дытыненко П. Н., Сухманов А.А., Яковлев А.С. Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях: монография / Под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2015. 299 с.
3. Анискин Ю. П., Бульканов П. А. и др. Управление корпоративными изменениями по критерию финансовой устойчивости: монография / Под ред. Ю. П. Анискина. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2010. 404 с.
4. Анискин Ю. П. Управление инновациями в системе управления инновационным развитием компании: Учебник для бакалавров. М.: Омега-Л, 2019. 260 с.
5. Анискин Ю. П., Кинякин С.Н. Особенности формирования механизма управления производственной активностью компании // Организатор производства. 2014. № 2. С. 36—39.
6. Анискин Ю. П. Инновационное развитие на основе организационных системных интеграторов // Russian Journal of Management. 2015. Т. 3. № 1. С. 48—53.

Поступила 14.02.2020

Анискин Юрий Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), anisk@mail.ru

References

1. Aniskin Ju. P. Upravlenie delovoj aktivnost'ju kompanii: Uchebnik dlja magistrrov. M.: VASh FORMAT, 2020. 404 s.
2. Aniskin Ju. P., Dytynenko P. N., Suhmanov A.A., Jakovlev A.S. Korporativnoe upravlenie delovoj aktivnost'ju v neravnovesnyh uslovijah: monografija / Pod red. Ju. P. Aniskina. M.: Omega-L, 2015. 299 s.
3. Aniskin Ju. P., Bul'kanov P. A. i dr. Upravlenie korporativnymi izmenenijami po kriteriju finansovoj ustojchivosti: monografija / Pod red. Ju. P. Aniskina. 2-e izd. M.: Omega-L, 2010. 404 s.
4. Aniskin Ju. P. Upravlenie innovacijami v sisteme upravlenija innovacionnym razvitiem kompanii: Uchebnik dlja bakalavrov. M.: Omega-L, 2019. 260 s.
5. Aniskin Ju. P., Kinjakin S.N. Osobennosti formirovanija mehanizma upravlenija proizvodstvennoj aktivnost'ju kompanii [THE FEATURES OF FORMATION THE MECHANISM OF MANAGEMENT MANUFACTURING ACTIVITY] // Organizator proizvodstva. 2014. № 2. S. 36—39.
6. Aniskin Ju. P. Innovacionnoe razvitie na osnove organizacionnyh sistemnyh integratorov // Russian Journal of Management. 2015. T.3. № 1. S. 48—53.

Submitted 14.02.2020

Aniskin Yu. P. — Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of Economics, Management and Finance National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl. Shokina, 1), anisk@mail.ru

Оптимизация производства путем решения задачи минимизации издержек

И.В. Бардушкина¹, П.В. Ермилова¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

i_v_bars@mail.ru

Решена двухэтапная задача оптимизации производства в зависимости от затрачиваемого капитала и труда. На первом этапе по статистическим данным методами аппроксимации определены параметры производственной функции. На втором этапе решена задача минимизации издержек при фиксированном объеме производства. Для рассматриваемого диапазона значений объема производства построена линия долгосрочного развития предприятия.

Ключевые слова: оптимизация; производственная функция; аппроксимация; условный экстремум.

Optimization of production by solving the problem of minimizing costs

I.V. Bardushkina¹, P.V. Ermilova¹

¹National Research University of Electronic Technology "MIET"

i_v_bars@mail.ru

Author has solved the two-stage problem of optimizing the production depending on the capital and labor. At the first stage, according to the statistical data, the parameters of the production function are determined by the approximation methods. At the second stage, the task of minimizing costs at a fixed volume of production is solved. Author has built the line of long-term enterprise development for the considered range of production volume values.

Key words: optimization; production function; approximation; conditional extremum.

Производство в экономике понимается как деятельность, в ходе которой экономические ресурсы посредством труда преобразуются в готовую продукцию. Производственная функция (ПФ) отображает связь между фактическим объемом выпуска и ресурсами, затраченными в процессе производства товаров или услуг. На макроэкономическом уровне ПФ используется для построения зависимости валового выпуска от производственных фондов и рабочей силы — как для регионов [1], так и для страны в целом. На микроэкономическом уровне в роли

производственной системы может выступать отдельное предприятие или отрасль [2]. Экономисты выделяют два вида наиболее часто используемых производственных функций: однофакторная и двухфакторная; к последним относится, например, функция Кобба — Дугласа [3]. Впервые зависимость была предложена шведским экономистом Кнутом Векселлем, однако статистическую проверку в 1927—1947 гг. осуществили ученые Чарльз Кобб и Пол Дуглас, в честь которых функция и получила свое название. Ученые предприняли попытку опытным путем

определить зависимость объема выпускаемой продукции от затрачиваемого капитала и труда в обрабатывающей промышленности США. Факторами производства в рассматриваемой модели являются труд и капитал. Определенная пропорциональность их сочетания создает условия для получения продукта. Назначение производственной функции Кобба — Дугласа заключается в отражении технологического соотношения труда и капитала, необходимого для производства некоторого количества товара.

Нахождение параметров производственной функции. Существуют различные подходы в построении ПФ для описания реальных процессов [4]. Применим метод наименьших квадратов и минимизацию функции двух переменных для аппроксимации ПФ [5].

Рассмотрим функцию Кобба — Дугласа, определяющую зависимость объема производства Q от двух производственных факторов: труд L и капитал K [6, 7]. Для проведения количественных экономических расчетов зависимость необходимо взять в виде:

$$Q = Q_0 \left(\frac{L}{L_0} \right)^\alpha \left(\frac{K}{K_0} \right)^\beta, \quad (1)$$

где L_0 и K_0 — фиксированные значения аргументов L и K ; Q_0 — соответствующий им объем производства.

Пусть имеются экспериментальные данные, показывающие объем Q_{ij} стабильно функционирующего производства при некоторых значениях производственных факторов L_j (человеко-часов), K_j (тыс. ден. ед.).

L	K				
	2	8	16	24	30
3	5	7	9	10	11
7	9	14	17	19	20
9	11	16	20	22	24
12	14	20	25	28	29
15	16	24	29	32	34

Обозначим $U = \frac{L}{L_0}$, $V = \frac{K}{K_0}$, $W = \frac{Q}{Q_0}$.

Тогда, $\ln W = \alpha \ln U + \beta \ln V$. Обозначим

$$w = \ln W, \quad u = \ln U, \quad v = \ln V, \quad \text{тогда}$$

$w = u\alpha + v\beta$. Для имеющихся значений получим приближенные равенства $w_{ij} = u_i\alpha + v_j\beta$.

Важно заметить, что задача состоит в нахождении таких значений α и β , при которых сумма квадратов разностей между левой и правой частью каждого равенства была бы минимальной:

$$f(\alpha, \beta) = \sum_{i,j} (u_i\alpha + v_j\beta - w_{ij})^2 \rightarrow \min.$$

Раскроем квадрат линейной комбинации в выражении для целевой функции:

$$f(\alpha, \beta) = \sum_{i,j} (u_i^2\alpha^2 + 2u_iv_j\alpha\beta + v_j^2\beta^2 - 2u_iw_{ij}\alpha - 2v_jw_{ij}\beta + w_{ij}^2).$$

$$\text{Введем обозначения: } a = \sum_{i,j} u_i^2,$$

$$b = 2\sum_{i,j} u_i v_j, \quad c = \sum_{i,j} v_j^2, \quad d = -2\sum_{i,j} u_i w_{ij},$$

$$e = -2\sum_{i,j} v_j w_{ij}, \quad f_0 = \sum_{i,j} w_{ij}^2, \quad \text{тогда}$$

$$f(\alpha, \beta) = a\alpha^2 + b\alpha\beta + c\beta^2 + d\alpha + e\beta + f_0. \quad (2)$$

Функция выпукла в области $4ac - b^2 > 0$, это необходимое условие, чтобы привлечь градиентные методы нахождения экстремума.

Выберем средние значения переменных в качестве констант: $L_0 = 9,2$, $K_0 = 16$, $Q_0 = 18,6$. Вычислим коэффициенты функции (2) по формулам:

$$a = \sum_{i,j} u_i^2 = 5 \sum_{i=1}^5 u_i^2 = 5 \sum_{i=1}^5 \ln^2 \frac{L_i}{L_0},$$

$$b = 2\sum_{i,j} u_i v_j = 2 \left(\sum_{i=1}^5 \ln \frac{L_i}{L_0} \right) \left(\sum_{j=1}^5 \ln \frac{K_j}{K_0} \right),$$

$$c = \sum_{i,j} v_j^2 = 5 \sum_{j=1}^5 \ln^2 \frac{K_j}{K_0},$$

$$d = -2 \sum_{i,j} u_i w_{ij} = -2 \sum_{i=1}^5 \ln \frac{L_i}{L_0} \sum_{j=1}^5 \ln \frac{Q_{ij}}{Q_0},$$

$$e = -2 \sum_{i,j} v_j w_{ij} = -2 \sum_{j=1}^5 \ln \frac{K_j}{K_0} \sum_{i=1}^5 \ln \frac{Q_{ij}}{Q_0},$$

$$f_0 = \sum_{i,j} w_{ij}^2 = \sum_{i,j} \ln^2 \frac{Q_{ij}}{Q_0}.$$

Получим следующие результаты: $a \approx 8,2$, $b \approx 2,3$, $c \approx 26,82$, $d \approx -12$, $e \approx -15,5$, $f_0 \approx 6,37$.

Функция является выпуклой на всей плоскости, так как $4ac - b^2 = 874,6721 > 0$. Точка глобального минимума функции (2) найдена методом сопряженных градиентов в Microsoft Excel.

С учетом найденных параметров функция Кобба — Дугласа (1) имеет вид

$$Q = 18,6 \cdot \left(\frac{L}{9,2} \right)^{0,7} \left(\frac{K}{16} \right)^{0,26}.$$

Оптимизация производства при фиксированном объеме продукции.

Пусть имеется заказ на производство партии продукции объемом $Q = 60$. Издержки производства зависят от цен p_1 и p_2 на ресурсы: $c(x_1, x_2) = 5x_1 + 8x_2$ где

$$x_1 = \frac{L}{L_0}, \quad x_2 = \frac{K}{K_0}.$$

Для полученной функции Кобба — Дугласа и линейной функции издержек производства рассмотрим задачу минимизации издержек при фиксированном значении объема производства Q :

$$p_1 x_1 + p_2 x_2 = c(x_1, x_2) \rightarrow \min;$$

$$f(x_1, x_2) = Q = \text{const}.$$

Сформулированная модель является задачей нахождения условного экстремума и решается методом множителей Лагранжа [3, 5]. Функция Лагранжа в рассматриваемом случае:

$$L(x_1, x_2, \lambda) = p_1 x_1 + p_2 x_2 + \lambda (Q - f(x_1, x_2)),$$

где $f(x_1, x_2) = Q_0 x_1^\alpha x_2^\beta$. Необходимые условия экстремума:

$$\begin{cases} \lambda \frac{\partial f}{\partial x_1} = p_1, \\ \lambda \frac{\partial f}{\partial x_2} = p_2, \\ Q = f(x_1, x_2). \end{cases} \quad (3)$$

Частные производные

$$\frac{\partial f}{\partial x_1} = Q_0 \alpha x_1^{\alpha-1} x_2^\beta, \quad \frac{\partial f}{\partial x_2} = Q_0 \beta x_1^\alpha x_2^{\beta-1}.$$

Из системы (3), разделив первое уравнение на второе и выразив x_1 через x_2 , получим

$$x_2 = \frac{p_1 \beta}{p_2 \alpha} x_1.$$

Подставим в уравнение изокванты, соответствующей фиксированному объему производства Q , полученное выражение для x_2 :

$$Q = Q_0 x_1^{\alpha+\beta} \left(\frac{p_1 \beta}{p_2 \alpha} \right)^\beta. \quad (4)$$

Уравнение (4) имеет корень

$$Q = Q_0 x_1^{\alpha+\beta} \left(\frac{p_1 \beta}{p_2 \alpha} \right)^\beta. \text{ Тогда } x_2^0 = \frac{p_1 \beta}{p_2 \alpha} x_1^0.$$

Точка $R(x_1^0, x_2^0) = (5,03; 1,17)$ — единственное решение задачи на условный экстремум.

Составим определитель по следующей формуле:

$$\Delta = - \begin{vmatrix} 0 & \phi'_{x_1}(R) & \phi'_{x_2}(R) \\ \phi'_{x_1}(R) & L''_{x_1 x_1}(R) & L''_{x_1 x_2}(R) \\ \phi'_{x_2}(R) & L''_{x_1 x_2}(R) & L''_{x_2 x_2}(R) \end{vmatrix}, \quad (5)$$

где $\phi(x_1, x_2) = Q - f(x_1, x_2)$, и покажем, что найденная точка R является точкой условного минимума. Частные производные от функции $\phi(x_1, x_2)$ и функции Лагранжа:

$$\phi'_{x_1} = -Q_0 \cdot \alpha \cdot x_1^{\alpha-1} \cdot x_2^\beta,$$

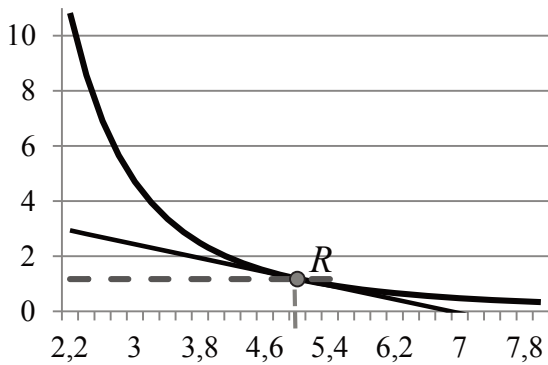

Рис. 1. Графическая иллюстрация оптимального решения задачи минимизации издержек при фиксированном объеме производства

$$\begin{aligned}\phi'_{x_2} &= -Q_0 \cdot \beta \cdot x_2^{\beta-1} \cdot x_1^\alpha, \\ L''_{x_1 x_1} &= -\lambda \cdot Q_0 \cdot \alpha \cdot (\alpha - 1) \cdot x_1^{\alpha-2} \cdot x_2^\beta, \\ L''_{x_1 x_2} &= -\lambda \cdot Q_0 \cdot \alpha \cdot \beta \cdot x_1^{\alpha-1} \cdot x_2^{\beta-1}, \\ L''_{x_2 x_2} &= -\lambda \cdot Q_0 \cdot \beta \cdot (\beta - 1) \cdot x_2^{\beta-2} \cdot x_1^\alpha.\end{aligned}$$

Вычислим частные производные в точке R и подставим найденные значения в формулу (5):

$$\Delta = - \begin{vmatrix} 0 & -8,35 & -13,36 \\ -8,35 & 0,5 p_0 & -1,86 p_0 \\ -13,36 & -1,86 p_0 & 8,47 p_0 \end{vmatrix} = p_0 \cdot 1094,78.$$

Определитель $\Delta > 0$, так как рыночная цена p_0 на производимую продукцию всегда положительна, а значит, точка с координатами $R(5,03; 1,17)$ является точкой условного минимума. Функция издержек производства в этой точке принимает наименьшее значение $c_{\min} = p_1 x_1^0 + p_2 x_2^0 = 34,49$.

На рисунке 1 построены изокоста (прямая $5x_1 + 8x_2 = 34,49$) и изокванта, описываемая уравнением

$$x_2 = \exp \left(\frac{1}{\beta} \ln \frac{Q}{Q_0 x_1^\alpha} \right).$$

Оптимальное решение есть точка касания этих линий: векторы $\text{grad} f$ и $\text{grad} c$ сонаправлены, поскольку

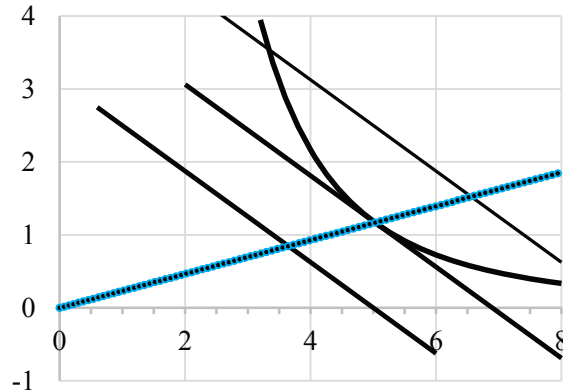

Рис. 2. Линия долгосрочного развития предприятия.

$$\text{grad} f = \left(\frac{\partial f}{\partial x_1}, \frac{\partial f}{\partial x_2} \right) = \left(\frac{p_1}{\lambda}, \frac{p_2}{\lambda} \right), \text{ а } \text{grad} c = (p_1, p_2).$$

Рассмотрим функцию прибыли предприятия $\text{Pr}(x_1, x_2) = p_0 f(x_1, x_2) - (p_1 x_1 + p_2 x_2)$, где p_0 — рыночная цена выпускаемой продукции. В точке условного экстремума

$$\frac{\partial \text{Pr}}{\partial x_1} = 0, \quad \frac{\partial \text{Pr}}{\partial x_2} = 0, \text{ следовательно,}$$

$$p_0 \frac{\partial f}{\partial x_1} = p_1, \quad p_0 \frac{\partial f}{\partial x_2} = p_2,$$

откуда с учетом (3) имеем:

$$p_0 \frac{p_1}{\lambda} = p_1, \quad p_0 \frac{p_2}{\lambda} = p_2, \text{ т. е. множитель}$$

Лагранжа равен рыночной цене выпускаемой продукции: $\lambda = p_0$.

Проведем расчеты для задачи оптимизации при различных значениях объема производства Q . При увеличении объема производства от нуля до 95 единиц получим точки оптимального использования ресурсов, каждая из которых является решением задачи на условный экстремум. Линия, составленная из полученных точек, показана на рисунке 2 и является линией долгосрочного развития предприятия.

Все вычисления произведены с помощью электронных таблиц Microsoft Excel, что позволяет легко менять любые параметры математической модели для анализа и прогнозирования работы предприятия.

Литература

1. **Баранов С.В.** Эконометрические модели производственных функций: история и современность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 10 (часть 2). С. 53—57. Текст: электронный. URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=5996> (дата обращения: 01.07.2019).
2. **Рузанов А.И.** Производственные функции и их использование для описания закономерностей производства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5(1). С. 212—217.
3. **Замков О.О., Толстомятенко А.В., Черемных Ю.Н.** Математические методы в экономике: учебник. М.: ДиС, 2009.
4. **Лебедев В.В., Лебедев К.В., Михайлов А.А.** К вопросу о применимости производственных функций для системного анализа реальной экономики // Системный анализ в науке и образовании. 2014. № 1. С. 90—96.
5. **Ревякин А.М., Бардушкина И.В.** Математические методы моделирования в экономике: учеб. пособ. М.: МИЭТ, 2013. 328 с.
6. **Бардушкина И.В., Кочетыгова Т.В., Рыжкова И.В.** Использование экономических функций в практико-ориентированных заданиях при изучении высшей математики: тезисы доклада // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 4(16). С. 126—129.
7. **Бардушкина И.В., Кочетыгова Т.В., Рыжкова И.В.** Об использовании производственной функции в практико-ориентированных заданиях при изучении высшей математики // Четвертые Декартовские чтения «Рационализм и универсалии культуры»: Мат-лы межд. науч.-практ. конф. (16—17 ноября 2017 г.). Ч. 2. М.: МИЭТ, 2017. С. 203—212.

Поступила 20.11.2019

Бардушкина Ирина Вячеславовна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д.1), i_v_bars@mail.ru

Ермилова Полина Владимировна — студентка второго курса Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д.1), ermilovap@icloud.com

References

1. Baranov S.V. Jekonometricheskie modeli proizvodstvennyh funkcij: istorija i sovremennost' // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2014. № 10 (chast' 2). S. 53—57. Tekst: jelektronnyj. URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=5996> (data obrashhenija: 01.07.2019).
2. Ruzanov A.I. Proizvodstvennye funkcii i ih ispol'zovanie dlja opisanija zakonomernostej proizvodstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 5(1). S. 212—217.
3. Zamkov O.O., Tolstopjatenko A.V., Cheremnyh Ju.N. Matematicheskie metody v jekonomike: uchebnik. M.: DiS, 2009.
4. Lebedev V.V., Lebedev K.V., Mihajlov A.A. K voprosu o primenimosti proizvodstvennyh funkcij dlja sistemnogo analiza real'noj jekonomiki // Sistemnyj analiz v nauke i obrazovanii. 2014. № 1. S. 90—96.
5. Revjakin A.M., Bardushkina I.V. Matematicheskie metody modelirovanija v jekonomike: ucheb. posob. M.: MIET, 2013. 328 s.
6. Bardushkina I.V., Kochetygova T.V., Ryzhkova I.V. Ispol'zovanie jekonomicheskikh funkcij v praktiko-orientirovannyh zadaniyah pri izuchenii vysshej matematiki: tezisy doklada // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2017. № 4(16). S. 126—129.
7. Bardushkina I.V., Kochetygova T.V., Ryzhkova I.V. Ob ispol'zovanii proizvodstvennoj funkcii v praktiko-orientirovannyh zadaniyah pri izuchenii vysshej matematiki // Chetvertye Dekartovskie chtenija «Racionalizm i universalii kul'tury»: Mat-ly mezhd. nauch.-prakt. konf. (16—17 nojabrja 2017 g.). Ch. 2. M.: MIET, 2017. S. 203—212.

Submitted 20.11.2019

Bardushkina Irina V. — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Higher Mathematics No. 2, National Research University MIET (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1), i_v_bars@mail.ru

Ermilova Polina V. — second-year student of MIET National Research University (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1), ermilovap@icloud.com

Внешнеторговые связи Российской Федерации: новые тренды в эпоху турбулентности

И.С. Гладков^{1, 2}

¹ *Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия*

² *Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

professorgis@rambler.ru

Рассмотрены наиболее существенные тренды во внешнеторговых связях Российской Федерации в 2019 г., продолжавших свое развитие на фоне нарастающей всеобщей турбулентности в системе мирового хозяйства и современной международной торговли. В ходе исследования использована методология сравнительного и статистического анализа. Традиционно основное внимание в статье уделено анализу актуальных сдвигов в динамике внешней торговли России, в ее географической и товарной структуре. На основе новейших статистических материалов показаны наметившиеся в прошедшем периоде перемены в позиции Российской Федерации как одного из ведущих субъектов в сфере международного товарного обмена. При этом ряд официальных и расчетных данных вводится в отечественный научный оборот впервые.

Ключевые слова: международная торговля, внешняя торговля, товарный экспорт, товарный импорт, турбулентность, санкции, Российская Федерация, Европейский Союз, Германия, Нидерланды, Польша, Китай, США.

Foreign trade relations of the Russian Federation: new trends in the era of turbulence

I.S. Gladkov^{1, 2}

¹ *Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*

professorgis@rambler.ru

Author has examined the most significant trends in the foreign trade relations of the Russian Federation in 2019, which continued their development against the backdrop of increasing general turbulence in the world economy and modern international trade. The study used the methodology of comparative and statistical analysis. Traditionally, the main attention in the article is devoted to the analysis of actual shifts in the dynamics of Russia's foreign trade, in its geographical and commodity structure. Based on the latest statistical materials, changes in the position of the Russian Federation as one of the leading actors in the field of international commodity exchange are shown. At the same time, a number of are. Also for the first time the official and calculated data has been introduced into the domestic scientific circulation by the author.

Keywords: international trade, foreign trade, commodity exports, commodity imports, turbulence, sanctions, Russian Federation, European Union, Germany, Netherlands, Poland, China, USA.

На протяжении последнего времени эволюция мирохозяйственных связей, включая международный товарный обмен, протекает в достаточно непростых условиях, характере

ризующихся вполне очевидным нарастанием неопределенности, неустойчивости и, как следствие, слабой предсказуемости текущих и намечающихся трендов в их развитии.

Своеобразным «барометром» происходящих в современной мировой экономике перемен могут послужить перманентные флуктуации темпов ее роста, находящие отражение в ежегодных докладах ведущих международных структур. Так, в периодических отчетах Международного валютного фонда (МВФ) за последние два года неоднократно менялись актуальные оценки и прогнозы мирового развития. При обобщении их можно констатировать, что своих «пиковых» (в посткризисный период) значений общемировой рост достиг в 2017 г. — 4,0 %. Причем довольно уверенный подъем продлился до середины 2018 г. Но затем наметились негативные сдвиги и параметры рассматриваемого показателя понизились до 3,6 % в 2018 г. при прогнозе на 2019 г. в диапазоне 3,0 % (как наименьшее значение после глобального финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг.). Однако в начале 2020 г. эксперты фонда опубликовали оценку мирового роста в 2019 г. на уровне 2,9 %, предполагая его повышение в 2020 г. до отметки 3,3 %, а в 2021 г. — до 3,4 % (см. здесь и далее: [15; 16; 17; 18; 19, р. 1—2, 9—10]).

Среди основных причин такого синусоидного тренда, по определению МВФ, сначала «синхронизированного подъема» до середины 2018 г., а затем «синхронизированного замедления» общемирового развития к началу 2020 г. экспертами фонда отмечаются следующие факторы: повышение торговых барьеров, и, соответственно, неопределенности в плане перспектив эволюции международной торговли, зависящих от геополитических сдвигов. К этому можно добавить проявление макроэкономических трудностей в ряде стран с формирующимся рынком (в частности, в Аргентине, Турции), структурных диспропорций в развитых экономиках (относительно невысокие темпы роста производительности, старение населения) (см.: [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13]).

Наконец, свою заметную «лепту» в нарастание неопределенности, неустойчивости в системе мирового хозяйства и глобального обмена внесло сохранение напряженности в торговых связях США и Китая. Позитивные перемены в этом «диалоге» наметились только на рубеже 2019—2020 гг.¹

Наиболее характерными чертами такого «вялого» развития мировой экономики в 2019 г. стало резкое и довольно широкое по географии охвата снижение активности в обрабатывающей промышленности и затруднения в сфере мировой торговли. Наметившиеся в этих секторах негативные тренды обуславливались повышением тарифов, длительной неопределенностью в отношении торговой политики, что предопределило снижение инвестиций и спроса на инвестиционные товары, в заметной мере вовлеченные во внешний торговый оборот. Существенными оказались и проблемы в автомобильной промышленности, вызванные введением новых нормативов выбросов в Европе и КНР. Вполне закономерным следствием всех названных факторов стало снижение стоимостных объемов международного товарного экспорта, составившее, согласно расчетам автора по данным МФВ, в 2019 г. примерно 1,6 % — до 18,898 трлн долл. США (рассчитано на основе данных: [19, р. 161]).

Тем не менее, несмотря на некоторые позитивные ожидания, связанные с возможным улучшением ситуации в ряде развитых экономик и стран с формирующимся рынком, сохраняются определенные риски осуществления негативного сценария в развитии мирового производства и международной товарной торговли в 2019—2020 гг. Так, могут оказаться ниже оценочных реальные темпы экономического роста как на национальном, региональном, так и на международном уровне. Кроме того, согласно экспертным оценкам, вполне вероятными могут оказаться в ближайшей перспективе сохранение геополитических катаклизмов (напряженность в отношениях США и Ирана), нарастание в ряде стран (включая европей-

¹ РБК: деловое информационное пространство. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения 06.02.2020).

ские) социальной напряженности, обострения в отношениях США с их торговыми контрагентами, проявление конфликтов в экономических контактах отдельных стран и регионов на фоне набирающих силы протекционистских настроений и действий, расширение санкционной практики как одного из методов конкурентной борьбы. Все это, несомненно, отразится на финальных показателях глобального товарообмена.

Специалистам очевидно, что для подведения окончательных итогов 2019 г. по основным макроэкономическим показателям стран потребуется определенное время. Но даже в конце февраля 2020 г. можно констатировать падение стоимостных параметров прошлогоднего товарного экспорта в таких крупных субъектах международного обмена, как США (1,645 трлн долл. в 2019 г. против 1,665 трлн долл. в 2018 г.), Япония (705,7 млрд долл. и 738,2 млрд долл. США соответственно), Республика Корея (542,3 млрд долл. и 605,2 млрд долл. США), Франция (555,1 млрд долл. и 568,9 млрд долл. США), Великобритания (469,2 млрд долл. и 487,1 млрд долл. США), Канада (446,4 млрд долл. и 450,7 млрд долл. США)² [14].

Приведенные данные демонстрируют геоэкономическую ситуацию, в которой осуществлялись внешнеторговые связи продолжавшей находиться под санкциями со стороны ряда западных стран Российской Федерации [4; 5; 10]. В данном контексте не слишком удивительно, что РФ также понесла потери в стоимости отечественного экспорта в 2019 г. (см. табл. 1).

Как показывает сопоставление новейших статистических данных по внешней торговле России за 2019 г. с показателями 2018 г., стоимость ее товарооборота (после двухлетнего роста) снова снизилась с 688,1 млрд долл. США до 666,6 млрд долл. США, то есть примерно на 3,1 %. Произошло это в основном за счет сокращения параметров экспортных поставок на 6,0 %, с 449,6 млрд долл. США до 422,7 млрд долл. США, так как импортные закупки по стоимости возросли на

2,2 % с 238,5 млрд долл. США до 243,7 млрд долл. США (см. табл. 1).

Однако стоит отметить, что в 2016 г. падение стоимостного показателя российского товарного вывоза под давлением внешней конъюнктуры составило 17,0 %, а в 2019 г. оно оказалось примерно втрое меньше. При этом России удалось добиться некоторых позитивных результатов, особенно в сфере нефтяного экспорта в страны дальнего зарубежья.

Географическая структура отечественного товарного вывоза в целом сохранилась при некотором изменении ее пропорций.

Так, наиболее важным внешнеторговым коллективным партнером РФ оставался Европейский союз (ЕС), пока в составе 28 стран-членов. Феномен «Брекзита» повлияет на последующие внешнеторговые контакты всех трех сторон в будущем, поскольку Великобритания, находясь в феврале 2020 г. в новом качестве, сообщила о своем намерении по завершении переходного периода после ее выхода из союза вернуться к вопросу о снятии (хотя бы частичном) санкций с России (URL: <https://www.rbc.ru> [06.02.2020]). Поддержка с ее стороны санкционных мер в отношении России было обусловлено обязательствами ее членства в ЕС.

Но в 2019 г. российский товарооборот с крупнейшим в современном мире региональным интеграционным блоком сократился по сравнению с 2018 г. — на 5,6 % до 277,8 млрд долл. США (хотя в 2018 г. отмечался его рост на 19,3 % на фоне существенного повышения стоимости отечественного товарного вывоза в ЕС на 28,3 %). После повышения долевого вклада Евросоюза во внешний оборот России в 2018 г. до 42,8 % в прошедшем году он показал обратный тренд к снижению — до 41,7 %.

При этом объемы российского экспорта в ЕС по итогам 2019 г. заметно сократились — на 7,8 % до 189,2 млрд долл. США, а закупки товаров в странах-членах Евросоюза понизились по стоимости незначительно — на 0,8 % до 88,6 млрд долл. США. Таким образом, Европейский союз сохранил свое положение в качестве крупнейшего партнера России в сфере внешней торговли, хотя и с понижательным

² UNCTADSTAT: официальный сайт. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения 05.02.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 05.02.2020).

трендом. Тем не менее, с учетом других стран региона — Швейцарии (1,0 %) и Норвегии (повысившей свой доленой вклад с 0,2 % до 0,5 % за счет значительного роста закупок в России в 2,5 раза) — на европейском направлении концентрируется почти 43,2 % отечественного внешнего товарооборота. Если в ходе мирохозяйственной эволюции удастся на протяжении 2020–2021 гг. избежать сползания в очередной циклический экономический кризис, о чем предупреждал в 2019 г. ряд экспертов, можно предположить сохранение в ближайшей перспективе лидерства Европы среди основных региональных контрагентов Российской Федерации, даже с вероятным снижением как относительных, так и абсолютных показателей в сфере двусторонней внешней торговли.

На страновом уровне товарооборота России с отдельными участниками ЕС можно отметить снижение долевого вклада Германии с 8,7 % до 8,0 % в 2019 г. (хотя до этого просматривался тренд к его повышению). При этом внешнеторговый оборот РФ с Нидерландами демонстрировал позитивные сдвиги (его доля возросла с 6,8 % до 7,3 % общей стоимости внешнего товарного обмена России, конечно, с учетом «роттердамского эффекта»). Но наибольший прорыв в относительных показателях (долевой вклад повысился с 2,0 % до 2,6 %), как и в абсолютных (рост с 13,7 млрд долл. до 17,3 млрд долл. США, то есть на 25,6 %) показал товарооборот РФ и Великобритании.

Стоит отметить, что по динамике возрастания стоимостных параметров товарного обмена с Россией Соединенное королевство стало абсолютным лидером среди стран-членов Европейского союза, поскольку общий их рост поддержан был повышением стоимости отечественного вывоза товаров в Великобританию с 9,7 млрд долл. до 13,2 млрд долл. США, то есть, на 36,6 %, при фактическом сохранении размеров российского импорта по стоимости.

Как показывают статистические данные внешнеторгового оборота РФ, вторым крупным регионом среди контрагентов России в 2019 г. оставался Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), в котором наиболее заметные позиции занимают страны-члены форума

АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества). Долевой вклад форума во внешнюю торговлю Российской Федерации в 2019 г. повысился с 31,0 % до 31,8 %, но на фоне некоторого понижения абсолютных показателей — с 213,2 млрд долл. до 212,2 млрд долл. США (или примерно на 0,5 %, хотя в 2018 г. отмечался существенный рост на 35,1 млрд долл. США, то есть, на 19,8 %). Аналогично развивался отечественный товарный экспорт в АТЭС, повысившись в 2018 г. на 30,0 млрд долл. США (на 34,8 %), в 2019 г. он сократился почти на 5,0 млрд долл. США, то есть, на 4,3 %. При этом несколько возрос импорт России — на 4,0 млрд долл. США (или на 4,1 %).

Крупнейшими внешнеторговыми партнерами РФ в АТЭС оставались Китай (его доленой вклад в российский внешний товарооборот повысился с 15,7 % до 16,6 %) с ростом всех стоимостных параметров (общего оборота — на 2,5 % до 110,9 млрд долл. США, отечественного товарного вывоза — на 1,4 % до 56,8 млрд долл., российского ввоза — на 3,6 % до 54,1 млрд долл. США).

При значительно меньшей стоимости товарооборота на втором месте среди российских партнеров находятся США (с возросшим долевым вкладом с 3,6 % до 3,9 % и повышением всех абсолютных показателей на 4,9 %, 4,4 % и 5,3 % соответственно). На третьей ступеньке оставалась достаточно активно конкурирующая с Соединенными Штатами в торговых связях с Россией Республика Корея, которой в 2018 г. удавалось иметь с РФ товарооборот, почти равный по стоимости обмену России с США — 24,8 млрд долл. и 25,0 млрд долл. соответственно, с аналогичным долевым вкладом 3,6 %. Однако в 2019 г. темпы роста ее торгового оборота с РФ оказались отрицательными, а стоимость его составила 24,4 млрд долл. США, то есть 3,7 % всего внешнего товарного обмена Российской Федерации. На четвертой строке традиционно находится Япония со снизившейся долей 3,0 %. Но в 2019 г. ее оборот с РФ сократился по стоимости до 20,3 млрд долл. США (или на 4,5 %) при падении отечественного товарного вывоза почти на 1,0 млрд долл. США (или на 8,7 %), но некотором повышении стоимости

поставок японских товаров в Россию (на 1,6 %). Таким образом, несмотря на соответствующую риторику, США и Япония сохраняли заметное положение во внешней торговле РФ.

Третьей по своему долевному вкладу в 2019 г. во внешний товарооборот Российской Федерации остается зона стран ближнего зарубежья, на нее приходится примерно 1/8 всей стоимости внешнеторговых операций. Данный показатель демонстрирует синусоидный тренд, повысившись в 2019 г. до 12,1 %. Аналогично возросла стоимость внешнеторгового оборота РФ со странами-членами ЕАЭС — с 8,2 % до 8,6 %.

При этом ведущими контрагентами России в данном ареале оставались Республика Беларусь (с долевым вкладом 5,0 %), Казахстан (нарастивший свой вклад с 2,7 % до 2,9 %), Украина (понижившая, напротив, его с 2,2 % до 1,7 %). Наиболее активно развивал внешнеторговые связи с РФ Узбекистан, не только повысивший долевой вклад в российский внешний товарный оборот с 0,6 % до 0,8 %, но добившийся роста двустороннего обмена на 16,1 % до 5,1 млрд долл. США.

Стоит отметить, что среднеазиатские партнеры России в 2019 г. продемонстрировали повышение всех стоимостных показателей во взаимном товарном обороте с РФ. Однако менее активно проявили себя Республика Беларусь (некоторое снижение общей стоимости обмена с Россией на 3,1 %, товарных закупок в РФ — на 6,7 %), Украина, показавшая заметное снижение всех параметров двусторонней торговли с Россией (см. табл. 1).

Среди «прочих» внешнеторговых контрагентов Российской Федерации наиболее заметны такие страны, как Турция (на нее в 2019 г. приходилась возросшая доля в стоимости внешнего оборота РФ — 3,9 %, но общий ее рост обусловлен повышением стоимостных параметров российских закупок в Турции — на 17,5 % при снижении российских поставок на 1,2 %), Индия (с долевым вкладом 1,7 %, схожей ситуацией в распределении двусторонних экспортно-импортных потоков), Египет и Бразилия, показавшие снижение практически всех параметров, характеризующих их торговые связи с Российской

Федерацией. Можно предположить, что относящиеся к данной подгруппе Швейцария и Норвегия могут выглядеть в дальнейшем несколько перспективнее как внешнеторговые партнеры России.

При рассмотрении новейших трендов во внешней торговле Российской Федерации определенное внимание следует обратить на товарную структуру экспортно-импортных связей (здесь и далее, см. табл. 2, 3).

Традиционно, основную часть отечественного товарного экспорта составляет товарная группа «минеральные продукты», включающая поставки топливно-энергетических товаров (нефть, газ, пр.). Можно констатировать, что в 2019 г. в целом сохранилось доленое соотношение между различными товарными группами. Расчетные данные в таблице 2 показывают очевидное доминирование в отечественном вывозе минеральных продуктов (почти 68,0 % всех поставок в страны дальнего зарубежья, свыше 31,4 % — в СНГ). При этом отмечается некоторое снижение их стоимостных параметров.

На втором месте в структуре российского товарного экспорта — снова по традиции — находятся «металлы и изделия из них» (8,2 % общей стоимости вывоза в дальнее зарубежье), на третьем — группа «продукция химической промышленности, каучук» (5,4 %), на четвертом — «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (5,1 %), на пятом — «машины, оборудование и транспортные средства» (свыше 4,6 %), на шестом — «драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них» (4,0 %). В совокупности на эти шесть товарных групп в 2019 г. пришлось 95,3 % всего стоимостного объема отечественного вывоза в дальнее зарубежье. В СНГ направлены в основном те же товарные группы, но наиболее крупных пять, которые обеспечили 89,1 % всей стоимости российских поставок в эту зону.

Товарная структура импортных закупок России включает в основном те же группы, но соотношение между ними складывается по-другому. Так, в товарном импорте РФ из дальнего зарубежья на первой строке остаются «машины, оборудование и транспортные

Таблица 1. Динамика внешнеторговых связей Российской Федерации, 2018—2019 гг. (млн долл. США; %)

Страны *	2018				2019				Темпы роста в 2019 к 2018, %		
Мир, всего	688110,7	449617,3	238493,4	100,0	666557,7	422777,2	243780,6	100,0	96,9	94,0	102,2
В том числе:											
ЕС, всего	294410,0	205109,1	89300,9	42,8	277796,1	189165,9	88630,2	41,7	94,4	92,2	99,2
В том числе:											
Германия	59696,8	34184,3	25512,5	8,7	53161,4	28049,5	25111,9	8,0	89,1	82,1	98,4
Нидерланды	47133,8	43440,3	3693,5	6,8	48766,4	44789,0	3977,5	7,3	103,5	103,1	107,7
Италия	26981,9	16401,2	10580,7	3,9	25240,5	14342,0	10898,6	3,8	93,5	87,4	103,0
Польша	21747,5	16605,3	5142,2	3,2	17528,5	12448,7	5079,8	2,6	80,6	75,0	98,8
Великобритания	13767,8	9705,6	4062,2	2,0	17296,8	13260,5	4036,3	2,6	125,6	136,6	99,4
Франция	17191,7	7633,3	9558,5	2,5	14931,5	6369,1	8562,4	2,2	86,9	83,4	89,6
Финляндия	14753,2	11370,6	3382,7	2,1	13564,5	10080,7	3483,7	2,0	91,9	88,7	103,0
Бельгия	11682,1	9211,2	2470,9	1,7	9169,9	6771,7	2398,2	1,4	78,5	73,5	97,1
Чехия	8672,1	4896,7	3775,4	1,3	8560,3	4861,1	3699,2	1,3	98,7	99,3	98,0
Венгрия	6966,3	4801,3	2165,0	1,0	6357,2	4083,2	2273,9	1,0	91,3	85,0	105,0
Словакия	5983,2	3790,5	2192,7	0,9	6225,7	4063,3	2162,4	0,9	104,1	107,2	98,6
Австрия	5789,4	3375,5	2413,9	0,8	6149,2	3517,1	2632,1	0,9	106,2	104,2	109,0
Испания	5758,2	2360,7	3397,6	0,8	5878,6	2558,6	3320,0	0,9	102,1	108,4	97,7
Латвия	5302,9	4822,3	480,6	0,8	5555,4	5088,5	466,9	0,8	104,8	105,5	97,2
Румыния	4919,7	3095,8	1823,9	0,7	4658,9	3196,2	1462,8	0,7	94,7	103,2	80,2
Швеция	5363,1	3140,8	2222,3	0,8	4533,8	2298,4	2235,4	0,7	84,5	73,2	100,6
Дания	4890,7	3891,1	999,6	0,7	4368,5	3199,8	1168,6	0,7	89,3	82,2	116,9
Греция	4332,1	4055,6	276,5	0,6	4141,5	3883,8	257,6	0,6	95,6	95,8	93,2
Литва	4765,7	4225,1	540,7	0,7	4058,8	3485,3	573,5	0,6	85,2	82,5	106,1
Мальта	4695,3	4664,8	30,4	0,7	3776,4	3755,1	21,4	0,6	80,4	80,5	70,3
Болгария	3468,1	2942,8	525,3	0,5	3267,9	2691,0	577,0	0,5	94,2	91,4	109,8
Эстония	3069,0	2452,1	616,9	0,4	2935,3	2449,5	485,8	0,4	95,6	99,9	78,7
Ирландия	2003,0	677,9	1325,1	0,3	2053,0	436,8	1616,2	0,3	102,5	64,4	122,0
Хорватия	1439,3	1229,5	209,7	0,2	1669,4	1474,1	195,2	0,3	116,0	119,9	93,1
Словения	1338,9	377,8	961,1	0,2	1512,2	489,4	1022,8	0,2	112,9	129,5	106,4
Португалия	1442,3	906,7	535,6	0,2	1252,7	709,4	543,2	0,2	86,9	78,2	101,4
Кипр	798,5	786,5	12,0	0,1	786,5	764,6	21,9	0,1	98,5	97,2	182,5
Люксембург	267,1	63,8	203,3	0,0	239,1	49,6	189,5	0,0	89,5	77,7	93,2

* В таблице приведены данные по основным внешнеторговым партнерам России, доля которых в стоимостных параметрах ее товарного оборота не менее 0,2 % (за исключением стран ближнего зарубежья, имеющих долевого вклад 0,1 %).

Страны *	2018				2019				Темпы роста в 2019 к 2018, %		
Мир, всего	688110,7	449617,3	238493,4	100,0	666557,7	422777,2	243780,6	100,0	96,9	94,0	102,2
АТЭС	213195,5	116242,4	96953,1	31,0	212187,6	111225,2	100962,4	31,8	99,5	95,7	104,1
В том числе:											
Китай	108244,7	56019,4	52225,4	15,7	110918,6	56791,6	54127,0	16,6	102,5	101,4	103,6
США	25021,8	12496,6	12525,1	3,6	26236,8	13049,0	13187,8	3,9	104,9	104,4	105,3
Респ. Корея	24835,4	17824,8	7010,6	3,6	24359,3	16357,3	8002,0	3,7	98,1	91,8	114,1
Япония	21259,4	12437,4	8822,0	3,1	20313,3	11353,0	8960,3	3,0	95,5	91,3	101,6
Тайвань (К.)	6644,8	4500,7	2144,1	1,0	5250,3	3226,5	2023,9	0,8	79,0	71,7	94,4
Вьетнам	6081,5	2457,3	3624,2	0,9	4919,1	1136,1	3783,0	0,7	80,9	46,2	104,4
Малайзия	2713,2	1086,6	1626,6	0,4	2904,9	1149,8	1755,1	0,4	107,1	105,8	107,9
Сингапур	3659,1	2789,6	869,5	0,5	2887,9	2299,6	588,3	0,4	78,9	82,4	67,7
Мексика	2941,6	2003,3	938,3	0,4	2585,8	1478,1	1107,8	0,4	87,9	73,8	118,1
Индонезия	2583,4	868,1	1715,3	0,4	2452,0	769,9	1682,1	0,4	94,9	88,7	98,1
Таиланд	2609,3	753,5	1855,8	0,4	2368,2	614,3	1753,9	0,4	90,8	81,5	94,5
Канада	1326,2	580,6	745,6	0,2	1753,7	817,2	936,5	0,3	132,2	140,7	125,6
Филиппины	1217,0	799,5	417,4	0,2	1122,8	695,4	427,4	0,2	92,3	87,0	102,4
Гонконг	1374,4	991,9	382,6	0,2	1279,6	803,3	476,3	0,2	93,1	81,0	124,5
Чили	1182,2	124,2	1058,0	0,2	1025,6	97,3	928,3	0,2	86,8	78,4	87,7

Страны *	2018				2019				Темпы роста в 2019 к 2018, %		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля в обороте	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля в обороте	Оборот	Экс-порт	Им-порт
СНГ	81410,3	54942,4	26467,9	11,8	80378,6	53419,9	26958,8	12,1	98,7	97,2	101,9
ЕАЭС	56693,3	38047,0	18646,2	8,2	57343,7	37825,9	19517,8	8,6	101,1	99,4	104,7
Беларусь	34425,3	22015,7	12409,6	5,0	33345,7	20545,0	12800,7	5,0	96,9	93,3	103,2
Казахстан	18390,1	13041,2	5348,9	2,7	19621,8	14050,8	5571,0	2,9	106,7	107,7	104,2
Украина	14983,1	9521,1	5462,0	2,2	11454,0	6619,4	4834,6	1,7	76,4	69,5	88,5
Узбекистан	4381,3	3317,8	1063,5	0,6	5085,8	3908,2	1177,7	0,8	116,1	117,8	110,7
Азербай-джан	2486,9	1713,4	773,5	0,4	3169,7	2312,8	856,9	0,5	127,5	135,0	110,8
Армения	1988,1	1351,8	636,3	0,3	2509,9	1680,0	829,9	0,4	126,3	124,3	130,4
Кыргызстан	1889,9	1638,4	251,5	0,3	1866,3	1550,1	316,2	0,3	98,8	94,6	125,7
Республика-Молдова	1560,2	1204,6	355,6	0,2	1640,6	1257,2	383,4	0,2	105,2	104,4	107,8
Таджики-стан	893,9	849,6	44,3	0,1	990,0	953,1	36,9	0,1	110,8	112,2	83,3
Туркмени-стан	411,6	288,8	122,8	0,1	694,8	543,3	151,5	0,1	168,8	188,1	123,3

Страны *	2018				2019				Темпы роста в 2019 к 2018, %		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля в обороте	Оборот	Экспорт	Импорт	Доля в обороте	Оборот	Экс-порт	Им-порт
ПРОЧИЕ											
В том числе:											
Турция	25544,7	21313,3	4231,4	3,7	26034,3	21063,3	4971,0	3,9	101,9	98,8	117,5
Индия	10976,6	7751,5	3225,1	1,6	11229,9	7308,1	3921,8	1,7	102,3	94,3	121,6
Швейцария	7209,5	4597,7	2611,8	1,0	6520,0	3670,7	2849,4	1,0	90,4	79,8	109,1
Египет	7668,9	7142,1	526,7	1,1	6246,4	5765,6	480,8	0,9	81,5	80,7	91,3
Бразилия	5055,3	2584,3	2471,0	0,7	4603,0	2454,8	2148,1	0,7	91,1	95,0	86,9
Норвегия	1621,1	1140,8	480,3	0,2	3338,1	2833,0	505,1	0,5	205,9	248,3	105,2
Израиль	2719,1	1954,1	764,9	0,4	2250,1	1416,5	833,6	0,3	82,8	72,5	109,0
Монголия	1652,4	1609,1	43,3	0,2	1768,2	1734,6	33,6	0,3	107,0	107,8	77,6
Грузия	1355,0	956,8	398,2	0,2	1331,9	882,6	449,3	0,2	98,3	92,2	112,8
Аргентина	1246,1	394,7	851,4	0,2	1149,6	322,3	827,3	0,2	92,3	81,7	97,2
Южная Африка	1069,6	285,7	783,9	0,2	1107,6	280,7	826,9	0,2	103,6	98,2	105,5

Примечание. Источник: собственная разработка на основе статистических данных: Федеральная таможенная служба: официальный сайт. URL: <http://customs.ru> (дата обращения 05.02.2020); Eurostat: [сайт]. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/> (last update of data: 01.02.2020); UNCTADSTAT: официальный сайт. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения 05.02.2020); World Trade Organization: [сайт]. URL: <http://www.wto.org> (дата обращения 05.02.2020).

Таблица 2. Структура товарного экспорта Российской Федерации, 2018—2019 гг.
(тыс. долл. США; %)

Наименование товарной отрасли	Страны дальнего зарубежья			Страны СНГ		
	2019			2019		
	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %
ВСЕГО:	216 821 773,6	100,00	102,3	26 958 779,3	100,00	101,9
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	23 665 458,1	10,91	99,4	6 181 476,8	22,93	104,3
Минеральные продукты	2 108 846,4	0,97	98,5	2 997 641,3	11,12	104,4
Топливо-энергетические товары	1 131 182,9	0,52	96,5	979 474,1	3,63	87,8
Продукция химической промышленности, каучук	43 832 307,6	20,22	110,4	3 925 154,8	14,56	100,6
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	1 225 022,6	0,57	101,7	49 722,2	0,18	76,3

Наименование товарной отрасли	Страны дальнего зарубежья			Страны СНГ		
	2019			2019		
	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3 204 528,2	1,48	97,9	486 778,1	1,81	75,4
Текстиль, текстильные изделия и обувь	13 142 040,0	6,06	102,0	1 963 201,5	7,28	100,2
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	730 742,4	0,34	125,5	335 328,2	1,24	185,7
Металлы и изделия из них	13 362 979,2	6,16	106,8	4 455 885,4	16,53	97,4
Машины, оборудование и транспортные средства	106 910 792,0	49,31	99,6	5 633 876,6	20,90	103,9
Другие товары	8 639 057,1	3,98	100,1	929 714,4	3,45	101,1

Примечание. Составлено и подсчитано на основе данных Федеральной таможенной службы: официальный сайт. URL: <http://customs.ru> (дата обращения 05.02.2020).

средства» (свыше 49,3 % общей стоимости ввоза), на второй — «продукция химической промышленности, каучук» (20,2 %), на третьей — группа «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» (10,9 %), на четвертой — «металлы и изделия из них» (6,2 %), на пятой — «текстиль, текстильные изделия и обувь» (6,1 %). То есть, суммарно пять основных товарных групп составляют 92,7 % всей стоимости российского ввоза из стран дальнего зарубежья.

При этом в списке закупаемых товаров в зоне СНГ можно выделить шесть групп, что обусловлено присоединением к названным выше группы «минеральные продукты» (достигают 11,1 % общих стоимостных параметров российских закупок в ближнем зарубежье). Можно отметить совокупный вес шести товарных групп во ввозе России из стран ближнего зарубежья — почти 93,3 % его общей стоимости.

При подведении итогов проведенного автором исследования, можно констатировать, что Российской Федерации в 2019 г. на фоне нарастающей турбулентности в системе мирового

хозяйства и международного товарного обмена, сохраняющегося пока санкционного давления со стороны некоторых западных стран, в основном удалось противостоять многим внешним вызовам, показать в целом неплохие результаты в сфере внешнеторговой деятельности. Кроме рассмотренных выше, следует отметить, что вопреки санкциям, в условиях снижения уровня антироссийской риторики, Россия активизировала свои поставки топлива в США, заняв к концу года место среди трех наиболее крупных поставщиков нефти, нефтепродуктов наряду с Канадой и Мексикой. Тем не менее, вполне очевидны предпринимаемые в РФ меры по диверсификации своих экспортно-импортных связей, как в сфере стимулирования новых технологических разработок, так и в области перехода к позитивным сдвигам в сложившейся ранее и не отвечающей зачастую современным требованиям географической и товарной структуре ее внешнеторговой деятельности. Таким образом, перспективы развития, как российской экономики, так и внешнего товарного обмена России связаны с необходимостью обеспечения технологического прорыва.

Таблица 3. Структура товарного импорта Российской Федерации, 2018–2019 гг.
(тыс. долл. США; %)

Наименование товарной отрасли	Страны дальнего зарубежья			Страны СНГ		
	2019			2019		
	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %	январь — декабрь	Доля к итогу, %	Темп роста 2019 к 2018, %
ВСЕГО:	369 357 315,6	100,00	93,6	53 419 851,0	100,00	97,2
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	18 898 011,4	5,12	95,1	5 855 291,8	10,96	116,2
Минеральные продукты	250 962 945,1	67,95	92,6	16 777 772,9	31,41	80,9
Топливо-энергетические товары	246 963 790,4	66,86	92,4	15 514 473,1	29,04	79,1
Продукция химической промышленности, каучук	19 904 188,6	5,39	97,3	7 092 519,0	13,28	101,2
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	123 697,6	0,03	65,5	69 374,7	0,12	104,9
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	10 362 868,4	2,81	90,2	2 424 148,0	4,54	100,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	307 394,8	0,08	99,2	1 056 456,3	1,98	116,8
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	14 836 557,8	4,02	149,2	422 370,0	0,79	249,3
Металлы и изделия из них	30 297 561,6	8,20	82,7	7 194 463,2	13,47	102,5
Машины, оборудование и транспортные средства	17 044 464,2	4,61	88,2	10 637 574,9	19,91	108,3
Прочие товары	6 619 626,2	1,79	122,5	1 889 880,1	3,54	108,2

Примечание. Составлено и подсчитано на основе данных Федеральной таможенной службы: официальный сайт. URL: <http://customs.ru> (дата обращения 05.02.2020).

Литература

1. Гладков И.С. Международная торговля на фоне замедления мировой экономики // Международная экономика. 2019. № 12. С. 44–50.
2. Гладков И.С. Меняющаяся конфигурация международной торговли: роль ЕС // Международная экономика. 2019. № 10. С. 18–37.
3. Гладков И.С. Международная торговля на перепутье: актуальные тренды // Международная экономика. 2019. № 4. С. 6–14.
4. Гладков И.С. Внешняя торговля Российской Федерации и Европейского Союза в 2018 г.: новые тренды или «трудности перевода» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1(21). С. 31–42.
5. Гладков И.С. Внешняя торговля России в 2018 г.: подъем продолжается // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1(17). С. 60–71.

6. Оболенский В.П. Протекционистские барьеры на рынках стран дальнего зарубежья // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 7–17.
7. Оболенский В.П. Внешняя торговля России: содействие процессам воспроизводства // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 9. С. 7–22.
8. Пискулов Ю.В. Международная торговля и экономический рост // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 96–102.
9. Пискулов Ю.В. О вкладе ВЭС в экономический рост России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 11. С. 84–89.
10. Пискулов Ю.В. О связи науки, экономической и политической практики // Международная экономика. 2017. № 12. С. 4–5.
11. Пискулов Ю.В. Геополитические риски в глобальной экономике и международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 2. С. 14–21.

12. Спартак А.Н. Контуры структурных трансформаций в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 3. С. 7—23.

13. Спартак А.Н., Французов В.В. Современные тенденции и риски в развитии мировой экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2. С. 7—24.

14. The World Bank group. Global economic prospects. Darkening Skies. January 2019. Washington, DC, International Bank for Reconstruction and Development. 2019. 241 p.

15. World Economic Outlook (WEO). Cyclical Upswing, Structural Change. April 2018. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2018. 282 p.

16. World Economic Outlook (WEO): Challenges to Steady Growth. October 2018. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2018. 195 p.

17. World Economic Outlook (WEO): Growth Slowdown, Precarious Recovery, April 2019. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 198 p.

18. World Economic Outlook (WEO): Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers, October 2019. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 188 p.

19. World Economic Outlook Reports. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? World Economic Outlook, January 20, 2020. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2020. 10 p.

Поступила 19.02.2020

Гладков Игорь Сергеевич — доктор экономических наук, профессор; главный научный сотрудник, руководитель Центра европейской торговли, Институт Европы Российской академии наук (ИЕ РАН) (125009, Москва, Никитский переулок, д. 2), профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36), *professorgis@rambler.ru*

References

1. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaja trgovlja na fone zamedlenija mirovoj jekonomiki [International trade against the background of global economic slowdown] // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2019. № 12. S. 44—50.

2. Gladkov I.S. Menjajushhajasja konfiguracija mezhdunarodnoj trgovli: rol' ES [The European Union in the changing configuration of international trade] // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2019. № 10. S. 18—37.

3. Gladkov I.S. Mezhdunarodnaja trgovlja na pereput'e: aktual'nye trendy [International trade at a crossroads: current trends] // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2019. № 4. S. 6—14.

4. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Rossijskoj Federacii i Evropejskogo Sojuza v 2018 g.: novye trendy ili «trudnosti perevoda» [Foreign Trade of the Russian Federation and the European Union in 2018: New Trends or «Lost in Translation»] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2019. № 1(21). S. 31—42.

5. Gladkov I.S. Vneshnjaja trgovlja Rossii v 2018 g.: pod'em prodolzhaetsja [FOREIGN TRADE OF RUSSIA IN 2018: THE RISE CONTINUES] //

Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika. 2019. № 1(17). S. 60—71.

6. Obolenskij V.P. Protekcionistskie bar'ery na rynkah stran dal'nego zarubezh'ja [Protectionist barriers in foreign markets] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2019. № 4. S. 7—17.

7. Obolenskij V.P. Vneshnjaja trgovlja Rossii: so-dejstvie processam vosproizvodstva [Foreign trade of Russia: facilitating production processes] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2019. № 9. S. 7—22.

8. Piskulov Ju.V. Mezhdunarodnaja trgovlja i jekonomicheskij rost [International trade and economic growth] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2019. № 1. S. 96—102.

9. Piskulov Ju.V. O vklade VJeS v jekonomicheskij rost Rossii [The importance of foreign economic relations for Russia's economic growth] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2019. № 11. S. 84—89.

10. Piskulov Ju.V. O svyazi nauki, jekonomicheskoi i politicheskoi praktiki // Mezhdunarodnaja jekonomika. 2017. № 12. S. 4—5.

11. Piskulov Ju.V. Geopoliticheskie riski v global'noj jekonomike i mezhdunarodnoj trgovle [Geopolitical risks in the global economy and international trade] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2015. № 2. S. 14—21.

12. Spartak A.N. Kontury strukturnyh transformacij v mezhdunarodnoj trgovle [Outlines of structural transformations in international trade] // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 7—23.

13. Spartak A.N., Francuzov V.V. Sovremennye tendencii i riski v razvitii mirovoj jekonomiki // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2019. № 2. S. 7—24.

14. The World Bank group. Global economic prospects. Darkening Skies. January 2019. Washington, DC, International Bank for Reconstruction and Development. 2019. 241 p.

15. World Economic Outlook (WEO). Cyclical Upswing, Structural Change. April 2018. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2018. 282 p.

16. World Economic Outlook (WEO): Challenges to Steady Growth. October 2018. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2018. 195 p.

17. World Economic Outlook (WEO): Growth Slowdown, Precarious Recovery, April 2019. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 198 p.

18. World Economic Outlook (WEO): Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers, October 2019. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2019. 188 p.

19. World Economic Outlook Reports. Tentative Stabilization, Sluggish Recovery? World Economic Outlook, January 20, 2020. Washington, DC. International Monetary Fund, Publication Services, 2020. 10 p.

Submitted 19.02.2020

Gladkov Igor' S., Dr. Sci. (World Econ.), Full Professor; Senior Researcher, Head of the Center for European trade, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (2Nikitskiy Lane, Moscow, Russia, 125009); Professor of the Chair of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyannyy Lane, Moscow, Russia, 117997), *professorgis@rambler.ru*

Разработка стратегии управления персоналом на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности

М.В. Лизавенко^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *АО «Научно-исследовательский институт молекулярной электроники»*

lizavenko.m.v@gmail.com

Предложена методика разработки стратегии управления персоналом для предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности на основе системного анализа и практического опыта. Показана модель функциональной стратегии предприятия. Особое внимание уделено системе планирования и анализа, а также изменению процессов управления персоналом в соответствии с современными целями развития отрасли и государственными задачами. Представлена система показателей для количественного и качественного анализа стратегии управления человеческими ресурсами.

Ключевые слова: высокотехнологичные отрасли, функциональная стратегия, управление персоналом, эффективность деятельности, управление изменениями.

Development of a human resource management strategy for high-tech enterprises

M.V. Lizavenko^{1,2}

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

² *Molecular Electronics Research Institute (JSC MERI), Moscow*

Author has proposed the methodology for developing a personnel management strategy for enterprises of high-tech industries based on system analysis and practical experience. The model of functional enterprise strategy is shown. Special attention is paid to the planning and analysis system as well as changing the processes of personnel management in accordance with modern goals of industry development and state tasks. Author has presented the system of indicators for quantitative and qualitative analysis of human resource management strategy.

Keywords: high-tech industries, functional strategy, human resource management, performance, modification management.

Сегодня перед предприятиями высокотехнологичных отраслей промышленности стоят масштабные задачи: реализация государственных программ, осуществление цифровой трансформации, обеспечение технологической независимости и национальной безопасности страны. К данным отраслям относятся авиационная

и ракетно-космическая промышленность, атомный энергопромышленный комплекс, судостроительная промышленность, а также электронная и радиоэлектронная промышленность.

В современном мире научные знания и высокие технологии создают условия для эффективной экономики, для модернизации

отраслей и обеспечения безопасности, способствуют повышению уровня жизни населения. В связи с этим приоритетной целью деятельности России на государственном уровне становится создание условий для достижения лидерства в ведущих высокотехнологичных отраслях промышленности, для усиления позиций российских предприятий на мировом рынке и их инвестиционной поддержки.

В высокотехнологичных отраслях реализуются три крупных блока — разработка технологий и изделий, создание материалов и компонентов и, собственно, производство продукции. Для решения данных задач важно наличие на предприятиях эффективных и вовлеченных сотрудников, обладающих соответствующими компетенциями, что должно обеспечивать запуск, успешную деятельность и дальнейшее развитие высокотехнологичного производства. Кроме того, необходимо создавать условия для привлечения талантливой молодежи, предоставлять им возможность самореализации, решения амбициозных задач и достижения высоких результатов.

Таким образом, в условиях необходимости технологического прорыва в развитии промышленности: создания конкурентоспособных компаний и продукции, интенсификации научно-технических исследований, практического внедрения инновационных разработок — ключевым драйвером повышения эффективности высокотехнологичной отрасли является развитие кадрового потенциала.

Такая функциональная стратегия предприятия, как стратегия управления персоналом, представляет собой концепцию развития персонала и организации в целом, которая в том числе включает мероприятия по развитию кадрового потенциала. Чтобы разработать стратегию управления человеческими ресурсами для предприятия высокотехнологичной отрасли, в первую очередь необходимо четко понимать стратегию развития отрасли и, соответственно, стратегические цели предприятия. В связи с этим необходимо сформулировать ответы на следующие вопросы:

- Технологии: что делать и что развивать?
- Рынки: куда и кому продавать?

- Инвестиции: кто заинтересован?
- Персонал: кто будет реализовывать?

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что в области управления персоналом в высокотехнологичных отраслях сегодня необходимо решать следующие приоритетные задачи: обеспечение потребности цифровой экономики и сфер высоких технологий в интеллектуальном капитале; разработка эффективной модели управления кадрами и инновационными проектами; увеличение привлекательности предприятий отрасли для молодых и высококвалифицированных специалистов.

Для подготовки мероприятий по совершенствованию управления эффективностью деятельности персонала и разработки предложений по изменению в управлении человеческими ресурсами предприятия предложена модель функциональной стратегии, которая включает анализ и проектирование по направлениям: организационное развитие, подбор и адаптация персонала, профориентационная работа, обучение и развитие персонала, мотивация и социальный пакет, внутренние коммуникации и вовлеченность.

Модель состоит из следующих блоков: 1) определение стратегических целей и задач в области управления персоналом в зависимости от стратегии развития отрасли и предприятия; 2) анализ процессов управления персоналом с помощью системы показателей; 3) определение и количественная характеристика тенденций и факторов изменений; 4) выявление «узких мест» и «проблемных зон» в кадровой политике; 5) разработка плана мероприятий и ключевых проектов для реализации функциональной стратегии [1].

В ходе исследования нами выявлено: чтобы ключевые цели, задачи и критерии успешности управления персоналом определить и структуризировать в соответствии со стратегическими целями предприятия, необходимо проанализировать факторы внешней и внутренней среды, а также степень влияния этих факторов. Для выявления аспектов воздействия внешней среды предлагается применять STEP-анализ и метод

пяти сил Портера. Данные маркетинговые инструменты позволяют системно проанализировать аспекты и степень воздействия внешней среды, а также выявить «точки риска» отрасли и предприятия. Далее для формулировки и обоснования стратегических направлений развития предприятия рекомендуется проводить SWOT-анализ.

По итогам SWOT-анализа формируются стратегические цели управления персоналом. Далее осуществляется анализ каждого направления. Рассмотрим систему показателей для количественного и качественного анализа стратегии управления человеческими ресурсами, разработанную по итогам практической деятельности на предприятиях высокотехнологичных отраслей.

Для анализа состояния кадрового потенциала предприятия, в том числе при детальном рассмотрении категорий персонала и подразделений, предлагается использовать следующие основные показатели: среднесписочная численность, общая численность, численность сотрудников до 35 лет, структура категорий сотрудников, текучесть персонала, продвижение сотрудников, организационные изменения, классификация персонала: гендерный и возрастной состав, количество кандидатов, докторов наук, аспирантов, академиков РАН, член-корреспондентов РАН, наличие и количество почетных званий и различных наград у сотрудников.

Чтобы определить параметры подбора персонала, требуется выявить потребности в кадрах, закрыть план набора в соответствующем количестве и необходимой квалификации, а также провести *анализ ресурсов и инструментов, используемых для подбора персонала*. Для данного направления предлагаем использовать такие показатели, как: выполнение плана по набору, скорость закрытия вакансий (в том числе в разрезе категорий), качество подбора, а также результаты мероприятий по популяризации бренда работодателя и набору персонала.

Следует отметить, что организация и качество проведения адаптационных мероприятий обеспечивает закрепляемость новых сотрудников. В связи с этим важно

проводить оценку адаптационных показателей: процент текучести персонала в первые шесть месяцев работы, коэффициент адаптации персонала (организация и проведение адаптационного курса и мероприятий для вновь принятых сотрудников), наличие и информативность справочника для новых сотрудников.

Опыт ведущих предприятий показывает, что система социального лифта «школа — вуз — предприятие» в перспективе дает высокий результат: повышает перспективность отрасли, позволяет привлекать и мотивировать талантливую молодежь. При построении данной системы необходимо определять уровень профориентационной работы предприятия. К ней относятся: организация и проведение экскурсий в рамках обеспечения отрасли высококвалифицированными кадрами, работы по профориентации учащихся школ и колледжей, организация и проведение профориентационных курсов для учащихся, проведение мастер-классов и участие в городских мероприятиях.

Направление обучения и развития персонала для высокотехнологичных отраслей промышленности является центральным и состоит из следующих блоков: взаимодействие с учебными заведениями; выявление потребности обучения; составление плана обучения, соответствующего потребности; организация обучения и оценка его эффективности; оценка персонала. Следует отметить, что для формирования кадрового резерва предприятия и составления индивидуальных планов развития сотрудников необходимо проводить комплексную оценку персонала, которая включает оценку эффективности деятельности сотрудника, оценку профессиональных и корпоративных компетенций.

Для количественной характеристики эффективности взаимодействия с профильными учебными заведениями предлагаем использовать следующую систему показателей: 1) количество учебных заведений, участвующих в программе взаимодействия; 2) наличие профильных для предприятия специальностей и базовых кафедр; 3) реализация

целевого набора; 4) количество студентов, прошедших учебную и производственную практику на предприятии; 5) количество студентов, трудоустроенных после практики; 6) количество сотрудников, обучающихся в магистратуре и аспирантуре профильных учебных заведений; 7) реализация совместных мероприятий и проектов по актуальным тематикам; 8) количество преподавателей из числа сотрудников предприятия [2].

Отметим целесообразность структурирования системы обучения персонала на предприятии по следующим видам обучения: 1) внутреннее обучение сотрудников корпоративными преподавателями; 2) наставничество; 3) курсы повышения квалификации и целевого назначения во внешних обучающих организациях; 4) дистанционное обучение; 5) получение высшего и послевузовского образования; 6) лекции, семинары, тренинги, круглые столы и конференции; 7) каскадное обучение — обучение по результатам стажировок.

Для количественного анализа системы внутреннего и внешнего обучения персонала предприятия предлагаем применять следующую систему показателей (в том числе при детальном рассмотрении категорий персонала и подразделений): количество сотрудников, прошедших обучение (в разрезе видов обучения); выполнение плана по обучению; объем обучения, количество часов обучения на одного сотрудника, зачисленного в кадровый резерв; затраты на обучение; количество внутренних курсов; количество обученных по приоритетным направлениям; количество сотрудников, участвующих в профильных конференциях и стажировках. Следует отметить, что для высокотехнологичных отраслей приоритетными являются показатели обучения по направлениям: укрепление кадрового резерва руководителей, подготовка кадров для внедрения инноваций и целевое обучение сотрудников по профильным программам предприятия.

Мотивация персонала является ключевым направлением кадровой политики предприятия, которое состоит из следующих

блоков: материальная мотивация, социальный пакет, нематериальная мотивация. *Анализ направления материальной мотивации* предлагаем проводить по следующим показателям (в том числе при детальном рассмотрении категорий персонала и подразделений): 1) величина фонда оплаты труда, средняя заработная плата, доля фонда оплаты труда в выручке, выручка на одного работника; 2) структура, принципы и инструменты установления заработной платы; 3) структура премирования работников; 4) соотношение уровня заработной платы предприятия с отраслевым уровнем; 5) принципы и алгоритм формирования фонда оплаты труда и бюджета расходов на персонал.

В социальный пакет работника могут входить следующие опции: компенсация затрат на аренду жилья для иногородних; предоставление служебного жилья; добровольное медицинское страхование; предоставление корпоративной мобильной связи; материальная помощь; компенсация части затрат: на питание, отдых по путевке, фитнес клуб, обучение иностранным языкам, погашение ипотечного кредита и др.. Для анализа расходов на персонал необходима информация о структуре и тенденциях расходов в целом и в разрезе направлений (подбор и адаптация, обучение и развитие, корпоративная культура, социальные расходы), а также информация о затратах на одного сотрудника и о количестве сотрудников в каждой опции социального пакета.

В ходе практической деятельности мы выявили, что важную роль в управлении эффективностью деятельности персонала играет нематериальная мотивация, уровень корпоративной культуры и вовлеченности. *Анализ направления внутренних коммуникаций и корпоративной культуры* следует проводить по следующим показателям: 1) корпоративные мероприятия и количество участников; 2) количество выпусков корпоративной газеты в год, уровень актуальности и информативности материалов, количество публикаций от имени высшего руководства, наличие значимых сведений об изменениях в работе предприятия, в том числе о руководителях подразделений, владельцах

процессов; 3) уровень посещаемости и объем информации корпоративного портала предприятия, а также наличие дополнительных возможностей: мобильной версии корпоративного портала, возможности опросов и голосований и др.; 4) оперативность информирования сотрудников о событиях и мероприятиях через каналы корпоративных коммуникаций; 5) встречи руководства компании с сотрудниками предприятия, а также опросы сотрудников в целях определения их актуальных потребностей и анализа проведенных мероприятий.

В ходе исследования мы установили, что эффективное управление вовлеченностью и лояльностью персонала способствует повышению производительности и финансовых показателей, позволяет привлекать и удерживать высококвалифицированных сотрудников, повышать имидж и восприятие бренда компании [3]. Вовлеченность персонала — показатель, имеющий математически подтверждаемую корреляцию с бизнес-показателями предприятия — выручкой, долей рынка, прибылью. Перечислим критерии оценки вовлеченности: 1) сотрудник всегда позитивно отзывается о компании в общении с коллегами, потенциальными сотрудниками и клиентами; 2) сотрудник действительно хочет остаться в компании на длительное время, быть частью компании; 3) сотрудник прикладывает дополнительные усилия, чтобы способствовать успеху бизнеса. Как правило, исследование уровня вовлеченности и лояльности проводится специальными консалтинговыми компаниями.

По завершении системного анализа текущего состояния и тенденций процессов управления персоналом необходимо количественно и качественно характеризовать требуемое состояние каждого направления в соответствии со стратегией предприятия и разработать план изменений и ключевые проекты в области управления человеческими ресурсами. Для предприятий высокотехнологичных отраслей сегодня приоритетными являются следующие направления изменений: 1) развитие кадрового потенциала, формирование кадрового резерва; 2) разработка индиви-

дуальной мотивации ключевых сотрудников, создающих новые продукты, решения, коммерциализируемые в будущем; 3) автоматизация принятия решений по управлению компанией и коммуникациями; 4) формирование бренда с высоким уровнем технической экспертизы, современными компетенциями и масштабными проектами международного уровня для целевой аудитории.

Таким образом, в условиях инновационного развития отраслей промышленности менеджеры высокотехнологичных предприятий должны реализовывать стратегические изменения, в том числе решать проблемы кадровой политики. Это управление эффективностью деятельности персонала в рамках достижения стратегических целей предприятий отрасли, в зависимости от внешних вызовов среды, требующее грамотного построения системы управления персоналом, а также разработки и реализации функциональной стратегии.

Подведем итог. Практическая деятельность свидетельствует, что предложенная методика разработки стратегии управления персоналом и модель функциональной стратегии позволяют выявить проблемы, количественно обосновать необходимые изменения в процессах управления персоналом, а также выработать план мероприятий и ключевые проекты по совершенствованию стратегии управления человеческими ресурсами. Реализация стратегии управления персоналом является условием успеха и вектором роста эффективности деятельности предприятия.

Литература

1. *Лизавенко М.В.* Разработка стратегии управления персоналом предприятия // Science Time: международный научный журнал. № 12(72). Казань: Общество Науки и Творчества, 2019. С. 48—51.
2. *Лизавенко М.В.* Развитие кадрового потенциала предприятий микроэлектронной промышленности // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования: сборник статей VI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. Ч. 2. С. 119—121.
3. *Лизавенко М.В.* Управление эффективностью деятельности компании во время кризиса // Молодежь

и наука: реальность и будущее: Материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2 т. Невинномысск: НИЭУП, 2015. Т. II: Экономические науки. Юридические науки. С. 179—181.

4. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения 10.03.2020).

5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: разработан Минэкономразвития России // КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 10.03.2020).

6. Стратегия развития электронной промышленности до 2030 года [Электронный ресурс]: презентация / Минпромторг России. URL: https://www.soel.ru/files/Стратегия_ЭП_2030_ГАС2018.pdf (дата обращения 10.03.2020).

Поступила 28.02.2020

Лизавенко Мария Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), начальник управления персоналом Акционерного общества «Научно-исследовательский институт молекулярной электроники», lizavenko.m.v@gmail.com

References

1. Lizavenko M.V. Razrabotka strategii upravlenija personalom predpriyatija // Science Time: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. № 12(72). Kazan': Obshhestvo Nauki i Tvorchestva, 2019. S. 48—51.

2. Lizavenko M.V. Razvitie kadrovogo potenciala predpriyatij mikrojelektronnoj promyshlennosti [DEVELOPMENT OF PERSONNEL POTENTIAL OF THE ENTERPRISES OF MICROELECTRONICS INDUSTRY] // Fundamental'nye osnovy innovacionnogo razvitija nauki i obrazovanija: sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 ch. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshhenie», 2019. Ch. 2. S. 119—121.

3. Lizavenko M.V. Upravlenie jeffektivnost'ju dejatel'nosti kompanii vo vremja krizisa

// Molodezh' i nauka: real'nost' i budushhee: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 t. Nevinnomyssk: NIJeUP, 2015. Т. II: Jekonomicheskie nauki. Juridicheskie nauki. S. 179 — 181.

4. O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (vmeste s «Konceptciej dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda») [Elektronnyj resurs]: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 28.09.2018) // Konsul'tantPljus: oficial'nyj sajt. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (data obrashhenija 10.03.2020).

5. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Elektronnyj resurs]: razrabotan Minjekonomrazvitija Rossii // Konsul'tantPljus: oficial'nyj sajt. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (data obrashhenija 10.03.2020).

6. Strategija razvitija jelektronnoj promyshlennosti do 2030 goda [Elektronnyj resurs]: prezentacija / Minpromtorg Rossii. URL: https://www.soel.ru/files/Strategija_JeP_2030_GAS2018.pdf (data obrashhenija 10.03.2020).

Submitted 28.02.2020

Lisavenko M. V. — candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of economic theory and Finance of the National research University «MIET» (1 Shokhina square, Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), head of personnel management «Molecular Electronics Research Institute», Joint Stock Company, lizavenko.m.v@gmail.com

Факторы внешнего влияния на поведение потребителей в условиях «утопического» рынка

В.А. Огородов¹, Д.А. Огородов², Т.В. Растимешина²

¹ *Финансового университета при Правительстве РФ*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

ogorodovs_98@mail.ru

Авторы рассматривают маркетинговые коммуникации в качестве инструмента сближения товара, продавца и покупателя. Идеальный маркетинг, то есть маркетинг «утопии», представляет собой идеальное продвижение товаров в условиях полного учета всех потребностей и аспектов потребительского поведения. В статье анализируются факторы внешнего влияния на потребительское решение о покупке: географические, социокультурные факторы, а также семья как малая группа, оказывающая особое влияние на потребительское поведение.

Ключевые слова: маркетинг, идеальный рынок, потребительское поведение, маркетинговые коммуникации, сегментирование рынка, целевой рынок.

Factors of external influence on consumer behavior in a «utopian» market

V.A. Ogorodov, D.A. Ogorodov, T.V. Rastimesina

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation*

² *National Research University of Electronic Technology*

ogorodovs_98@mail.ru

In this article, the authors consider marketing communications as a tool for «bringing together» the product, the seller and the buyer. Ideal marketing, that is, «utopia» marketing is an ideal promotion of products in conditions of full consideration of all the needs and aspects of consumer behavior. The article analyzes the factors of external influence on the consumer's decision to buy: geographical, socio-cultural factors, as well as the family as a small group that has a special influence on consumer behavior.

Keywords: marketing, ideal market, consumer behavior, marketing communications, market segmentation, target market.

Производство благ в современном мире является массовым. Идеальный, утопический маркетинг — это производство и продвижение товара в расчете на одного потребителя с учетом всех особенностей его личности и потребительского поведения. Однако такой идеал недостижим. В условиях свободной конкуренции и развитого рынка у потребителя «разбе-

гаются глаза» от многообразия товаров и услуг. Предложение настолько интенсивно, маркетинговые коммуникации настолько насыщены, что потребителям остается только выбирать и усложнять свои запросы в отношении товаров. Поэтому сегодня интенсивными темпами идет расслоение рынка. Компаниям все сложнее учитывать потребности и ориен-

тироваться на удовлетворения запросов всех потребителей. Принимая во внимание многообразие товаров, а также факторов, воздействующих на потребительский выбор, маркетинг стремится выявить группы потребителей, для которых характерны близкие типы потребительского поведения, и сегментировать рынок, ориентируясь на эти типы.

Сегментирование рынка — маркетинговая деятельность компании по разделению рынка на сегменты и выбору целевого рынка. Рыночная система экономических отношений настолько динамична, что рыночные сегменты очень непостоянны. Многообразие товаров и услуг, обилие информации о товарах позволяет потребителям пересматривать принципы выбора и предъявлять новые требования к товарам. Например, для потребителя сначала была важна доступность товара. Когда его доходы немного выросли, он пересмотрел принцип выбора и при принятии решения сконцентрировался на качестве и стране-производителе. Жители глубинки при сегментировании назывались «неискушенными провинциалами». Но за несколько лет ассортимент товаров и услуг в провинции значительно расширился, что явилось основанием для пересмотра и переименования сегмента. Таким образом, в современном динамичном мире принципы принятия потребительских решений и требования к товарам постоянно меняются. Так что ведущие компании непрерывно пересматривают границы сегментов рынка, как по принципу достоинства товаров, так и по принципу поведения потребителей.

Для осуществления покупки недостаточно товара и покупателя. Маркетинговые коммуникации являются тем стимулом, который дополнительно «продвигает» товар к потребителю, а потребителя «подталкивает» к решению о покупке. Однако мы неоднократно говорили о том, что при наличии одинаковых товаров и одинаковых стимулов реакции потребителей будут различными: от восторгов и немедленного приобретения до игнорирования и неприятия.

Задача маркетолога состоит в том, чтобы понять, какие силы действуют на потребителя между маркетинговой коммуникацией и моментом принятия решения. Для этого следует ответить на вопрос, какие

факторы воздействуют на человека при принятии решения о покупке. Знание этих факторов позволяет маркетологам выявить сегменты рынка и разработать систему целевых коммуникаций. Это означает, что при учете воздействующих на потребителей факторов производитель может найти «своего» потребителя, который с большой вероятностью станет потенциальным покупателем, ему и адресовать маркетинговое послание.

Традиционно факторы влияния на выбор потребителей делятся на внешние и внутренние. К внешним воздействиям можно отнести культурные, географические, социальные факторы, а также малые группы и групповые коммуникации. К внутренним факторам относятся: мотивация и личность потребителя, персональные ценности, жизненный стиль и ресурсы, а также особенности протекания психологических процессов при принятии решения о покупке.

Сегментирование рынка с учетом факторов внешнего влияния на поведение потребителей

1. Наиболее простым способом является сегментирование рынка по *географическому принципу*.

Место проживания — один из основных внешних факторов влияния на потребительское поведение. С учетом этого рынок разделяется на географические единицы: страны, области, города. Компании традиционно делят российский рынок на центральный и региональный. Поведение жителя центрального региона не похоже на поведение жителя «глубинки». Центральный регион является специфическим сегментом. Сегодня в столице сосредоточена большая часть новаторского потенциала потребителей. Именно на центральном сегменте компании опробуют новые товары и услуги.

Однако у компаний есть проблема «перенасыщения» многообразием товаров и услуг жителей центральных регионов. В большинстве других областей экономические возможности потребителей ниже, однако выбор товаров и услуг также несколько уже. Это позволяет производителям ориентировать маркетинговые коммуникации на «неискушенных» жителей регионов. Образ жизни, тип мотивации областного жителя качественно отличается от образа жизни москвича. Например, чувственная и познавательная

мотивация потребления свойственна более москвичу, в то время как ориентация на физиологические потребности ближе провинциалу.

Рекламный призыв «Хочется чего-нибудь новенького? Попробуй...» рассчитан на аудиторию столичного региона. Реклама порошков-автоматов также рассчитана на москвичей. А рекламный ролик одного из «обычных» стиральных порошков обращается к жителям «глубинки». Для них важны такие характеристики, как невысокая цена, экономичность. И сама реклама в свой образный ряд включает тазик на табуретке, женщин в кокошниках, шутки и частушки. Такая маркетинговая кодировка максимально отвечает особенностям маркетинговой аудитории нецентральных областей России.

При сегментировании рынка по географическому принципу следует учитывать, что рыночная ситуация может меняться. Если выбор промышленных товаров в нецентральных областях еще не столь велик, то продовольственные товары определенных наименований могут быть представлены там в более широком ассортименте, чем в Москве. Это обстоятельство нельзя не учитывать при продвижении новинок продовольственного рынка: в маркетинговой аудитории москвич и провинциал могут поменяться местами.

2. Культурные факторы, влияющие на потребительское поведение. Культура — это процесс по созданию, сохранению и распространению ценностей, а также качественное результативное образование этого процесса. Это традиционное определение культуры позволяет нам выделить краеугольный камень, вокруг которого строится понятие «культура». Это ценность. Все культурные явления так или иначе основываются на ценностях. Ценности являются основными абстрактными элементами культуры. Совпадение ценностей человека и ценностей, которые воплощены в товаре или марке, во многом определяет то, на чем остановит свой выбор человек.

Тот потребитель, для которого знание и процесс самосовершенствования является ценностью, выберет в подарок книгу. Комфорт как ценность делает актуальным выбор бытовой техники и предметов мебели. Ценности активно формируются под воздей-

ствием маркетинговых коммуникаций. Телевидение, все средства рекламы, мода, тенденции в науке и технике являются механизмами передачи ценностей. Они определяют место явления, товара, услуги, стремления в жизни человека, то есть формируют и даже навязывают определенные ценности. Так, реклама сделала ценностью общение с помощью современных средств коммуникации: Интернета и мобильной связи. В результате молодые люди сегодня не мыслят своего существования без электронных коммуникаций. Американское кино транслирует такие ценности, как самодостаточность человеческой жизни, независимость, свобода личности. Рыночная экономика сделала ценностями стремление к самореализации, успех, популярность, активность, движение вперед, креативность.

Посредством культуры формируются следующие аспекты человеческой личности:

- традиции, нормы и ценности;
- мировоззрение;
- язык и средства коммуникации;
- внешность и манера поведения;
- система взаимоотношений с окружающим миром;
- привычки, процессы обучения и общения и т. д.

Культура образует систему координат человека, осями которой являются традиции, нормы и ценности. В ходе роста и развития человек на разных этапах социализации усваивает то, что создано национальной, универсальной культурой, а также различными субкультурами. В процессе усвоения немаловажную роль играют маркетинговые коммуникации. С одной стороны, маркетинговые коммуникации могут воздействовать на формирование культурной системы координат, с другой стороны, системы координат человека и коммуникации могут совпадать или не совпадать.

Понимание культурных ориентиров потребителей позволяет выделять отдельные сегменты рынка по культурным основаниям. Культурные сегменты могут совпадать с географическими. Например, в некоторых районах России преобладает население, принадлежащее к мусульманской конфессии и культуре. Для продвижения товара в этом сегменте рынка, учитывая особенности культурной среды, нецелесообразно

использование сексуальных женских образов в маркетинговой коммуникации.

Для выбора средств маркетинга также важно понимать силу и направление культурных сдвигов. Сексуальная революция породила спрос на модели одежды, подчеркивающие и максимально открывающие фигуру. Этот же культурный сдвиг отодвинул рамки дозволенного в отношении количества обнаженного тела, которое допустимо демонстрировать в рекламе. С середины 80-х годов прошлого века наметилась тенденция к культурному сдвигу в обратном направлении: в сторону скромности и пуританства. Это связано с тем, что нарастающие темпы эпидемии СПИДа сделали неэтичными маркетинговые коммуникации излишне сексуального содержания.

Многоуровневость и неоднородность общества приводит к образованию *субкультур*. Внутри различных субкультур существуют разные ценности, стили жизни, модели потребительского поведения. Кроме универсальной культуры, человек усваивает субкультурные системы координат: молодежную, родовую, национальную, религиозную, городскую и т. д. Производитель имеет в виду, что существуют субкультуры, которые воздействуют на поведение потребителей и во многом определяют их выбор. Многие из этих подсистем образуют сегменты рынка. Издатели собраний сочинений классиков ориентируются на потребителей, относящиеся к той субкультуре, систему координат которой образуют ценности образованности, литературного наследия, традиционализма. Производители авангардной одежды ориентируются на субкультуру «продвинутой» молодежи.

Нормы и ценности субкультур называют этническими моделями. Они воздействуют на разные сферы жизни, в том числе экономическую сферу и, в частности, сферу потребления. Для эффективного продвижения товаров стратегии маркетинговых коммуникаций должны выражать близкие этнической модели ценности. Каждый отдельный ключевой элемент субкультуры может быть отражен в стратегии коммуникации.

Различные исследования поведения потребителей содержат чаще всего анализ сегментации сфер потребления американского или европейского рынка. Сегментация рос-

сийского рынка по принципу субкультур исследована меньше. Причиной этого является неразвитость и относительная молодость системы рыночной экономики в России. Тем не менее уже сегодня можно наметить тенденцию к разделению потребителей на большие группы, определяющие их потребительский выбор.

В российском обществе традиционно существовали субкультуры «почвы» и «цивилизации». «Почва» ориентируется на православные ценности, наследие русского языка и литературы, традиционный российский уклад жизни. Сегодня традиционным для «почвы» укладом можно считать существование в эпоху застоя. «Цивилизация» охотно впитывает все иностранные веяния, легко воспринимает перемены и трансформации, ориентируется в разные периоды на различные, но иностранные культуры. Сегодня доминантой «цивилизации» является англо-американская культура.

Как же существование этих субкультур разделяет российский рынок? «Почва» традиционно доверяет товарам российского производства, выбирает просмотр кинокартины российского режиссера и книгу русского автора. Для «почвы» важны семейные ценности, традиции. Маркетинговые обращения, нацеленные на представителей «почвы», должны основываться на традиционных ценностях и быть закодированными на русском языке.

Представители «цивилизации», напротив, выбирают все новое. Они ориентируются на развитие, темп, энергию, предпочитают модные импортные товары. Фильмы производства кинокомпаний Голливуда находят своих зрителей и покупателей прежде всего в лице представителей «цивилизации». Сегодня «цивилизационная» субкультура наслаивается на субкультуру молодежной среды. Этому сегменту свойствен космополитизм и восприимчивость к коммуникациям. Маркетинговое послание, созданное в расчете на эту специфическую аудиторию, может быть закодировано на языке интернационального молодежного сленга. Слова «супер», «мега» могут быть непонятны представителям «почвы» и даже вызывать раздражение, в то время как для «цивилизации» они являются частью языка повседневного общения.

Ценности субкультуры передаются с помощью трех основных институтов социализации: семьи, образования, религии. Проникновение маркетинговой коммуникации в каждую из этих «сред» может отразиться на процессе формирования ценностей и включения в субкультуру. Например, в семейное воспитание, формирующее причастность к «почве», может вмешаться телевизионная коммуникация. Реклама современных возможностей и услуг мобильной связи, электронной почты, закодированная на языке «цивилизации», формирует у молодого человека те ценности, которые позволяют отнести его к цивилизационному сегменту рынка.

3. Социальные факторы потребительского поведения и социальная стратификация. Существование различных субкультур определяет возможность деления людей на группы, объединенные по принципу близости ценностей, интересов и поведения. На это разделение обычно «наслаивается» разделение по социальным принципам: уровню образования, месту жительства, месту работы, уровню доходов. В результате такого наслаивания мы получаем группы людей, которые можно определить как социальные классы.

Социальные классы — это построенные по строгой иерархии социальные группы, объединенные уровнем доходов, образованием, а также традициями и ценностями. Представители одного социального класса обычно обладают одним социальным статусом, образованием и, соответственно, поведением. Иерархия социальных классов проявляется в том, что исследователи, в разной терминологии, выделяют высший, средний и низший классы.

Разделение обществ с развитой рыночной экономикой на социальные классы позволяет производителю ориентироваться в производстве и продвижении товаров на определенный класс. Социальные классы составляют естественные рыночные сегменты. Представители одного класса демонстрируют одинаковые товарные предпочтения и близкие схемы потребительского поведения. Различия в образовании, доходах, профессии и месте проживания потребителей подсказывают маркетологам, как строить маркетинговые коммуникации.

Производитель выпускает товар и стимулирует потребление не всего общества, а кон-

кретного класса. Маркетинговое обращение, в котором звучит словосочетание «высший класс», рассчитано прежде всего на элитную аудиторию. Представители среднего и низшего (беднейшего) классов как бы абстрагируются от такого сообщения, игнорируют его. Если при выпуске, например, автомобиля производитель ориентируется на средний класс, это будет определять и характеристики самого автомобиля, и цену, и кодировки маркетинговых сообщений. Крупнейшие производители строят свою маркетинговую политику, ориентируясь на определенный класс, и планируют маркетинговые коммуникации с учетом социального класса как фактора влияния на поведение потребителя.

Сегодня нельзя достаточно четко разделить российское общество по классовому принципу: люди зачастую работают не по специальности, уровень зарплаты не соответствует уровню образования и не совпадает с реальными доходами. Многие производители сегодня вынуждены «на ощупь» искать свои сегменты рынка. Развитие рыночной экономики приведет к формированию более четкой классовой стратификации. Это, в свою очередь, сделает более предсказуемым покупательское поведение и более определенным — деление маркетинговой аудитории.

При планировании стратегии маркетинговых коммуникаций обычно учитывается, что представители разных классов восприимчивы к разным коммуникационным каналам. К высшему классу более эффективно обращаться с помощью печатных СМИ, через коммерческую пропаганду, приглашать его представителей на форумы и презентации. Средний и рабочий класс предпочитают телевидение, а именно телешоу и телесериалы. При выборе средств стимулирования сбыта следует учитывать, что средний и низший класс реагируют повышением спроса на скидки, лотереи и подарки, им более свойствен эффект присоединения к большинству. В то же время высшему классу особенно важен имидж и фирменный стиль, от высшего класса можно с большей вероятностью ожидать эффекта сноба или эффекта Веблена.

Планируя комплекс маркетинговых коммуникаций, следует учитывать не только социальный класс, но и социальный статус — уважение, которым пользуются люди, занимаю-

шие определенное положение в обществе. Статус во многом отражает уровень доходов, но не тождествен социальному классу. Российская действительность такова, что иерархия социальных классов и статусов может быть противоположной. Доходы владельца лотка на рынке больше доходов профессора вуза, однако социальный статус последнего выше. То, что человек способен купить, зависит от его доходов, однако его запросы определяются статусом или желанием повысить статус.

Многие товары и марки являются символами высокого социального статуса. При создании рекламы производитель учитывает необходимость «поддерживать» статус с помощью соответствующих образов. Например, рекламная кампания напитка «Мартини» на протяжении многих десятилетий строилась на образах элитарных мужчин и женщин, роскоши и элегантности.

Экономическое положение, от которого зависит потребительская способность, очень сильно влияет на характер потребления. Обычно маркетологи рассматривают экономическое положение в комплексе с таким фактором потребления, как род занятий индивида. Профессия и род занятий определяют уровень доходов и экономическое положение человека.

Изменение рода занятий обычно сказывается на доходах и отражается в товарном наборе потребителя. Маркетологи тщательно отслеживают картину изменения экономического положения, чтобы прогнозировать спрос на определенные товары и услуги. Это позволяет планировать адресные маркетинговые коммуникации. Например, рост доходов значительной части населения переориентировал производителей бытовой техники на новый сегмент рынка: стиральная машина стала доступна семьям квалифицированных рабочих и врачей. Это изменило способы кодировки маркетинговых коммуникаций, инструменты стимулирования сбыта, характер рекламных сообщений.

Лица, обладающие примерно одинаковым экономическим положением и доходами, тем не менее ориентируются на различные товарные наборы. Учитель и строитель в России могут обладать одинаковыми доходами, однако при выборе одежды для работы они будут руководствоваться спецификой своего рода занятий. В этой ситуации

род занятий будет определяющим фактором, воздействующим на потребительское поведение.

Род занятий, экономическое положение, социальный статус и ряд других составляющих маркетологи объединяют в понятие «образ жизни». Например, расхожая характеристика: «Он врач районной больницы», — для маркетолога будет обозначать специфический тип потребительского поведения: человек в потреблении ориентируется на семью, имеет ограниченные доходы, пассивен, боится рисков, недоверчив к новым товарам.

Образ жизни может быть обеспеченным, спокойным и размеренным, а может быть энергичным и непредсказуемым. Образ жизни потребителей позволяет производителям мебели, напитков, товаров для спорта, туризма и отдыха очень эффективно сегментировать рынок. Для каждого из этих сегментов предусматриваются определенные типы товаров и каналы маркетинговых коммуникаций. Например, добротная мягкая и корпусная мебель предназначена для людей со стабильным доходом и достаточно высоким социальным статусом. В то же время легкая и транспортабельная мебель, рассчитанная на небольшие помещения, предназначена для потребителей с невысокими доходами и динамичным образом жизни. Он может быть связан с отсутствием у них собственного жилья.

Подводя итог, можно сказать, что культурные факторы и социальная стратификация общества оказывают существенное влияние на процесс принятия потребительского решения. Влияние этих факторов связано с тем, что:

- во-первых, обеспечивается приток информации о потребностях и потребительских возможностях — потребители используют информацию, предоставляемую им социальным классом и субкультурой через специфические каналы коммуникации;
- во-вторых, накладываются ограничения, которые могут быть связаны с бюджетными границами социального класса или культурными запретами субкультуры.

Таким образом, культурные факторы и социальные классы позволяют производителям сегментировать рынок и разрабатывать соответствующие программы маркетинговых коммуникаций.

4. *Малые социальные группы и семья как факторы, влияющие на потребительское поведение и выделение рыночных сегментов.* Когда мы рассматривали схему принятия потребительского решения, мы обращали внимание на то, что мнение соседа или близкого человека может оказать решающее воздействие на окончательный выбор индивида. Большое влияние на потребительское поведение оказывают так называемые малые группы и тесные коммуникации внутри них. *Малой группой* называется совокупность людей, имеющих общие цели и задачи и взаимодействующих для их достижения.

Особенностью коммуникаций внутри малых групп является то, что каждый член группы воспринимает другого как принадлежащего к этой группе и может оказывать прямое влияние на поведение и решение всех членов группы.

Каждый человек является членом множества групп: семьи, профессионального коллектива, группы по интересам, жильцов одного дома. Группы могут быть первичными (неформальными), к ним относятся: семья, друзья, соседи и т. д. Взаимодействия и взаимовлияния внутри первичной группы, как правило, стабильны и достаточно сильны. Группы могут быть вторичными, взаимодействие внутри них строится обычно на формальной основе. К вторичным группам относятся профессиональные и учебные коллективы, религиозные объединения.

Когда производители планируют маркетинговую коммуникацию, они не просто стремятся подчеркнуть, что выбор того или иного товара (услуги) одобряет группа, в которую входит потребитель. Идеально выстроенной маркетинговая программа является тогда, когда потребитель сам распространяет внутри малой группы положительную информацию о продукте или фирме. Если этот человек к тому же является носителем мнения в данной группе, фирма обретает сразу несколько потенциальных приверженцев.

Носителем мнения является наиболее влиятельный член группы. Это может быть глава семьи, неформальный лидер в классе, наиболее уважаемый член коллектива. Образ носителя мнения, поддерживающего тот или иной потребительский выбор, может оказать решающее влияние на принятие потреби-

тельского решения. Если человек пользуется уважением и доверием представителей малой группы, они прислушиваются к его мнению относительно потребительского выбора. Производитель пытается выявить носителя мнения и обратить внимание потребителя на его отношение к продукту.

Первичные группы и носители мнения внутри них наиболее влиятельны. Максимальное количество покупок совершается (и, напротив, от большого количества решений потребители отказываются) под влиянием первичных неформальных групп. Личное взаимодействие внутри неформальных групп наиболее тесное и отношения предельно доверительные. Существует аксиома, согласно которой, чем теснее и сплоченнее коллектив, тем более насыщенными являются каналы коммуникации внутри него и тем сильнее этот коллектив влияет на потребительский выбор своих членов.

Передача информации из уст в уста называется межличностной коммуникацией между членами малой группы. Межличностное общение играет максимальную роль в следующих случаях:

- если товар или марка являются новинкой рынка;
- если существует мнение, что приобретение товара или услуги связано с определенным риском;
- если потребитель колеблется между двумя продуктами.

Межличностное общение в потребительской сфере можно разделить по содержанию на три типа. Во-первых, в ходе коммуникации дается *характеристика товара или услуги*. Как часто каждому из нас доводилось слышать: «Ты знаешь, это такая классная вещь!»

Характеристика товара обычно дополняется вторым типом коммуникативного общения — *предоставлением совета*: «Тебе непременно надо попробовать, останешься доволен!» «Ядром» совета является *рекомендация*, что следует купить и чего покупать не следует ни в коем случае. Особенностью коммуникаций внутри малой группы является категоричность суждений. Чем теснее контакт в группе, тем меньше сомнений выражается ее членами при предоставлении совета.

Мнение относительно товара подкрепляется обычно личным опытом, обмен которым включает информацию об эксплуатации

товара. *Обмен личным опытом* — третий тип коммуникации в малой группе.

Контакты в малой группе на практике чаще всего включают все три типа коммуникации. Например, покупательница делится с подругой: «Рекламирую помаду марки X, я попробовала купить и, знаешь, очень довольна. Она хорошо держится и, посмотри, как блестит. О деньгах не пожалела. Обязательно попробуй».

В странах с развитой рыночной экономикой персональное влияние внутри малой группы используется в маркетинговых целях. Для того чтобы эффективно использовать коммуникации внутри малой группы, необходимо, прежде всего, контролировать и отслеживать каналы и интенсивность передачи информации из уст в уста.

Негативная информация о товаре передается значительно чаще и интенсивнее, поэтому основной маркетинговой задачей является ее сдерживание. Известно, что недовольством потребители делятся в 4-5 раз охотнее, чем удовлетворением от товара. Следовательно, положительные отзывы следует «усилить». Это можно сделать с помощью выявления новых носителей мнения и стимулирования передачи положительной информации. Так, многие крупные компании, использующие для стимулирования сбыта призы и лотереи, в рекламных сообщениях утверждают, что выиграть может любой покупатель по всей стране. На самом деле призы достаются жителям мегаполисов. Маркетинговый расчет прост: насыщенность коммуникаций, количество малых групп в большом городе значительно выше, чем в небольшом населенном пункте. Следовательно, положительную информацию, связанную с выигрышем, потребитель в Москве и Петербурге будет распространять в несколько раз интенсивнее, чем в районном центре.

Значение семьи в маркетинге. Самой влиятельной малой группой в отношении силы, частоты и скорости воздействия на потребительские решения является семья. В некоторых исследованиях семья называется первичным внешним фактором поведения потребителей. Изучение семьи как единицы, принимающей потребительские решения, имеет исключительное значение в маркетинге. Это определяется двумя факторами.

Во-первых, семья — это единица потребления. Продукты питания, бытовая техника,

автомобили, мебель, товары для дома покупаются в расчете на то, что ими будет пользоваться вся семья. При этом дорогостоящие товары приобретаются обычно «коллегиальным» способом, то есть решения принимаются совместно мужем, женой и, возможно, совершеннолетними детьми.

Развитие семьи сказывается на том, какие потребительские решения она принимает. Молодая семья обзаводится сначала предметами первой необходимости: мебелью и бытовой техникой. При появлении ребенка происходит перераспределение семейных доходов, и детские товары начинают занимать значительную часть товарного набора. Появление новых типов семьи, увеличение периода совместного проживания супругов до появления детей, тенденция к малодетности — все это отражается в характере потребительского поведения. Это открывает новые возможности для построения маркетинговых коммуникаций.

Во-вторых, даже при покупке товаров индивидуального пользования на потребительский выбор одного члена семьи могут оказать существенное влияние другие члены семьи. Делая индивидуальный выбор (например, одежды), индивид ориентируется на мнения остальных. Жена, приобретая костюм для себя, хочет, чтобы он понравился мужу.

Потребительские вкусы и предпочтения «закладываются» и воспитываются начиная с раннего возраста в «порождающей» семье (семье родителей). Те же вкусы и предпочтения трансформируются, переориентируются в «порожденной» семье, создаваемой при вступлении в брак. В «порожденной» семье происходит процесс адаптации — обязанностей, вкусов и предпочтений.

В процессе изменения жизненного цикла семьи происходит смена покупательских ролей. Молодая, не имеющая детей семья живет и строит потребление в ориентировке «на себя»: путешествия, одежда, развлечения. Молодая семья не откладывает часть бюджета «про запас». При появлении ребенка товарный набор и схема потребления меняются. Покупательские роли распределяются с учетом социальных ролей матери и отца. В странах с развитой рыночной экономикой при наступлении такого жизненного цикла семьи, как «пустое гнездо», родители вновь переориентируют потребление

«на себя». Оставшись одни, они уделяют внимание своему здоровью, путешествуют, тратят время и деньги на то, что не могли позволить себе в ранние годы. Специфика российской экономики такова, что родители в «пустом гнезде» экономически поддерживают молодые семьи, берут на себя часть обязанностей по воспитанию внуков.

При изучении семьи как единицы потребления маркетологи уделяют особое внимание тому, кто в семье является носителем мнения, то есть максимально влияет на принятие окончательного решения при покупке. Обычно при покупке разных товаров носителями мнения являются разные члены семьи.

Существует стереотип, что наиболее влиятельным лицом при покупке техники является муж и отец, а при покупке продуктов — женщина. Маркетинговые коммуникации строятся в соответствии с этим стереотипом. Однако следует учитывать, что *использующим* бытовую технику является домохозяйка, и она определяет все параметры нужного ей товара: стиральной машины или холодильника. Поэтому, вопреки стереотипу, мнение женщины при принятии семьей совместного потребительского решения оказывается решающим.

В рекламе продуктов питания маркетологи традиционно ориентируются на женщин. Но сегодня во многих семьях роль *покупателя* играет мужчина: он заезжает в супермаркет после работы. Женщина может определять, какие продукты и в каком количестве требуются семье, и передавать эту информацию мужу. Он, в свою очередь, принимает решения относительно марок. Покупка продуктов не требует включенности в процесс, поэтому мужчина выбирает марку подсолнечного масла или гречневой крупы по привычке или просто покупает любую. Следовательно, производитель продуктов питания при их продвижении на рынок должен среди прочего учитывать, что маркетинговой аудиторией являются и мужчины.

Производители автомобилей и сопутствующих товаров также находятся под влиянием следующего стереотипа: аудиторией маркетинговой коммуникации является мужчина, на него следует ориентироваться при составлении программы коммуникаций. Однако современная реальность такова, что количество женщин за рулем растет с каждым днем. При этом женщина является «полномасштабным» потребителем:

она выбирает марку автомобиля, автосервис и т. д. Это должно учитываться рекламодателем при планировании маркетинговой стратегии. Если даже женщина не является *использующим* автомобиль, она существенным образом может повлиять на принятие семьей окончательного решения относительно марки автомобиля.

Роль детей при принятии потребительских решений долгое время была недооцененной. Сегодня в маркетинговых коммуникациях учитывается, что дети являются очень важной маркетинговой аудиторией. Во-первых, потому, что дети являются *использующими* в отношении большого количества товаров и представляют собой значительный сегмент рынка. В частности, подростки имеют собственные деньги, осуществляют самостоятельный выбор (например, при покупке компакт-дисков, компьютерных игр, одежды). Во-вторых, при принятии потребительских решений в семье взрослые учитывают мнения детей. В-третьих, дети рано или поздно вырастут и станут основной маркетинговой аудиторией. Понимая это, производители стремятся как можно раньше формировать приверженность товарной марке у детей.

В ходе личностного развития, начиная с самого раннего возраста, человек проходит процесс потребительской социализации. Он приобретает знания, умения, навыки и опыт, которые в дальнейшей жизни позволяют ему принимать самостоятельные потребительские решения. Ключевую роль в потребительской социализации играет семья. Родительское влияние максимально в раннем возрасте. Социализация потребителя продолжается и во взрослом состоянии, но стереотипы поведения, усвоенные в детстве, могут сопровождать потребителя всю жизнь.

В экономической науке часто используется термин «домохозяйство». Все, кто проживает в одном доме, представляет собой потребительскую единицу — домохозяйство. При разработке стратегий маркетинговых коммуникаций для того, чтобы не ошибиться в выборе маркетинговой аудитории, особенно важно учитывать, как функционирует домохозяйство как потребительская единица, какие механизмы действуют при принятии решения о покупке внутри домохозяйства. Для этого нужно найти ответы на следующие вопросы:

- Каковы условия, в которых создается необходимость в покупке?

• Кто, в каком продукте испытывает необходимость и когда?

• Кто является покупателем и использующим, какие между ними взаимоотношения?

Таким образом, семья как фактор потребительского поведения влияет на сегментирование рынка в нескольких аспектах.

Прежде всего, рынок может быть разделен по жизненным циклам семьи: молодые семьи, зрелые семьи, «пустые гнезда» и т. д. Для каждого из этих сегментов существуют специфические формы коммуникаций.

Во-вторых, при сегментировании рынка учитывается, кто в семье принимает решение при покупке.

В-третьих, производитель может сегментировать рынок по величине и типу домохозяйства. Реклама многоярусных кроватей и семейных микроавтобусов рассчитана на семьи более чем из трех человек, а небольшие автомобили предназначены для маленьких семей.

Литература

1. Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен: материалы IX всероссийской научной интернет-конференции, 5—25 октября 2017 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 371 с.
2. Лещук Н. С. Влияние рекламы на формирование этических норм и уровень культуры школьников: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 131 с.
3. Социальный маркетинг: эффективный инструмент глобальных ответных мер на эпидемию ВИЧ/СПИДа. Женева: ЮНЭЙДС, 2006. 19 с. (Лучшая практика).
4. Тюгаев А. Р., Голобоков А. С. Особенности потребительского поведения молодежных субкультур: факторы, модели, тенденции // Инновационные технологии в науке Нового времени: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2016. С. 153—160.
5. Шилова Л. В., Корнев К. Ю., Тимофеева Д. С. К вопросу влияния культуры и субкультуры на поведение потребителей // Наука, образование и культура: сб. науч. статей / Отв. ред. К. Е. Романова. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2016. С. 117—119.
6. Мексичева Т. С. Позиционирование ценностей в субкультуре потребителей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 15 с.
7. Драганчук Л. С. Поведение потребителей: теория и практика. Красноярск, 2011. С. 61—88.
8. Шадрина С. В. Потребительское поведение подростков: основные факторы влияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2009. № 2. С. 53—91.
9. Кузнецов А. С. Влияние социально-демографических факторов на поведение потребителей в отношении покупки продуктов питания, произведенных в определенном регионе (ФРГ) // Экономика сельского хозяйства: реферативный журнал. 2005. № 3. С. 731.

Поступила 10.03.2020

Огородов Вячеслав Алексеевич — студент Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Москва, Ленинградский пр-т, д.51/1), ogorodovs_98@mail.ru

Огородов Дмитрий Алексеевич — начальник Молодежного инновационного центра при НИУ МИЭТ (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), ogorodovs_98@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Kul'tura i vzryv: social'nye smysly v jepohu peremen: materialy IX vsrossijskoj nauchnoj internet-konferencii, 5—25 oktjabrja 2017 g. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2017. 371 s.: il., tabl.
2. Leshhuk N. S. Vlijanie reklamy na formirovanie jeticheskikh norm i uroven' kul'tury shkol'nikov: monografija. M.: Izd-vo MGOU, 2006. 131 s.: tabl.
3. Social'nyj marketing: jeffektivnyj instrument global'nyh otvetnyh mer na jepidemiju VICH/SPIDa. Zheneva: JuNJeJDS, 2006. 19 s. (Kollekcija JuNJeJDS «Luchshaja praktika»).
4. Tjugaev A. R., Golobokov A. S. Osobennosti potrebitel'skogo povedenija molodezhnyh subkul'tur: faktory, modeli, tendencii // Innovacionnye tehnologii v nauke Novogo vremeni: sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Ch. 2. Ufa: OMEGA SAJNS, 2016. S. 153—160.
5. Shilova L. V., Kornev K. Ju., Timofeeva D. S. K voprosu vlijanija kul'tury i subkul'tury na povedenie potrebitelej // Nauka, obrazovanie i kul'tura: sb. nauch. statej / Otв. red. K. E. Romanova. Shuja: Shujskij filial IvGU, 2016. S. 117—119.
6. Meksicheva T. S. Pozicionirovanie cennostej v subkul'ture potrebitelej: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2006. 15 s.
7. Draganchuk L. S. Povedenie potrebitelej: teorija i praktika. Krasnojarsk, 2011. S. 61—88.
8. Shadrina S. V. Potrebitel'skoe povedenie podrostkov: osnovnye faktory vlijanija // Vestnik Sankt-Peteburgskogo universiteta. Menedzhment. 2009. № 2. S. 53—91.
9. Kuznecov A. S. Vlijanie social'no-demograficheskikh faktorov na povedenie potrebitelej v otnoshenii pokupki produktov pitaniya, proizvedennyh v opredelennom regione (FRG) // Jekonomika sel'skogo hozjajstva: referativnyj zhurnal. 2005. № 3. S. 731.

Submitted 10.03.2020

Ogorodov V.A., student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (51/1 Leningradsky Ave., Moscow, 125993), ogorodovs_98@mail.ru

Ogorodov D.A., head of the Youth innovation center, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), ogorodovs_98@mail.ru

Rastimeshina T.V., Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Political Science of National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), rast-v2012@yandex.ru

Вариативность трактовок категории «мягкая сила» в современной философии

Е.В. Андриенко, В.А. Чернышов

Донецкий национальный университет, Донецк

elena_andrienko8@mail.ru

Представлено философское исследование различных вариантов интерпретации категории «мягкая сила» в современном гуманитарном знании. Проанализированы вопросы взаимосвязи категории «мягкая сила» с понятиями «умная сила», «мягкая власть», «жесткая сила», «гибкая сила», а также понятием стратегического ресурса, политического и социокультурного влияния. Внимание акцентировано на существовании трех главных элементов «мягкой силы»: привлекательность культуры, политическая идеология и развитая дипломатия. Сделан вывод о том, что концепт «мягкой силы» принципиально нельзя считать всесторонне разработанным в связи с невозможностью формулировки единой трактовки и выделения общепризнанной структуры данного феномена, а также широким разнообразием национальных особенностей применения методов «мягкой силы» в современном мире.

Ключевые слова: мягкая сила; умная сила; общественное сознание; политика; культура; философия.

Variability of Interpretations of the Category of “Soft Power” in Modern Philosophy

Ye. V. Andriyenko, V. A. Chernyshov

Donetsk National University, Donetsk

elena_andrienko8@mail.ru

The article has been devoted to the philosophical study of various interpretations of the category of “soft power” in modern humanitarian knowledge. The author analyzes the relationship between the category of “soft power” and such concepts as “smart power”, “soft power”, “hard power”, “flexible power”, strategic resource, political and sociocultural influence. The emphasis has been made on the fact that there are three main elements of “soft power”: the attractiveness of culture, political ideology, and developed diplomacy. It has been concluded that the concept of “soft power” cannot fundamentally be considered comprehensively developed due to the impossibility of formulating a single interpretation and highlighting the generally recognized structure of this phenomenon, as well as a wide variety of national features of the application of “soft power” methods in the modern world.

Keywords: soft power; smart power; social consciousness; policy; culture; philosophy.

Вопросы «мягкой силы» приобретают все большую актуальность в современном мире в связи с рядом глобальных социокультурных и политико-экономических процессов. В контексте современной философии категория «мягкой силы» (англ. *soft power*) раскрывается через смысловые «понятия-сателлиты», несущие на себе расширенную нагрузку в общественном поле институциональных взаимодействий — «умная сила», «мягкая власть», «жесткая сила», «гибкая сила», стратегический ресурс, политическое и социокультурное влияние. В контексте социальной философии отдельную смысловую акцентуацию несет на себе общий дискурс смыслового среза понятия «мягкая мощь», в рамках которого осуществляется философское осмысление исторических преобразований политического поля цивилизации.

К проблематике «мягкой силы» обращаются сегодня многие исследователи. Это обусловило наличие большого количества теоретических подходов к данному феномену, представленных в работах как самого автора термина «мягкая сила» — Дж. Ная [8—10], так и других исследователей (в частности, К. Вагнера [11], Г. Б. Касирова [2], Д. М. Ковалевой [3], Ю. С. Лысенко [4], В. В. Миронова [5], О. Ф. Русаковой [6], Д. С. Сизарева [7]), что нередко порождает терминологическую путаницу. В связи с этим возникает необходимость анализа теоретических подходов к феномену «мягкой силы». Важнейшую роль при этом играет философский анализ данной проблемы, позволяющий исследовать ее комплексно и системно.

Целью данной работы является философское исследование вариативности существующих трактовок категории «мягкая сила».

Как справедливо отмечает Ю. С. Лысенко, концепт «мягкой силы» характеризуется следующим образом: «В философско-культурологическом и политическом смысловом значении данная формулировка включает в себя гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость и соблазнительность, как характерные определяющие черты рассматриваемого концепта» [4, с. 429].

«Мягкая сила» как комплексная политика предполагает фундаментальную опору на потенциал национальной культуры и экономики, степень вовлеченности в мировые процессы взаимодействия стран, легитимность государственного строя, участие в международных престижных организациях. Так, Д. С. Сизарев полагает, что страны «Группы семи/восьми» [7] обладают большим потенциалом «мягкой силы» ввиду привлекательности группы, ее мирового престижа: «Как было ранее замечено, «мягкая сила» — это не только влияние, но и привлекательность. «Группы семи/восьми» основывается на привлекательности идей и ценностей, которые она пропагандирует, транслирует, и носителем которых сама является» [7, с. 102].

Следует отметить, что понятие «мягкой силы» работает в антитезисной связи с понятием «жесткой силы». В их диалектическом взаимодействии вскрываются действительные органические процессы политико-культурных общественных взаимодействий. В отличие от «мягкой силы», «жесткая сила» характеризуется, прежде всего, постоянством и устойчивостью влияния на социальные объекты, определенной степенью ригидности. Так, «жесткой силе» приписываются определенные характеристики, не присущие «мягкой силе», основные из них: давление с позиции силы, постоянство и устойчивость, непрерывность, непоколебимость, твердость, интенциональный напор [6, с. 173]. В понятие «жесткой силы» чаще всего входит комплекс сил, таких как военная мощь, экономическое или политическое давление.

Из узко локального понятия применительно к политике «глобального доминирования» США в мировой политике в разработке Дж. Ная [9], «мягкая сила» получает философское обоснование как универсальный инструмент, регулирующий внутренние и внешние общественные связи между стратами и классами, государственными и интернациональными корпорациями по «неболевой», адаптивной модели, в рамках которой осуществляется коммутационное

взаимодействие представителей различных социальных групп. Но самое широкое поле применения политика «мягкой силы» получает именно на международной арене, где в быстро меняющихся условиях конкуренции государств она показывает наилучший результат.

Можно условно выделить три главных составляющих элемента «мягкой силы», которые ей однозначно присущи: привлекательность культуры, политическая идеология и форма дипломатии. На примере США мы можем представить эту триаду в следующем виде: поп-массовая культура; либеральная демократия; элитарная дипломатия. Однако концепт «мягкой силы» включает в себя также ряд компонент, без которых он становится лишь теоретической проекцией, частично теряет возможность эффективного практического применения — это имиджевая привлекательность, вариативность подходов к решению сходных задач, благотворительная составляющая, популяризация и пиар-кампании. «Мягкая сила» может трансформироваться в «гибкую силу», которая способствует преодолению внутривнутриполитических и внешнеполитических кризисов без тотальной ломки общественно-государственного строя.

Истоки современной концепции «мягкой силы» специалисты видят в древнекитайской философии: «Идеи, схожие по своему действию с «мягкой силой», появились задолго до того, как концепт начал обсуждаться в американской политологии. Одним из самых древних источников считаются изречения Лао Цзы (VII в. до н.э.), полагавшего, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет» [3, с. 119]. Непосредственными идейными вдохновителями концепции «мягкой силы» можно считать концепцию «культурно-идеологической гегемонии» А. Грамши [1], концепцию «соблазна» Ж. Бодрийера, концепцию «обольщения» Жюль Липовецки. Так, концепт «мягкой силы» включает в себя не только понятия-сателлиты: «умная сила», «мягкая власть», «умная власть», «гибкая

сила», но и предшествующие его формированию базисные понятия — «культурно-идеологической гегемонии», «культурно-политического соблазна и обольщения». Тем не менее, предполагаются различия в оценке восприятия концепции «мягкой силы» и ее предшественниц, поскольку последние разрабатывались безотносительно к положительному или отрицательному имиджу их практической реализации в макиавеллистском ключе: политические методы должны быть эффективными, независимо от их морального содержания и общественного одобрения. Д. М. Ковалева вполне логично поясняет: «У Дж. Найа «мягкая сила» имеет положительную коннотацию: она призвана создавать притягательный образ для привлечения союзников и формирования коалиций. У А. Грамши она имеет отрицательную коннотацию: это сила господствующего класса, которую необходимо свергнуть, воздействуя на нее ее же приемами — подтачивая «культурное ядро», постепенно подготавливая почву для революции» [3, с. 119—120]. Таким образом, просматривается еще одно различие в сфере применения методов социального воздействия в рамках концепции «мягкой силы» Дж. Найа, которая ориентирована на внешнюю политику государства и международные отношения, и концепт понятий «культурно-идеологической гегемонии», «культурно-политического соблазна и обольщения», что разрабатывались для внутренних общественно-политических процессов в рамках отдельного государства.

Главным преимуществом концепта «мягкой силы» сегодня является его содержательное соответствие современным тенденциям либеральной политики в контексте всеобщих представлений о легитимности либеральной демократии как общественно-государственного строя, а также универсальность практических методов применения для внутренней и внешней политики (у мыслителей, преодолевших партикулярный характер концепции Дж. Найа).

Следует отметить, что Дж. Най заложил основы концепции «мягкой власти»,

но рассматривал ее изначально лишь применительно к внешней политике США [8], не принимая во внимание возможность ее дальнейшей разработки и повсеместного использования. Но тот фундаментальный смысл, который автор закладывал в само понятие «мягкой власти», позволял расширение понятия, его многовекторное применение с определенными доработками в культурном поле различных этногосударственных объединений. По существу, Дж. Най выразил субстанциальный объем понятия «мягкая сила» в двух определениях, где более позднее определение расширяет значение более раннего. Первое определение сформулировано следующим образом: «Мягкая сила — это способность достигать необходимых результатов посредством притяжения, а не принуждения или платежей. Если вы можете заставить других желать то, чего вы желаете, вам не придется тратить много ресурсов на кнут и пряник, чтобы заставить их двигаться в нужном направлении [9, с. 10]. Из чего следует позиционирование «мягкой силы» как привлекательного политического продукта, с опорой на имиджевую составляющую, ядром которой выступает подача данной концепции и ее практических методов в общественных кругах как средство концептуального решения межклассовых противоречий, социальной напряженности ввиду материального расслоения и статусного несоответствия, эффективного метода конкурентной борьбы на межгосударственном уровне. Позднее Дж. Най расширил смысловое поле собственного понятия и сформулировал следующее определение: «Мягкая сила — это способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата» [10, с. 20—21]. В понятие притяжения автор вкладывал довольно широкий контекст, подразумевая под притяжением всю совокупность культурных и политических факторов, которые вызывают желание подражания, заимствования, солидарности: это и одобряемый образ жизни (к примеру, высокий уровень потребления

в соответствии с так называемой «американской мечтой»), притягательность основных проявлений массовой культуры, политическая система, соответствующая самым современным понятиям легитимности.

Теория «мягкой силы» сегодня претерпела значительные изменения, прежде всего, она приобрела универсальный характер и применяется к различным полинациональным государствам, таким как Китай или Индия [11]. Так, К. Вагнер переработал основные принципы Дж. Найа для того, чтобы в полной мере исследовать ресурсы и потенциал политики «мягкой силы» в современной Индии [11]. А для Китая концепция «мягкой силы» является тем более актуальной, поскольку сегодня нарастает напряженность на цивилизационном разломе Запад-Восток, который вызван не только нарастающей конкуренцией в сфере научно-технических преобразований, но и несовпадением культурно-религиозных ценностей (секуляризированная западная цивилизация противостоит культуре традиционных ценностей восточной цивилизации). В данных условиях, целенаправленная политика «мягкой силы» может способствовать налаживанию культурных взаимодействий, диалога цивилизаций, помочь избежать открытых конфликтов и конфронтаций на международной арене через совместные культурные, экономические, гуманитарные программы. Кроме того, практические методы «мягкой силы» способны сыграть консолидирующую роль и внутренней общественно-политической жизни, способствовать гармонизации социума, укреплению национального самосознания и идентичности: «Мягкая сила» способна сплавлять людей, способствовать стабилизации социальных отношений, ослаблять недоверие в современной ситуации напряженности между различными социальными слоями, возрастными и конфессиональными группами» [3, с. 123].

Одновременно осуществляются попытки переосмысления данной концепции, поиск ее места в классификационной схеме методов влияния в общественно-политической среде. Ш. Бреслин вводит новое,

более широкое понятие «нежесткой силы», которая дополняет в политике силовые методы социального воздействия и включает в себя «мягкую силу» как структурный элемент и интенционально ненасыщенный метод решения некоторых некритических форм социальных противоречий и межгосударственных противостояний. По мнению автора, сущность «мягкой силы» состоит в скрытой силе притяжения к определенной культуре и общественно-политическому строю, что укрепляет национальный имидж и легитимизирует власть [3, с. 122]. Однако применение «мягкой силы» с опорой на национальную культуру и государственные интересы не исключает возможности поиска консенсуса с другими акторами мировой политики, скорее наоборот: консенсус, как ценность универсального характера, следует считать неотъемлемым проявлением «мягкой силы».

Имеет место и конструктивная критика концепции «мягкой силы» и ее практических следствий как совокупности таких методов социального и политического воздействия, которые не имеют четкого определения и даже самостоятельного значения, работают лишь в жесткой сцепке с методами силового влияния, являясь по сути лишь неригидной частью общей внешнеполитической системы. Д. М. Ковалева поясняет: «Самое большое неудобство, связанное с использованием «мягкой силы», — невозможность полного ее контроля со стороны правительства, в отличие от вооруженных сил страны. Кроме того, это орудие не только не контролируемое, но и не точное: нельзя с абсолютной вероятностью предсказать, будут ли стратегии «мягкой силы» эффективны в конкретном регионе мира из-за влияния локального контекста» [3, с. 122]. Однако популярность политических методов «мягкой силы», несмотря на критику, сегодня растет, и в контексте современного общества это обуславливается определенными историческими условиями и свершившимися социальными преобразованиями.

В работах Дж. Ная также встречается понятие “*smart power*”, которое чаще всего

переводится как «умная сила» или же «гибкая сила», реже «виртуальная сила», «коммуникативная сила». «Наиболее распространенный перевод этого термина на русский язык — «умная сила», хотя в современном дискурсивном пространстве появился и второй контекст термина: виртуальная сила, коммуникативная сила... В издании одной из его книг на русском языке этот термин переведен как «гибкая сила» [5, с. 67]. «Умная сила» понимается автором как специфическая комбинация силовых и несиловых способов «игры» государства на международной арене, поскольку в XXI веке военное могущество все еще играет значительную роль в мировой политике. Таким образом, понятие «умной силы» выступает ключевой характеристикой «умной власти», умеющей задействовать все ресурсы «мягкой силы» для получения политических предпочтений и роли государства-лидера в условиях мирной конкуренции, но имеющей резерв неоспоримого военного могущества в качестве последнего аргумента.

В рамках социально-политической философии, концепция «мягкой силы» Дж. Ная активно разрабатывается и российскими учеными, которые имплементируют ее практические методы в условиях сложившейся системы международных отношений. Сам термин «мягкой силы» интерпретируется специалистами по-разному, в зависимости от авторского подхода и контекста восприятия.

Е.П. Панова классифицирует инструменты социального воздействия «мягкой власти» по их длительности, на краткосрочные (например, разнообразные медиаресурсы, СМИ, социальная реклама, гуманитарные миссии) и долгосрочные (стабильность государственных структур, легитимность власти, высокие социальные стандарты жизни людей, прогрессивное развитие науки и образования, значительные достижения в области экономики и общественных отношений, привлекательная модель развития самого государства).

Другой российский специалист О.Ф. Русакова подчеркивает, что политика «мягкой

силы» получает наибольшее развитие в тех странах, которые уже обладают заметным политическим весом на мировой арене и претендуют на одну из руководящих ролей в мировой политике, стремятся быть центрами притяжения, соответствующим полюсом власти или мировым центром коммуникаций и управления [6, с. 187].

Относительно развития политики «мягкой силы» в России, ее действие скорректировано для расширения влияния, прежде всего, в странах постсоветского пространства через культурные взаимодействия, языковые центры и программы, которые призваны популяризировать русский язык и культуру. Г.Б. Касирин подчеркивает, что сегодня Россия на международной арене остро нуждается в единой целенаправленной государственной политике в формате «мягкой силы», которая поддерживала бы положительный имидж страны, способствовала пересмотру негативных ярлыков и штампов и была направлена на формирование безопасного лимитрофа, ареала дружественных государств из стран СНГ, Южного Кавказа и Центральной Азии [2, с. 66].

Таким образом, сущностное содержание концепта «мягкой силы» (*soft power*) может быть классифицировано по следующей схеме: текущее состояние, ресурсы, методы. Наличие развитой политики «мягкой силы» в отдельном государстве означает более или менее продолжительное состояние привлекательности государства и его имиджевого образа в международных отношениях, притягательность культуры, системы ценностных ориентаций, общественно-государственного строя и официальной идеологии. Понятие «мягкой силы», благодаря работам Дж. Ная и других современных авторов, прочно закрепилось в социально-политическом категориальном аппарате и стало объектом научного изучения. Однако концепт «мягкой силы» нельзя считать всесторонне разработанным и завершенным ввиду отсутствия единой трактовки и общепризнанной структуры данного феномена, а также национальных особенностей применения методов «мягкой силы».

Литература

1. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.
2. Касирин Г. Б. «Для России приоритет пространства СНГ очевиден...» // Свободная мысль. М.: Политиздат. 2010. № 12(1619). С. 65—76.
3. Ковалева Д. М. Концепт Soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2013. № 13. Вып. 1. С. 118—132.
4. Лысенко Ю. С. Философско-теоретические основы концепта «мягкая сила»: структурный анализ // Молодой ученый. Казань: Изд-во Молодой ученый. 2017. № 19. С. 429—431.
5. Миронов В. В. Джозеф Най-младший и релятивистское понимание силы в международных отношениях // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут: СурГПУ. 2013. № 3. С. 64—72.
6. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (*soft power*) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2010. № 10. С. 173—192.
7. Сизарев Д. С. «Мягкая сила» в деятельности «Группы семи/восьми» // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. 2012. №4. Том I: Гуманитарные науки. С. 100—103.
8. Nye J. S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 307 p.
9. Nye J. S. Jr. Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Nye J. S. Jr. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011. 320 p. 10.
11. Wagner C. India's Soft Power: Prospects and Limitations. India Quarterly // A Journal of International Affairs. 2010. Vol. 66, № 4. P. 333—342.

Поступила 13.01.2020

Андриенко Елена Владимировна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), elena_andrienko8@mail.ru

Чернышов Владимир Анатольевич — аспирант кафедры философии Донецкого национального университета (83000, Университетская ул., 24, Донецк, Украина), black270@mail.ru

References

1. Gramshi A. Tjurementnye tetradi. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1991. 560 s.
2. Kasirin G. B. «Dlja Rossii prioritet prostranstva SNG ocheviden...» // Svobodnaja mysl'. M.: Politizdat. 2010. № 12(1619). S. 65—76.

3. Kovaleva D. M. Koncept Soft power kak predmet izuchenija sovremennoj politicheskoy nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoliticheskikh strategij [Concept of Soft Power as subject of study of modern political science and theoretical basis for foreign policy strategy] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. 2013. № 13. Vyp. 1. S. 118—132.
4. Lysenko Ju. S. Filosofsko-teoreticheskie osnovy koncepta «mjagkaja sila»: strukturnyj analiz // Molodoj uchenyj. Kazan': Izd-vo Molodoj uchenyj. 2017. № 19. S. 429—431.
5. Mironov V. V. Dzhozef Naj-mladshij i reljativistskoe ponimanie sily v mezhdunarodnyh otnoshenijah [JOSEPH NYE JR. AND RELATIVISTIC UNDERSTANDING OF FORCE IN INTERNATIONAL RELATIONS] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut: SurGPU. 2013. № 3. S. 64—72.
6. Rusakova O. F. Koncept «mjagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. 2010. № 10. S. 173—192.
7. Sizarev D. S. «Mjagkaja sila» v dejatel'nosti «Gruppy semi/vos'mi» [Soft Power in Activity of «the Group Seven/Eight»] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Jaroslavl': JaGPU im. K.D. Ushinskogo. 2012. № 4. Tom I: Gumanitarnye nauki. S. 100—103.
8. Nye J. S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. NY: Basic Books, 1990. 307 p.
9. Nye J. S. Jr. Soft Power. The means to success in world politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
10. Nye J. S. Jr. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011. 320 p. 10.
11. Wagner C. India's Soft Power: Prospects and Limitations. India Quarterly // A Journal of International Affairs. 2010. Vol. 66, № 4. P. 333—342.

Submitted 13.01.2020

Andriyenko Olena V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, professor at the , Donetsk National University (83000, Universitetskaya str., 24, Donetsk, Ukraine), elena_andrienko8@mail.ru

Chernyshov V. A., postgraduate student of the Philosophy Department, Donetsk national University (83000, Universitetskaya str., 24, Donetsk, Ukraine), black270@mail.ru

Роль социальных стереотипов в манипуляции массовым сознанием

А.А. Ефременко

Донецкий национальный университет, Донецк

alefblogs@ya.ru

Проведено философское исследование социальных стереотипов в контексте манипуляции массовым сознанием. Проанализированы содержательный и структурный аспекты социального стереотипа. Сделан акцент на том, что стереотипизация обусловлена когнитивной сферой психики и напрямую связана с социализацией, в процессе которой личность усваивает определенные модели мышления и поведения, упрощая тем самым познавательные механизмы. Сформулирован вывод о том, что стереотипизация во многом детерминирует развитие общественных процессов, но часто становится основанием для манипулятивных воздействий в связи с глобализацией и развитием новых способов коммуникации на основе информационных технологий.

Ключевые слова: массовое сознание; общественное сознание; стереотип; манипуляция; мировоззрение.

The Role of Social Stereotypes in the Manipulation of Mass Consciousness

A.A. Yefremenko

Donetsk National University, Donetsk

alefblogs@ya.ru

The article has been devoted to the philosophical study of social stereotypes in the context of the manipulation of mass consciousness. The substantial and structural aspects of the social stereotype have been analyzed. The emphasis has been placed on the fact that stereotyping is determined by the cognitive sphere of the psyche and is directly related to socialization, in the process of which the person assimilates certain models of thinking and behavior, thereby simplifying cognitive mechanisms. It has been concluded that the stereotype is an important element of the socio-cultural sphere of society, which largely determines the development of social processes. The process of stereotyping in itself is natural and not manipulative in nature, but it often becomes the basis for various manipulative influences in connection with globalization and the development of new methods of communication based on information technology.

Keywords: mass consciousness; social consciousness; stereotype; manipulation; worldview.

Целью данной статьи является философское исследование сущности и значения социальных стереотипов в контексте технологий манипуляции массовым сознанием.

Несмотря на то, что вопрос социальных стереотипов достаточно часто освещается в научной литературе (работы Э. Фромма [8],

Г. Вайнштейна [2], Д. Марковича [3], В. Немировского [4; 5], В. Сырова и Н. Поправко [7], и других), он продолжает сохранять свою актуальность и новизну. Прежде всего, это связано с интенсификацией и увеличившимся спектром технологий манипулятивного воздействия на личность, что обуславливает

необходимость всестороннего научного исследования данного явления и поиск путей минимизации его негативных последствий.

В основе стереотипизации лежит инверсированное (от лат. *inversio* — «переворот», «перестановка») — механизм формирования образов восприятия человеком окружающей действительности. Такой процесс, часто называемый «транзитом» [3, с. 21], происходил с 1991 г. практически во всех постсоветских государствах. Характерно, что именно в периоды становления новых общественных процессов на «разломе» истории формируются наиболее устойчивые стереотипы общественного сознания, которые затем приобретают массовый характер.

Следует также отметить то обстоятельство, что массовость выступает как общая закономерность развития современного социума, а не как отдельный элемент социальной жизни. Массовость в современной гуманитарной науке трактуется как черта общественного бытия, характеризующаяся общностью особенностей социальной жизни, распространением единых стандартов поведения, потребления, мотивов, устремлений и образцов мышления [7, с. 67—68].

В процессе социализации личность усваивает определенные модели мышления и поведения, которые ложатся в основу социальной стереотипизации. Поскольку общественное сознание не только отражает бытие, но и выступает выражением потребностей данного общества, это приводит к формированию иллюзии смысла жизни именно посредством механизма формирования социальных стереотипов [8, с. 355].

Массовое сознание, как основной носитель социальных стереотипов, формируется в процессе массовизации базовых сфер общественного бытия, таких как сферы производства и потребления, коммуникации, досуга, и т.п. При этом возникают идентичные устремления, стандартизованные ценности и мотивы, формирующие основу массовой культуры, в которой именно стереотипы выполняют одну из главных функций фиксации способов восприятия человеком социального бытия.

Сущность стереотипа как общественного явления в содержательном и структурном аспектах имеет много общего с архитектурой массового сознания. В современном гуманитарном знании распространена точка зрения, в соответствие с которой массовое сознание может быть разделено на два уровня: 1) первичный уровень (уровень первичного эмоционального восприятия и спонтанных действий); 2) вторичный уровень (рациональный, связанный с анализом того или иного явления социального бытия). Одной из черт массового сознания выступает относительная лабильность и аморфность. В данном контексте это означает отсутствие завершенной системы социальных представлений, норм, ценностей и стереотипов, многие из которых противоречат друг другу. Это противоречие, с одной стороны, осложняет адекватное восприятие социального бытия массовым сознанием, с другой стороны, упрощает возможности манипуляции им с помощью умелого использования существующих стереотипов или конструирования новых. В результате такого манипулятивного влияния социум предстает в зеркале массового сознания как совершенно «иной» по сравнению с тем, который был в прежней системе представлений.

В процессе формирования стереотипов в массовом сознании границы между иконичными и концептуальными аспектами представлений о реальности исчезают или сильно деформируются. Стереотипы при этом приобретают более символическую форму, что является массово-коллективным фоном общества, в котором и происходят такие трансформации стереотипов, в процессе которых стереотипы и приобретают массовый характер [1, с. 66].

По мнению Г. Вайнштейна, «в структуре массового сознания присутствуют некие «экспрограммированные» компоненты, наличие которых обусловлено рядом проблем общественной жизни» [2, с. 16]. Это неотъемлемые элементы двух познавательных процессов: усваиваемых «извне» и вырабатываемых «изнутри» в ходе социализации. Именно в них заложен механизм внедрения стереотипов в индивидуальное,

а затем и в массовое сознание, в том числе и в целях манипуляции им. Общественное сознание складывается из системы элементов личностного сознания отдельных людей. В результате социальной коммуникации происходит обмен индивидуальными и внутригрупповыми стереотипами, которые в итоге приобретают интерсубъективный характер.

Стереотип — это сложное многоуровневое переплетение различных форм массового сознания. Данный феномен проявляется в эмоционально-чувственной сфере, во многом детерминирует ценностно-нормативную шкалу общества и формирует мотивы и потребности. Зачастую истоки стереотипизации следует искать в экономической сфере. При этом она обусловлена особенностями производства товаров и услуг массового потребления и установками на стандартизацию и конформизм, которые активно пропагандируются СМИ.

Межпоколенная трансляция стереотипов осуществляется как на интерсубъективном (надгрупповом), так и на внутригрупповом уровнях. В контексте внутригрупповой передачи стереотипов важное место занимает язык. С помощью языка конструируются образы и ассоциации, отражающие концептосферу стереотипного мышления. На внутригрупповом уровне формирование стереотипа проходит через следующие этапы: 1) восприятие лексического знака; 2) актуализация отдельных элементов концептосферы личности, эмоций и образов, связанных с определенной ситуацией, с которой связан тот или иной предмет» [6, с. 387]. Стереотипы, таким образом, неразрывно связаны с когнитивной сферой человеческой психики. Наше мировосприятие без механизма стереотипизации было бы намного более сложным, менее гибким и адаптивным.

Трансформация стереотипов всегда предполагает трансформацию коллективных идей и мировоззренческих установок, которые, в свою очередь, определяют поведенческие модели. Изменения стереотипов в сознании общества — это всегда сложный и даже болезненный процесс, чаще всего

связанный с кризисными состояниями социального развития, во время которых происходит переосмысление социальной реальности и своего места в ней. Такие периоды сопровождаются ростом социальной аномии, девиантного поведения, с мировоззренческой дезориентацией, маргинализацией и переосмыслением всей системы социальных отношений. Можно выделить следующие базовые аспекты трансформации социальных стереотипов: 1) особенности изменения социальных стереотипов как форм коллективного консенсуса; 2) трансформация ценностно-нормативной шкалы общественного мировоззрения; 3) кризис идентичности.

Формирование стереотипов в массовом сознании происходит под влиянием таких факторов как переработка социокультурной информации коллективным бессознательным и целенаправленное информационное воздействие извне. Влияние на массовое сознание осуществляется с опорой на второй фактор. Для этого путем как прямых, так и опосредованных информационных воздействий осуществляется актуализация (иногда — трансформация) тех или иных стереотипов. При этом новые стереотипы формируются посредством акцентирования внимания или, наоборот, отвлечения внимания от уже существующих стереотипных представлений.

Стереотипный образ мира может быть незавершенным, но он играет важную роль в процессе адаптации личностного и общественного мировоззрения к реальности, пусть и потенциальной. Стереотипизация облегчает реализацию социальных поведенческих стратегий в контексте больших социальных групп. Стереотипы могут распространяться вполне естественно и стихийно, а могут конструироваться намеренно с целью манипулятивного воздействия на массовое сознание (к примеру, посредством новейших информационно-коммуникационных технологий). Важным аспектом процесса стереотипизации выступает популяризация. Иными словами, стереотипизация всегда предполагает широкий резонанс и распространение тех или иных идей, стандартов поведения

и мышления. При этом содержательная часть стереотипов не полностью внедряется в массовое сознание. Его конструирует только ряд типичных черт, характерных для определенных социальных групп. Стереотипы формируют стандартные образы, воплощающие интересы и потребности массового общества, тем самым стабилизируя и консолидируя его на основе некоего позитивного стандарта восприятия окружающей действительности.

В контексте технологий манипуляции массовым сознанием манипулятор, зачастую, не создает новые стереотипы, а опирается на те, которые уже функционируют в массовом сознании. Но делается это не напрямую, а с помощью приема канализирования. Данный прием предполагает собой подмену стереотипа в целях переноса сложившегося отношения с одного предмета на другой. Например, в рекламе сладкого газированного напитка со вкусом яблока присутствует образ самого яблока, которое воспринимается как исключительно полезная пища. И, хотя рекламируемый напиток имеет весьма опосредованное отношение к яблокам и к их пользе, стереотипное восприятие переноса свойства «полезности» с яблока на напиток в массовом сознании потребителей осуществляется вполне успешно.

Ведущие причины любых социальных событий (распад и образование государств) лежат на информационном уровне социума, то есть в сфере массового сознания. Стереотипы на этом уровне остаются в области скрытых субъективных умонастроений, которые индивид и общество чаще всего скрывают от «чужих». Они носят неоднородный и бессознательный характер. В процессе этого развития формируются целые комплексы социальных стереотипов.

Поскольку массовое сознание принадлежит именно к информационному уровню социума, в нем могут быть выделены рациональные и эмоциональные элементы стереотипа. Они «пронизывают» семь слоев массового сознания, каждый из которых представляет собой отдельный ценностный уровень.

Когнитивный уровень массового сознания включает мыслительные элементы ценностных ориентаций. Аффективный уровень связан с эмоциональной сферой функционирования массового сознания. Оба уровня являются поверхностными по отношению к уровню коллективного бессознательного, опирающегося на глубинный социокультурный и исторический опыт. Стереотипы, действуя на «поверхности», опираются как раз на эти глубинные элементы бессознательного, и могут быть обнаружены и осознаны в контексте массового сознания только посредством целенаправленного изучения [4].

Рациональный уровень массового сознания включает в себя общедоступную информацию, которая становится объектом открытого социального обсуждения, а также различных оценок и настроений [5, с. 190]. Рациональный уровень массового сознания, в свою очередь, можно разделить на три блока: 1) общественные оценки и ожидания социума по поводу средств влияния на функционирование общественной системы; 2) настроения и мнения по поводу текущей социальной ситуации; 3) аксиологические представления политико-идеологического характера, обуславливающие политическую культуру и выбор в пользу определенной идеологии.

В целом, о самом уровне массового сознания можно говорить как об отражении сведений, фигурирующих в информационном пространстве СМИ. Именно СМИ являются одним из доминирующих факторов, обеспечивающих ориентацию (или дезориентацию) массового сознания в текущей социокультурной и политической ситуации путем внешнего изложения своих взглядов на социальные процессы или через трансляцию и демонстрацию других социальных взглядов и социально-политических сил.

Если ранее стереотип определялся как высокоригидный по своей природе феномен, то в современном мире можно говорить о возможности комбинирования стереотипа и его конструирования по заранее заданной схеме. Он формируется не только в контексте отражения объективной действительности, но и в процессе коммуникации.

Именно здесь заложены гносеологические и инструментальные возможности воздействия на сознание и конструирование необходимого стереотипа.

С развитием межнациональных связей, средства массовой информации придают массовому сознанию особое качество. Оно связано с обратным влиянием на сознание индивидумов, малых групп и других социальных субъектов, составляющих это общество. Поэтому наиболее эффективный способ воздействия на массовое сознание и поведение человека — это обращение к эмоциям личности, то есть интенсивное воздействие на эмоциональную сторону сознания.

Ошибочно считать, что социальные стереотипы всегда связаны только с манипуляцией и являются исключительно негативным социальным феноменом, поскольку они играют важнейшую роль в социокультурной адаптации, социализации индивидов и консолидации всей общественной системы. Основная деструктивная функция стереотипов заключается в том, что они редуцируют диапазон восприятия до того или иного шаблона, обедняя тем самым картину мира, и часто становятся основанием для выраженных интолерантных установок и ориентаций, которые могут вызывать острую социальную напряженность (например, стереотип о связи мусульман и терроризма).

В динамике функционирования массового сознания современного общества присутствует негативная тенденция, которая характеризуется следующими ориентациями: на деструкцию и доминирование; на поиск внешнего покровителя и конформизм; на стремление к богатству и комфорту; в некоторых случаях — на игру.

Противоположный тип массового сознания — реалистический. Носителя данного типа сознания понимают, что для того, чтобы достичь своих целей, необходимы конкретные усилия, и нельзя возлагать ответственность за свою жизнь на другие лица или социальные институты. В данном контексте важную роль играет осознание ценности человеческой жизни. Кроме того, носители данного типа сознания менее

подвержены манипулятивным влияниям, поскольку склонны критически относиться к любым внешним воздействиям, а также институтам власти, проявляя высокое доверие только к самим себе и ближайшему окружению.

Стереотипы, функционирующие сегодня на различных уровнях массового сознания, едва ли позволяют прогнозировать, что такая идеологическая система появится в скором будущем. Более того, можно утверждать, что в массовом сознании современного общества все больше возрастает «магичность», а не реалистичность восприятия социальных явлений и процессов, что делает его весьма подверженным технологиям манипуляции.

Таким образом, трансформация современного социального бытия приводит к неизбежным изменениям в общественной жизни, которые сопровождаются формированием новых стереотипов как феноменов сознания. Массовое сознание выражает особенности социального бытия и отражает аксио- и прaksiосферы общества посредством обеспечения индивида готовыми шаблонами поведения и мышления. В контексте функционирования массового сознания стереотип выступает в качестве сложного и многоуровневого феномена, в котором взаимодействуют различные формы сознания. Стереотипизация является естественным процессом, и сама по себе не носит манипулятивного характера. В то же время в связи с глобализацией и развитием новых способов коммуникации на основе информационных технологий она часто становится основанием для различных манипулятивных воздействий. Профилактикой таких негативных аспектов манипуляции является повышение информационной культуры членов общества и развитие у них критического восприятия социальной реальности.

Литература

1. Homo institutus — Человек институциональный: монография / Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Из-во ВолГУ, 2005. 854 с.

2. **Вайнштейн Г. И.** Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. 169 с.
3. **Маркович Д. Ж.** Противоречия транзисии постсоциалистических обществ // Социологические исследования. М.: РАН. 2006. № 9. С. 21—27.
4. **Немировский В. Г.** Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. М.: РАН. 2006. № 2. С. 13—18.
5. **Немировский В. Г., Невирко Д. Д.** Социология человека. От классических к постклассическим подходам. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 304 с.
6. Сознание и социальная реальность: монография / Под ред. И. Ф. Кононова. Луганск: Альма Матер, 2004. 432 с.
7. **Сыров В. Н., Поправко Н. В.** Генезис массового сознания // Социологический журнал. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. 1998. № 1/2. С. 66—78.
8. **Фромм Э.** Анатомия человеческой деструктивности. М.: Издательство АСТ-ЛТД, 1998. 672 с.
9. **Сыров В. Н., Поправко Н. В.** Генезис массового сознания // Sociologicheskie issledovanija. M.: RAN. 2006. № 2. S. 13—18.
10. **Nemirovskij V. G., Nevirko D. D.** Sociologija cheloveka. Ot klassicheskikh k postklassicheskim podhodam. M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. 304 s.
11. **Soznanie i social'naja real'nost': monografija / Pod red. I. F. Kononova.** Lugansk: Al'ma Mater, 2004. 432 s.
12. **Syrov V. N., Popravko N. V.** Genezis massovogo soznaniya [The genesis of mass consciousness] // Sociologicheskij zhurnal. M.: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr RAN. 1998. № 1/2. S. 66—78.
13. **Fromm Je.** Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M.: Izdatel'stvo AST-LTD, 1998. 672 s.

Submitted 27.02.2020

Yefremenko Alexander A., Graduate Students of the Chair of Philosophy, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000), Member of the DPR writers ' Union, alefblogs@ya.ru

Поступила 27.02.2020

Ефременко Александр Александрович — аспирант кафедры философии Донецкого национального университета, (83000, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, 24), Член Союза писателей ДНР, alefblogs@ya.ru

References

1. Homo institutus — Chelovek institucional'nyj: monografija / Pod red. O. V. Inshakova. Volgograd: Iz-vo VolGU, 2005. 854 s.
2. **Vajnshtejn G. I.** Massovoe soznanie i social'nyj protest v uslovijah sovremennogo kapitalizma. M.: Nauka, 1990. 169 s.
3. **Markovich D. Zh.** Protivorechija tranzicii postsocialisticheskikh obshhestv [Contradictions in the post-socialist societies' transition] // Sociologicheskie issledovanija. M.: RAN. 2006. № 9. S. 21—27.
4. **Nemirovskij V. G.** Massovoe soznanie i bessoznatel'noe kak ob#ekt postneklassiches-

Утопические элементы концепции гражданского общества

*М.С. Кальней*¹

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

marina.kalnej@yandex.ru

Рассмотрена концепция гражданского общества как сферы развития самоуправления. Проведен анализ представлений о развитии самоуправления и отмирании государственных структур, и выявляются утопические стороны этих представлений. Показан риск превращения самоуправления в манипуляцию массами. Предложено рассматривать гражданское общество и государство не в их противопоставлении, а во взаимодействии.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, самоуправление, манипуляция, гражданское сознание, индивид, демократия.

Utopian Elements of the concept of «civil society»

*M.S. Kal'ney*¹

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

marina.kalnej@yandex.ru

The article considers the concept of “civil society” as a sphere of self-government development. The author analyses ideas about the development of self-government and the disappearance of state structures. In addition, he shows the utopian sides of these ideas and the risk of turning self-government into mass manipulation. It is suggested to review the civil society and the state not in their opposition, but in their interaction.

Keywords: state, civil society, self-government, manipulation, civic consciousness, individual, democracy.

Гражданское общество представляет собой один из неотъемлемых элементов функционирования современной социальной системы. Его наличие служит гарантией обеспечения прав и свобод, возможностей гармоничного развития личности. Как правило, гражданское общество как сфера коммунитарных отношений противопоставляется государству как сфере отношений иерархических. Добровольное объединение граждан на коммунитарной основе обеспечивает ограничение возможного произвола государства и защиту индивидуальных

прав и свобод. При этом составляющие гражданское общество индивиды должны обладать достаточно развитыми навыками социального сосуществования, чувством гражданской ответственности и развитой гражданской позицией.

Развитие общества и возрастание демократических тенденций дают основание считать, что в постиндустриальной цивилизации государственность уступит место структурам гражданского общества. В частности, Э. Тоффлер утверждает: «чем более фрагментировано или дифференцировано

общество, тем большее число различных стилей жизни оно предлагает. И чем больше социально принятых моделей стиля жизни продвигает общество, тем ближе оно само к условиям, в которых каждый человек делает свое собственное, неповторимое дело» [1, с. 347]. Сходной точки зрения придерживается И. Валлерстайн: «Мы живем в эпоху «группизма» — образования групп, имеющих защитный характер, каждая из них стремится к достижению самосознания, на базе которого упрочивается солидарность и борьба за выживание одновременно с борьбой против других таких же групп» [2, с. 10]. Теоретик «минимального государства» Р. Нозик предлагает как оптимальный тип общественной организации «многообразие сообществ, членами которых люди могут стать, если их примут, которые они могут покинуть, если захотят; которым они могут придать форму в соответствии со своими желаниями; общество, в котором можно воплощать утопические эксперименты, можно выбирать стиль жизни, а также можно в одиночку или совместно с кем-то реализовывать разные представления о благе» [3, с. 376]. В определенном смысле, развитие горизонтальных связей в гражданском обществе происходит в соответствии с открытым Сен-Симоном (и весьма спорным) универсальным законом всемирного тяготения, которому подчинены как природа, так и общество. В соответствии с ним, на социум, как и на природу, действует закон всемирного тяготения, «а источником всеобщего процесса развития последних — постоянная борьба между “твердой” и “текучей” материей (покоем и изменчивостью, устойчивостью и подвижностью» [4, с. 82].

Иначе говоря, вместо единой, охранявшейся силой государства и общепринятыми нормами культуры возникает множество разнообразных субкультур. Естественная потребность человека в принадлежности к группе порождает разнообразные добровольные объединения на основе субкультур. В отличие от традиционной культуры, в которой идентичность человека определялась фактом его рождения в данной социальной среде, новая цивилизация предлагает мно-

гообразие выбора идентичностей с правом их смены по волеизъявлению индивида. Этими отношениями добровольности гражданское общество отличается от государства, предоставляющего права в обмен на выполнение обязанностей. За счет этого ограничение государства в пользу добровольных гражданских объединений предоставляет индивиду максимум возможностей для свободного развития и самореализации.

Помимо фактора добровольности существенное значение имеет характер функционирования гражданских объединений. Будучи по природе своей неформальными, они не имеют иерархической организационной структуры и основаны на самоуправлении. Суть же самоуправления заключается в отказе от выделения особой группы управленцев и совместном принятии решений всеми участниками объединения. За счет этого обеспечивается общая ответственность за принятие решений, развитие и сохранение демократических начал в управлении, отсутствие злоупотреблений властью со стороны управляющей элиты.

Именно в этом и заключается сущность гражданского общества. При этом предполагается, что переход к информационному обществу выявит неэффективность традиционных бюрократических государственных структур с их единой, охраняющейся силой государственной идеологии системой ценностей. На смену им приходит многообразие форм добровольных гражданских объединений, основанных на самоуправлении.

Обращает на себя внимание содержательное сходство данных представлений о вытеснении государства гражданским обществом с некоторыми чертами социалистического проекта. В работе «Государство и революция» В.И. Ленин указывал: «Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство» [5, с. 100].

Иначе говоря, развитие самоуправления в условиях ликвидации классового неравенства делает ненужным существование особого класса управленцев ввиду всеобщего участия в принятии решений и контроле их выполнения. Отсутствие особой группы управленцев сделает со временем ненужными механизмы контроля и принуждения, что означает добровольность гражданских объединений.

Тем не менее, следует принять во внимание противоречия, связанные с управлением крупными социальными объединениями. Казалось бы, социокультурные тенденции развития ведут к возрастанию участия масс в процессах управления. В результате функции принятия и выполнения решений выходят за пределы узкого круга элиты. Таким образом, вместо государственных управленческих структур возникают структуры гражданского общества, обеспечивающие принятие решений в пользу общества, а не выделившейся из него элиты.

Однако в существующей социальной реальности наблюдается множество очевидных фактов, противоречащих данной тенденции. Одно из объяснений этого дает А. В. Бузгалин, указывая на механизм, «который подчиняет себе человека повсеместно, начиная от трудового процесса, где наемный работник не только формально, но и реально подчинен капиталу; включая сферу потребления, где он становится клиентом корпораций и живет в рамках, когда вся система экономических, социальных и духовных отношений, в том числе и масскультура, навязывает ему потребительский образ жизни, т. е. образ жизни конформиста, пассивно воспринимающего именно рыночную, буржуазную систему как единственно возможную (что и есть необходимое условие власти капитала); и заканчивая его положением как агента политических и идеологических отношений, где господствуют механизмы политических технологий и идейное манипулирование при помощи СМИ, системы образования и многого др» [6, с. 21].

С религиозной точки зрения эта проблема рассмотрена у Н. А. Бердяева, который

относил сферу свободы к духовному бытию. Вследствие этого, свобода рассматривается как часть внутреннего содержания личности: «Для того, чтобы человек боролся за свободу, нужно, чтобы свобода в нем уже была, чтобы внутренне он не был рабом. Демагогия, к которой всегда прибегают в обращении к массам, есть лишение людей свободы, есть психологическое насилие. Управлять массами, активно вступившими в историю, совсем не легкая вещь» [7, с. 788].

Иными словами, наблюдается феномен манипуляции сознанием масс, заменяющий самоуправление. Это указывает на тенденцию вырождения гражданского общества в фиктивный конструкт, лишенный функций реального принятия решений и контроля над властью. Истоки этой трансформации можно усматривать в сложившейся системе социальных отношений или в самой природе человека. В этом последнем случае следует признать, что свобода и самодетерминация личности возможны лишь на уровне индивидуального духовного бытия, тогда как социальная сфера как феномен объективированный в той или иной мере ограничивает свободу личности. Там, где отсутствует прямое насилие, применяются манипулятивные механизмы.

В связи с этим заслуживает внимания взгляд С. Г. Кара-Мурзы на различие традиционного и современного обществ. Для первого из них «власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство (и на его главный инструмент — насилие)» [8, с. 22]. Для современного общества характерно распределение власти между всей массой граждан как избирателей за счет наделения каждого правом голоса в процессе принятия решений. Однако исследователь рассматривает множество примеров воздействия на сознание масс через передачу искаженной информации, воздействия на негативные эмоции с целью вызвать принятие решений, прямо противоречащих интересам общества. Возникновение и существование такого механизма можно отнести за счет противоречий данного социального строя или противоречий природы человека как таковой.

Для понимания данной проблемы следует обратить внимание на тот факт, что тенденция возрастания участия масс в самоуправлении усматривалась из возрастания уровня образования и доступа масс к информации. Однако опыт показывает, что массовый доступ к информации равным образом обеспечивает и подверженность масс манипуляции их сознанием. В соответствии с этим, необходимо принять во внимание разнообразие интересов и личностных свойств индивидов, составляющих общество.

Общеприняты представления о том, что для гражданского общества необходимо развитое гражданское сознание, т. е. способность подчинять индивидуальные эгоистические интересы коллективным, делать разумный выбор из предложенных альтернатив, понимать сущность общественных процессов. Недостаток подобных качеств и последствия такого недостатка отражены в классическом труде Платона: «душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти» [9, с. 563]. Общеизвестен вывод о вырождении такой свободы в тиранию.

Иными словами, непризнание иерархических связей в обществе и приоритет личных интересов над всеми прочими превращает общество в толпу. Подверженность толпы манипуляциям служит почвой для установления тирании.

Исходя из этого, зачастую делаются выводы о допустимости гражданского общества и демократии только для группы лиц, обладающих развитым гражданским сознанием, тогда как для массы применяются либо авторитарные, либо манипулятивные методы управления. На это противоречие либеральной идеологии указывает И. Валлерстайн. С одной стороны, основополагающей идеей либерализма является признание естественных прав человека и их приоритета. С другой стороны, идеалом либерализма

является «хорошее общество», создаваемое путем постепенных реформ, осуществляемых на рациональной основе. Из этого американский социолог делает вывод: «Отсюда особо важным считали, чтобы текущая политика вырабатывалась бы и осуществлялась теми, кто обладает наибольшими возможностями осуществлять такие рациональные решения, то есть экспертами и специалистами. Именно они могли бы наилучшим образом разработать реформы, которые могли бы (и действительно это делали) усовершенствовать систему, где они живут» [2, с. 145].

Сходным образом Ф. Фукуяма утверждает: «Стабильная либеральная демократия не может возникнуть без существования мудрых и умелых государственных деятелей, которые знают искусство политики и умеют преобразовать невысказанные склонности народов в устойчивые политические институты» [10, с. 334].

Таким образом, реальные функции принятия решений передаются экспертам и специалистам. Их право принятия решений в обществе базируется не столько на процедуре избрания, сколько на признании их способностей через квалификационный отбор. В соответствии с этим, влияние масс на принятие решений вырождается в фикцию. Иначе говоря, вместо участия масс в управлении наблюдается манипуляция массами.

Альтернативой данному подходу могли бы служить представления о наличии той общей базы для гражданской позиции, которая может быть у каждого индивида, вне зависимости от его личностных свойств. Не вызывает сомнения необходимость развития у каждого положительных свойств личности и устранения отрицательных. При этом процесс такого развития — неотъемлемая часть социализации, финалом которой является признание за личностью всего объема гражданских прав и обязанностей.

Следует, однако, принять во внимание противоречие отождествления гражданского сознания с подчинением личного общему. В связи с этим заслуживает внимания взгляд русского философа И. А. Ильина, согласно которому общее — это «такое, что всем важно и всех объединяет; что или сразу у всех

будет, или чего сразу у всех не будет; и если — не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется как песок» [11, с. 161].

Иными словами, полное подчинение частного общему представляется утопией, тогда как следовало бы рассматривать гражданскую позицию как способность понимать частное как составляющую общей системы. Ввиду того, что государство до настоящего времени остается единственной формой самоорганизации людей, очевидно восприятие гражданской позиции как позиции личности по отношению к государству. Следовательно, гражданское общество существует во взаимодействии, а не в противопоставлении с институтами государства. В качестве же базы для выработки гражданской позиции имеет смысл обратиться к утверждению историка Н. М. Карамзина: «Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя» [12, с. 5]. Именно в этом и заключается развитая гражданская позиция: как понимание взаимосвязи частной сферы жизни с существованием государственной системы.

Литература

1. Тoffлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
2. Вaллерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
3. Нoзик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
4. Павлов В. А., Растимешина Т. В. Критический утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна: создание социальной науки // Экономические и социально-гуманитарные исследования. М.: МИЭТ. 2016. №3(11). С. 80—91.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1960—1970. Т. 33: Государство и революция. 1969. 433 с.
6. Бузгалин А.В. АнтиПоппер: Социальное освобождение и его друзья. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 139 с.
7. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: Эксмо; СПб: Мидгард, 2005. 832 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., Алгоритм, 2000. 440 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 3: Т. 117. 656 с. (Философское наследие: ФН).
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Ермак, 2005. 588 с.

11. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993—1999. Т. 2. кн. 1: [Наши задачи: статьи 1948—1954 гг.]. 495 с.

12. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2012. 1024 с.

Поступила: 23.10.2019.

Кальней Марина Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marina.kalnej@yandex.ru.

References

1. Toffler Je. Shok budushhego. M.: Izdatel'stvo AST, 2002. 557 s.
2. Vallerstajn I. Posle liberalizma. M.: Editorial URSS, 2003. 256 s.
3. Nozik R. Anarhija, gosudarstvo i utopija. M.: IRISJeN, 2008. 424 s.
4. Pavlov V. A., Rastimeshina T. V. Kriticheskij utopicheskij socializm K. A. Sen-Simona, Sh. Fur'e i R. Oujena: sozdanie social'noj nauki [Critical-Utopian Socialism of C. H. Saint-Simon, Ch. Fourier, and R. Owen: Social Science Creation] // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. M.: MIJeT. 2016. №3(11). S. 80—91.
5. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. / In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M.: Politizdat, 1960—1970. T. 33: Gosudarstvo i revolyucija. 1969. 433 s.
6. Buzgalin A.V. AntiPopper: Social'noe osvobodhenie i ego druž'ja. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 139 s.
7. Berdjaev N. A. Russkaja ideja. M.: Jeksmo; SPb: Midgard, 2005. 832 s.
8. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem. M., Algoritm, 2000. 440 s.
9. Platon. Sbranie sochinenij: v 4 t. M.: Mysl', 1990—1994. T. 3: T. 117. 656 s. (Filosofskoe nasledie: FN).
10. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: AST; Ermak, 2005. 588 s.
11. Il'in I. A. Sbranie sochinenij: v 10 t. M.: Russkaja kniga, 1993—1999. T. 2. kn. 1: [Nashi zadachi: stat'i 1948—1954 gg.]. 495 s.
12. Karamzin N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. M.: Jeksmo, 2012. 1024 s.

Submitted: 23.10.2019

Kal'ney Marina S. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, associate professor of the Department of Philosophy, Sociology and Politicalology, National Research University of Electronic Technology (Shokin Square, 1, 124498, Zelenograd, Moscow, Russia), marina.kalnej@yandex.ru.

Эстетический предмет как осуществленная красота

Г.В. Лобастов

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Рассматривается искусство как деятельность, окультуривающая человеческие чувства. Сама человеческая чувственность понимается как выражение смыслов культурно-исторического бытия в объективно-чувственных формах. Многоликость представлений об искусстве может быть понята через критерий красоты — как истины, данной в чувственной форме. Дается краткий анализ понятия красоты. Художественный образ, несущий в себе красоту, воплощается в действительность и предстает эстетическим предметом, который как объективная форма лежит в основании художественного вкуса и преобразования человеческой субъективности вообще. Показывается смысл идеала в искусстве и его связь с идеалом исторического развития.

Ключевые слова: чувственность; красота; художественная форма; эстетический предмет; искусство и наука; смысловое содержание художественного образа; истина в искусстве; диалектика чувственного и смыслового; модернизм; постмодернизм.

Aesthetic subject as beauty realized

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University)

lobastov.g.v@yandex.ru

Art is considered as an activity that cultivates human feelings. Human sensuality itself is understood as an expression of the meanings of cultural-historical being in objective-sensory forms. The many faces of ideas about art can be understood through the criterion of beauty — as truth given in a sensual form. A brief analysis of the concept of beauty is given. An artistic image that carries beauty in itself is embodied in reality and appears as an aesthetic object, which, as an objective form, underlies the artistic taste and the transformation of human subjectivity in general. The meaning of the ideal in art and its connection with the ideal of historical development are shown.

Keywords: sensuality; beauty; art form; aesthetic object; art and science; semantic content of the artistic image; truth in art; dialectics of sensory and semantic; modernism; postmodernism.

*Красота спасет мир.
Ф.М.Достоевский*

Начну с элементарных фиксаций. Полтора столетия назад возникший модернизм главной целью имел создание оригинальных

произведений, основанных на внутренней свободе автора и использующих новые выразительные средства. Модернизм нес в себе

интенцию преодолеть классическое представление о произведении искусства за счет расширения сферы смысла. Иначе говоря, художественный образ как бы не должен замыкаться в рамках того, что дано непосредственно в чувственном восприятии, а более полно входить в содержание смысла любого художественного отражения действительности. И даже не только художественного. Все облечено смыслом, коль скоро оно, это все, втянуто в человеческую сферу действительности. И коль втянуто сюда, в эту действительность, то своим смыслом и связано с нею. И модернизм ищет пути быть в авангарде всех смысловых порождений, чувствуя свою необходимость в революционном изменении человеческой действительности.

За этим движением, как легко понять, лежит своя философия, т. е. глубинное осмысление природы и роли удерживаемого субъективностью образа действительности. В числе чего находится и тот фундаментальный факт, что истинное бытие далеко не дано только через форму непосредственной чувственности, и смысл, заключенный в *образах реалистического искусства*, потому по необходимости ограничен. Ограничен рамками этой самой чувственности, содержания, данного «в формах жизни» (Н.Г. Чернышевский). И эстетическое содержание предмета начинает сдвигаться за рамки известных и доступных форм, представляющих жизненную реальность, и перестает быть непосредственно доступным чувственному восприятию.

Иначе говоря, модернизм ломает привычные рамки художественного образа и его восприятия, подвигает это восприятие в сторону поиска чистой смысловой формы, в сторону более глубокого всматривания в жизнь. Научное понятие, выражающее смысл вещи, как известно, лежит за представлением, выходит за границу его. В модернистском искусстве начинает происходить нечто подобное: чувственный момент художественного образа все более исчезает, он не значим сам по себе, и в нем ничего не надо искать, кроме неопределенно-намекающей на глубинные смыслы функции. И философия модернизма все

более начинает осознавать внутреннее противоречие сознания, сталкивающегося с произведением модернистского искусства, которым оно выводится за свои наличные пределы и через которое обнаруживает свою собственную ограниченность. Но, с другой стороны, традиционное сознание в эстетике — или скажем иначе, сложившиеся схематизмы его мышления, — в актах восприятия этого художественного продукта, сохраняя самое себя, несет в себе интенцию отрицания, столь ломающую его, это восприятие и мышление, форму искусства.

Но не само себя. Мы знаем, что слом этих форм происходит через изменения в самой действительности. Но субъективное сознание, в формах ли искусства или в формах научно-теоретической деятельности, конечно, обгоняет действительность, поскольку опирается на существенное в ней, которое, существенное, оно же и высвобождает в творимых искусством и наукой образах. Эти образы сохраняют смысловую суть бытия, но сохраняют в формах, непосредственно в бытии и через наличное бытие не данных. Интенция глубже проникнуть в эту суть лишает чувственный материал действительности своего собственного значения. Тем самым смысловая сторона художественного образа наполняется субъективным содержанием, его свободно-произвольным движением, лишь внешне побуждаемым восприятием чувственного материала художественного образа: его смысловая часть творится свободной способностью субъекта восприятия. Поскольку любой творимый образ проецируется в действительность, постольку создается впечатление, что искусство творит мир. Причем не только человеческий мир, а объективность вообще.

Поэтому актуальной для рефлексии философских оснований сдвигов в искусстве становится проблема идеала — как завершающего момента развития самой действительности, выстраиваемого на основе логики исторического развития человека. Проблема отношения общественного идеала и идеала в искусстве становится объективно актуальной. И критика модернизма не может быть

осуществлена без критики действительности, которая породила это эстетическое умонастроение. А это, в свою очередь, не может быть осуществлено без глубочайшего философского осмысления проблемы идеального и его места в составе общественного бытия, внутри которого — и идеал, и искусство, красота и безобразие, добро и зло. И наука, и сама философия. Схватить все это философским сознанием в некоем единстве и выразить это теоретической мыслью возможно, когда сама философская теория сможет понять себя и утвердить себя как истинная.

Постмодернистское искусство продолжает поиск новых смысловых пространств, но делает это иначе. В постмодернистском сознании происходит очень любопытный сдвиг: оно *отказывается от противопоставления искусства и реальности*. Действительное и вымышленное становятся равнозначными, смысл теряет непосредственную связь с жизненной реальностью, что ведет к неограниченному числу значений художественного произведения. Интенция постмодернистского искусства — свобода. Но свобода, естественно, всего лишь как свободный выбор из числа возможных интерпретаций. Этим проявляется не сама по себе отражаемая в образе действительность, а сам человек, поставленный в условия восприятия произведения искусства. Хотя, конечно, этот момент, момент свободы, есть в восприятии любого содержания, не только эстетического, — коль скоро оно, это восприятие, есть форма активная. Но здесь эта свобода из неосознанного содержания своего бытия высвобождается — и ей придается универсальный характер, прощупывающий бытие в его возможных, мыслимых и чувствуемых, формах. В пространстве этих смыслов свобода воспринимающего сознания, скорее, отражает возможности самого субъекта, обособленного и оторванного от реальной жизни, углубленного в себя и удовлетворяющего себя своим свободным проявлением в ничем не ограниченном смысловом пространстве.

Постмодернизм есть, по существу, проявление свободной активности человека в особых социально-культурных условиях,

ощущающего свою беспомощность что-либо сделать внутри самой действительности, в ее реальных формах. Его субъектность выведена за пределы действительности, и он наслаждается игрой сложившихся форм своей субъективности (души). Связь с действительностью в рамках этого искусства (шире — постмодернистского умонастроения) никак не представлена. Потому и кажется, что тут наличествует отказ от различения искусства и действительности. На самом деле это искусство вполне отражает реальное положение дел в действительности, и этот факт снова не ухватывается критической рефлексией этого искусства. И потому оно достаточно прочно с этой действительностью связано. Но связь эта осуществляется внутри самого искусства, и она настолько тесна, настолько неразличима, что реальность самого бытия превращена в форму и средство выражения смыслового содержания художественного образа.

Потому и любопытен тот совершенно противоположный ход, который мы видим в постмодернизме относительно модернизма. Если в модернизме образ утрачивал чувственный материал, который выступал в качестве средства выражения и удержания смысла, то в постмодернизме, наоборот, чувственность входит в содержание образа своей очевидно-объективной реальностью. Или, можно сказать, наоборот: художественный образ, его смысл, входит в реальность. И они становятся неразличимыми. Это и есть жизнь субъекта восприятия действительности внутри самой действительности. Или, что есть то же самое, жизнь его, человека, внутри образа, в субъективности, в отвлечении от действительности, жизнь, мнимая как действительность. Потому и мир начинает мыслиться как только воображаемый мир, что будто бы на самом деле он таков, как дан в сознании — через образ искусства, через миф (у А.Ф. Лосева: — все есть миф). Сознание не отделяется от бытия. И даже его рефлексия в философии начинает утверждать именно этот факт неразличимости. Все есть симулякр.

Если классическое искусство пытается выразить динамику объективной действительности, выраженной в художественном

творении, то модернизм и постмодернизм акцент делают на субъективно-психологической стороне этого обстоятельства. В актах восприятия любой реальности — не только художественного произведения — значение имеет момент соответствия предмета восприятия уже сложившейся схеме восприятия. Этот момент теория искусства фиксирует как *художественный вкус*. Он и выражает это субъективно сформированное отношение к эстетическому содержанию действительности. Момент наслаждения и удовлетворенности в процессе восприятия художественного произведения есть всегда результат согласия воспринимаемого *эстетического предмета* с художественным вкусом. Поэтому, казалось бы, на тождество такого рода художник и должен ориентироваться: он должен выразить в своем произведении то, что актуально или потенциально содержится в составе субъективности воспринимающего сознания. В художественном произведении зритель должен опознать себя, осознать себя и утвердиться в себе. Но условием такого осознания может выступить только *художественная идея*.

Всякое искусство — даже бессознательно — имеет объективное назначение формировать человеческую субъективность. И возникает вопрос: что должно нести в себе искусство, какие сдвиги оно должно осуществлять в составе субъективности человека? «Что искусство осуществляет “воспитание чувств”, — пишет Э.В. Ильенков, — давно стало общим местом. Но эту формулу нередко толкуют несколько ограниченно, имея в виду преимущественно морально-этический план. <...> Дело в том, что искусство развивает универсальную чувственность, посредством которой человек вступает в действенный контакт не только с другим человеком, но и с природой [1, с. 215]. «Специфика» искусства заключается в том, что оно формирует и организует сферу чувственного (то есть “эстетического”) восприятия человеком окружающего мира» [1, с. 214—215].

Потому и возникает вопрос, насколько искусство выражает собой *объективные идеалы культурно-исторического развития*. Ведь только через них можно измерить

истинность и субъективного вкуса, и художественного произведения, т. е. эстетического предмета, — если исходить из того, что искусство имеет объективное и необходимое предназначение в составе человеческой культуры, если его понимать как форму и способ формирования человеческой чувственности. С этой точки зрения и модернизм и постмодернизм явно противоречат смыслу и назначению искусства. Понимая дело так и имея в виду широчайший диапазон видов искусства, сколь важно становится дать отчет в нашей способности оценить то, что в рамках искусства производится! Иначе говоря, всегда ли мы способны различить собственно искусство и то, что искусством маскируется. Тем самым актуализируется вопрос истины в искусстве и истинности самого искусства.

Конечно, можно было бы сказать, что мера искусства лежит в понятии красоты. И здесь не будет никакой ошибки. Если, конечно, не допустить ошибки в трактовке самой красоты. Проблема адекватного мировосприятия восходит к неким фундаментальным основаниям человеческого бытия, и только из анализа этих оснований можно вычитать необходимость и способ функционирования всех форм отношения человека к действительности. Человеческим сознанием в его культурно-историческом развитии давно были усмотрены атрибутивные определения человеческого бытия — как истина, добро и красота. Единство и даже тождество этих определений потому есть исходный принцип для детального анализа любого из этих отношений человека к миру. Утрата собственно человеческих определений в подходе к любому феномену общественно-исторического бытия оборачивается обесмысливанием самого сознания, активно вмешивающемся в реальную жизнь человека.

Это факт, что человеческая деятельность, как деятельность преобразующая и создающая, может нести своим продуктом как нравственно-человеческое начало, так и начало, разрушающее человечность, — что в сознании человечества получило определение зла. Поэтому и объективно оценить

творящего свою историю (самого себя) человека мы можем только с позиций общественного культурно-исторического развития, его смысла и его идеала. Но что история драматична и трагизмом своим побуждает человека всмотреться в самого себя, в содеянное им и в содеянном увидеть воплощенный образ своих деятельных сил, образ реального человека, — это понимание давно вошло в историю духа. Формами своего сознания (философия, религия, нравственность, искусство) духовная культура этот образ и отражает. Потому идеал общественного развития является *объективной* мерой результатов любой деятельности и, разумеется, мерой деятельности художественной. Объективной именно потому, что идеал не есть произвольная форма, в своей истине он всегда выстраивается по внутренней логике развивающейся действительности. Но в истории сама эта логика выступает как становящийся процесс, ищущий своей идеальной формы. И потому искания человечества — это его судьба. Но поделаться ничем нельзя, полагаться на божественные откровения, как показывает та же самая история, — путь тупиковый. Путь примирения с действительностью и неверия человека в свои собственные силы. Неспособность увидеть в самом себе момент абсолютного содержания и свободного развития его в своей исторической деятельности.

Потому начинать надо, пишет Э.В. Ильенков, с понятий человека, человеческих отношений, отношений человека к человеку и человека к природе. «Ибо только тут находится критерий, позволяющий отличить, в конце концов, подлинное искусство, ориентированное на красоту и добро от жалкой имитации. С этим ключом-критерием к проблеме можно хотя бы подступиться с надеждой понять, где ты столкнулся с искусством, которое в сущности нравственно, несмотря на то и даже благодаря тому, что оно изображает зло в самых крайних его проявлениях, обнажает перед нами безобразное его нутро, и где, наоборот, — с внутренне безнравственным лицедейством, с расчетливо-холодным изображением идеально умных,

идеально красивых и идеально добродетельных по всем статьям морали персонажей. <...> Тогда тебя не обманет фальшивая красота и фальшивое добро в искусстве — те самые фальшивые эрзацы добра и красоты, которые столь же хорошо уживаются в блюде с ложью и безобразием, как и в морально узаконенном браке друг с другом. Тогда ты всегда увидишь, какое произведение искусства, хотя оно и не декламирует высоких словосочетаний и не рисует красивых картинок, всё-таки является внутренне кровным союзником в современной войне за истину, красоту и добро, а какое — лишь замаскированным врагом союза истины, добра и красоты в жизни человека» [2, с. 307—308].

Да, с этих понятий надо начинать, но сами эти понятия составляют проблему, — не только по диапазону различия их, человека и человеческих отношений, мыслимых оснований, но и по трактовке самой понимающей способности. Поэтому проблема истинного мышления тождественна проблеме истины в мышлении. Потому же и войти в понятие, в понимающую способность, — одна из сложнейших проблем для сознательного действия педагогики. А вводит ли в это понимающее отношение к миру искусство?

Кажется, да. Ибо истина и красота, будучи продуктом исторического развития культуры, выступают не только объективированными формами культурного бытия, но и атрибутивно-всеобщими формами отношения к этому бытию — единой универсальной индивидуальной способностью.

Потому и необходим философский анализ тех исходных форм человеческого бытия, которые лежат в основании человеческой субъективности, синтезирующей в себе всеобщие формы отношения человека к действительности — под образом *истины, добра и красоты*.

Логика требует показать *необходимость возникновения* такого содержания внутри человеческой действительности, отражение которого предстает как *художественный образ*. Любопытно, что в искусстве, дело которого заключается в формировании такого

образа, *творческий* момент замечен более всего. Даже в науке, объективное назначение которой заключается в воссоздании действительности в формах понятия, в выявлении внутренней логики бытия, момент творчества образа действительности проявлен не столь очевидно. Вероятно, потому что продукт искусства и продукт науки различны, даже противоположны по бытию: в науке это вневещный образ понятия, а в искусстве всегда чувственный образ действительности; наука *открывает* суть бытия, искусство проецирует смысловое содержание действительности в особой, *создаваемой* им предметности.

Наука постигает то, что есть, это постигающая деятельность человека, создающая вневещный образ действительности. Это необходимый момент творящего культурно-исторического бытия человека. В искусстве все выглядит как бы наоборот. Продукт его деятельности непосредственно явлен чувствам человека. И здесь нет необходимости проходить путь, на котором человечество развивало свою чувствующую способность и способы ее воплощения в своих произведениях. Эти произведения сразу и непосредственно даны созерцанию, и созерцающий столь же непосредственно способен судить представленное ему содержание. Вряд ли у кого-либо вызовут такой восторг творения Ньютона или Спинозы, какой вызывает, скажем, музыкальная поп-культура. В предметах, в произведениях искусства представлена чувствующая, чувственная культура человечества. Искусство создано творческим началом человеческого духа, природа же бытует, спрятав в себе свое собственное определяющее *ее начало*. Человеческое сознание разворачивает это природное бытие до его абсолютных пределов, и замкнутость этих пределов видит в тех же определяющих принципах, в каких осуществляет себя и круг искусства.

Если поставить в один ряд Эйнштейна и Микеланджело, Гегеля и готическую архитектуру и т. д., то можно легко заметить, что эстетическое суждение осуществляется принципиально по той же форме, что и суждение

в науке. Способность воспринимать поп-культуру формируется так же просто, как и способность элементарного счета в математике. Только, правда, первая возбуждает и настраивает чувства человека, а вторая, даже будучи сформированной, остается равнодушной к чувствам и их как будто не касается. Разве только опосредованным образом.

Вопрос о связи чувственного и рационального сознания находится в поле внимания человечества с тех пор, как только человек обнаружил в себе эти загадочные способности. Наскальные рисунки древних восторгают больше, чем каменный топор, — ученый глаз здесь направлен в разные стороны. И это «косоглазье» с точки зрения прагматического смысла легко объяснимо. Но науке не так легко объяснить то деятельностное начало в человеке, которое выражает и проявляет себя в столь, казалось бы, различных, даже противоположных, направлениях. Простая, даже обыденная, фальшь суждений, базирующаяся в науке на заблуждениях, присуща ведь и эстетическому чувству. Фальшивое чувство не есть продукт изуродованности правого полушария, оно столь же объективно, как и кажущаяся простота отношения «дважды два четыре». Элементарные математические отношения кажутся простыми и истинными, точно так же и фальшивое чувство видит себя в истине: дурак себя дураком никогда не считает. А о вкусах, якобы, и вообще не спорят.

Вся эта действительность человеческого сознания, несущая в себе ложь представлений, указывает на наличие фальшивых форм внутри самого бытия. Человеческое бытие, своей культурой плотно обнимающее человека с момента его рождения, и воспитывает активное отношение индивида к сложному, внутри себя расчлененному содержанию человеческой действительности. И истина, и фальшь этой культуры становятся обычными, предрассудочными формами активности человека, формами его бытия. Бог, недоступный мышлению, становится формой чувства. Бах, недоступный уху, становится шумом. Шлягер, бытующий в культуре, не различающей истину

и ложь, становится мерой отношения к действительности. И мерой своего самосознания. И Бог, и Бах тут становятся излишними.

У великого художника всегда получается так, что созданный им уникальный образ (спорят о том, с чего он «списан» и т. д.) оказывается (становится) типичным, — и собственное имя героя превращается в имя нарицательное. Иначе говоря, становится предикативным определением человеческих суждений о человеке. Но какая же логика позволяет мне соотносить созданный художником идеальный образ с действительным бытием того или иного реального единичного человека? Ведь полнота этого образа представлена в моей субъективности в некоем синтетическом единстве, которое я могу, конечно, расчленив на множество суждений. Но эстетическое и нравственное суждение осуществляется мною интегрально, — и я, как бы вне логики, подвожу единичное под образ внутри моего эстетического сознания. Суждение в науке опирается на известное ей содержание предикативного понятия, которое при необходимости легко разворачивается рядом суждений, более простых по содержанию. Эстетическое сознание в рефлексии своего способа бытия эту интегративно-предикативную форму давно обозначило художественным вкусом. И становится понятным, что сам этот вкус должен быть определен через некие всеобщие формы движения эстетического сознания. А следовательно, и через его предмет.

Предметом эстетического сознания в собственном смысле является эстетический предмет. В этом суждении, как видно, содержится тавтология, и ее следует развернуть, чтобы показать ее объективную природу. Произведение искусства является эстетическим предметом только в своей определенной форме. На какие части раскладывается этот эстетический предмет и чем эти части синтезируются в целое — это фундаментальный вопрос в попытке понять целостность художественного образа. Может показаться, что формой синтеза выступает логическое мышление. Разумеется, оно присутствует здесь, но представлено оно в снятом виде.

Сама же художественная форма произведения образована не мыслью, а чем-то другим. В процесс творчества художественного произведения, конечно, входит мысль, — но только в качестве момента. В целом же этот процесс не есть работа мысли. Художественное произведение и воздействует не мыслью, а тем, что мы обобщенно называем красотой, особенности которой как раз в форме и заключены. Нарушение этой формы, даже в ее малых элементах, немедленно ведет к уничтожению эстетического эффекта. «Никакое железо, — говорит И. Бабель, — не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя» [3, с. 273]. Более того, художественный образ как чувственная форма вообще исчезает и остается только некий «ощущаемый» смысл: «И в изобразительном искусстве, так же как и в поэзии, безобразное впечатление является конечной целью изображения предмета... <...> Главное в музыке — это неслышное, в пластическом искусстве — невидимое и неосознаваемое» [4, с. 97; 109].

И в самом деле, чувственное есть только условие и способ бытия эстетического, а переживание как способ восприятия искусства есть движение всей полноты человеческой субъективности. Чувственно-наглядное представление вообще служит лишь средством выражения другого содержания, нежели то, которое непосредственно доступно чувственности и изображается художником. Иначе говоря, эта внешняя чувственность, данная в изображении, не есть цель авторского творчества, не есть содержание художественного образа. В этой логике, как видим, содержится потенция абстрактного искусства.

Художественная форма была поставлена в центр своего внимания формалистическим течением в искусстве. Теоретики этого направления так и формулировали свой взгляд на искусство, что оно есть чистая форма, совершенно не зависящая ни от какого содержания. Почти как у Аристотеля. Такой переход в истории эстетической мысли вообще-то с внутренней стороны легко объясним. Ибо форма связана не только с чувственным образом, но и с мыслью.

«Стих есть не совокупность составляющих его звуков, — пишет Л.С. Выготский, — а есть последовательность или чередование их соотношения. Стоит переставить слова в стихе, сумма составляющих его звуков, то есть материал его, останется ненарушенной, но исчезнет его форма, стих» [5, с. 74].

Но форма является лишь средством выражения своей противоположности — содержания. Так что объективно содержание не теряется, если даже субъективно от него якобы и отказываются. Ибо *форма не существует вне того материала, который она оформляет*. Всякое изменение материала есть вместе с тем и изменение формы. И потому становится понятным, почему художественное произведение искажается, если мы его форму перенесем на другой материал. Эта форма в другом материале оказывается уже другой.

Форма в конечном счете развоплощает, как говорит Л.С. Выготский, тот материал, которым она оперирует. И надо признать огромную значимость этой мысли для эстетики. Более того, она, форма, не только развоплощает материал художественного произведения, но сама оказывается «материей» смысла, т. е. того самого существенного содержания искусства, которое удерживается и выражается этой формой. *Форма существенна*.

Неразрывность чувственного содержания и того, что стоит за ним в художественном произведении, — на это четко и определенно укажет уже Платон, впервые сумевший дать серьезный философско-эстетический анализ произведения искусства [6, 7, 8, 9]. «Как известно, — пишет Гегель, — Платон первый предъявил к философии требование, чтобы она познавала предметы не в их *особенности*, а в их всеобщности, в их *роде*, в их в-себе-и-для-себя-бытия, так как он утверждал, что истинное — это не *отдельные* хорошие поступки, истинные мнения, прекрасные люди или художественные произведения, а *само добро, красота, истина*. Если же прекрасное должно быть познано согласно его сущности и понятию, то это может быть достигнуто лишь посредством

мысленного понятия, с помощью которого мыслящему сознанию раскрывается логико-метафизическая природа *идеи вообще*, равно как и особой *идеи прекрасного*» [10, с. 28].

Эстетические анализы категории красоты, данные Платоном, конечно же, не могут не опираться на категорию идеального. Платон впервые открыл и зафиксировал идеальное в действительности — открыл именно как основание всех форм бытия человека. Потому разобраться в эстетической теории Платона без платоновского понятия идеи, ясно, невозможно.

Отграничивши эстетическую сферу от всякой прочей и проведя различие красоты вообще и отдельных прекрасных предметов, Платон не остается в сфере чистого эстетического смысла. Обособление и онтологизация идеи, которая мыслится как внутреннее смысловое содержание вещи, ее противопоставление жизненному бытию, осуществляется Платоном для пояснения самостоятельности смыслового содержания. Но эта невещественность идеи, как *формы деятельности*, развернутой вне этой деятельности, но только в мышлении человека, — идеальное бытие этой идеи внутренне сращено с той вещью, идеальным образом которой она является. Вещь предстает в сознании человека как носитель не только природного начала, но и начала смыслового, согласно которому она, как бы мы сегодня сказали, интегрируется в человеческое бытие. Включаясь в человеческую деятельность, вещь обнаруживает в себе определения, совпадающие с формами этой деятельности. Целесообразность здесь становится руководящим принципом осмысления всей жизненной действительности, и в том числе, естественно, эстетической.

Ничего удивительного нет в том, что *идея вещи и вещь в формах человеческой деятельности совпадают, отождествляются*. *Вещь несет идею в себе*. Насколько так представлял дело Платон, разговор особый, но что, разделив смысл вещи и вещь, он сохранил их единство — это тоже факт.

Красота, захватывает у Платона всю сферу человеческого бытия. Она есть особая

форма выражения человеческих смыслов. Поэтому созерцание вещей происходит через призму этих смыслов, и в том числе, естественно, через призму идеи прекрасного, отделенной от самих вещей и представленной как субъективная способность. Если бы ее, красоты, не существовало в «чистом» виде, т. е. как *всеобщей формы отношения* человека к действительности, было бы невозможно оценить меру красоты в каждом и любом предмете — как естественно-природном, так и нравственно-человеческом.

Что же такое прекрасное само по себе, в своем положительном содержании? «Оно не есть просто «реальное» чувственное. Оно и не есть просто идеальное умственное, — пишет А.Ф. Лосев. — По Платону, это — *некая средняя область*, не чувственная и не умственная, а такая, *которая сразу есть и то, и другое*. Красота есть бытие вполне самостоятельное, нейтральное в отношении обеих сфер. Она ни «идеальна», ни «реальна». Она — и не логическое построение и не чисто алогическое вдохновение, экстаз. Она *экстатический ум и умственный экстаз*. Эти два основных элемента наличны как в эстетическом сознании, так и в его предмете» [11, с. 186].

У Гегеля позже обнаружится такая же позиция: «В отличие от непосредственного существования предметов природы чувственное в художественном произведении возводится созерцанием в чистую видимость, и художественное произведение находится посередине между непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеального мыслью. Оно еще не является чистой мыслью, но, вопреки своему чувственному характеру, уже не представляет собой голого материального существования, подобного камням, растениям и живым организмам. Само чувственное в художественном произведении принадлежит сфере идеального, но, в отличие от научной мысли, это идеальное существует вместе с тем внешне в форме вещи» [10, с. 44—45]. Таким же образом дело оценивает современник Гегеля английский теоретик искусства С.Т. Кольридж: «Искусство в целом, то есть

живопись, скульптура и музыка, — посредник и примиритель природы и человека. Это возможность очеловечивания природы, возможность внедрения человеческих мыслей и страстей во все явления, которые человек созерцает: цвет, форма, движение и звук — это элементы, которые объединяют искусство, сливаясь в единую нравственную идею» [12, с. 223].

Критическое отношение к концепциям, трактующим искусство как познание, должно быть, мягко скажем, более осторожным, чем выражение его в модернизме и постмодернизме. Гегель, как будто стоявший на этих позициях, на позициях искусства как познания, мышление понимает как всеобщую форму, проявляющуюся в любой сфере деятельности человека, в любой форме субъективности и в любой форме объективной действительности. В «чистой» форме оно проявляется только в философской рефлексии. В эстетике рефлексия его отягощена содержанием и материалом произведения искусства.

«Платоническая красота, — говорит А.Ф. Лосев, — хочет в восторге, в чувстве найти знание, хочет понять восторг и чувство как метод познания; и она хочет знание наполнить чувством, наслаждением, восторгом» [11, с. 187]. Платон, как видим, нам помогает здесь преодолеть не только дуализм чувственного и рационального в категории прекрасного, но и иррационализм, которым преисполнено современное искусство. Созерцание идей, чистое созерцание через форму красоты восходит к *истине эстетического предмета*. Категория красоты здесь *столь же необходима, как категория пространства* у Канта для созерцания вообще. Это форма, отделяющаяся от предметной действительности только в нашей рефлексии. Созерцание эстетического предмета и есть эстетическое сознание по Платону.

Эта позиция Платона позволяет удерживать рационально-логическое содержание в составе деятельности созерцания, причем деятельности продуктивной. Продуктивно-творческий момент здесь сохраняется даже в предельной абстракции созерцающей

и мыслящей способностей, предстающих как одно и то же: *созерцаются чистые смыслы*, движение которых есть порождение все новых и новых образов одного и того же.

Тем самым решается вопрос о единстве и тождестве идеи и ее предмета. Красота ума, или чистое эстетическое сознание, порождает красоту души. Красота же души порождает телесную красоту, так как душа есть то, что движет телом. *Движение осуществляется от чистой идеи прекрасного к вещам, которые становятся красивыми благодаря этой творящей ее силе.* Это обстоятельство, выраженное Платоном, даже нет необходимости «переводить» на современный язык: современная диалектика в полной мере впитала в себя этот момент и удерживает его в диалектике предметно-преобразовательной деятельности. И выражает в категориях опредмечивания и распредмечивания, объективации и субъективации. Здесь всегда присутствуют и смысл, и созерцание. Это, естественно, в полной мере относится и к художественной деятельности. Поэтому мыслящее созерцание — это не только способность воспринимающего художественное произведение, но внутренний момент творчества самого художника.

Поэтому красота — не только деятельная категория, подчиняющая себе чувственное созерцание и творческий процесс художника, — воплощенная в произведения искусства, она есть эстетический предмет, который красив сам по себе, поскольку в нем красота воплощена. Эстетический предмет тем и отличается от других, что он есть объективная чувственно-вещественная, воспринимаемая зрением и слухом *внутренняя жизнь*, глубокие человеческие чувства и ощущения.

Эстетическое есть там, где красота неотделима от самих вещей. Ибо красота — это категория движения человеческой чувственности, в которой, красоте, спрятано истинное содержание созерцаемых вещей. Здесь, конечно, содержится глубочайшая *проблема тождества красоты и истины*, того их единства, на которое любят очень часто указывать, но которое требует логико-тео-

ретического разъяснения и выражения в *форме понятия*. Подобно тому, как мало в чувствах иметь Бога, абсолют должен быть выражен в абсолютных формах бытия, т. е. в логике.

Но эстетический предмет есть не просто нечто внутреннее. Он всегда есть и нечто внешнее. Он есть внешнее выражение внутреннего, синтез внешнего и внутреннего, синтез сущности и явления, единство противоположностей — «души» и «тела». В эстетическом предмете внутреннее обязательно есть и внешнее, а внешнее есть внутреннее. Малейшая дисгармония между тем и другим приводит уже к нарушению самого принципа эстетики. Поэтому Платон и требует гармонии между внутренним и внешним, между душой и телом.

При созерцании эстетического предмета в сознании необходимо возникает ощущение некоей особой действительности. Красота приобщает нас к другому, возвышенному, миру и заставляет отрицательно характеризовать нашу обыденную действительность. Эстетический предмет таков, что он насильственно отрывает от пошлостей обыденной жизни и погружает в мир красоты. Понятно, что это «погружение» не является чисто рациональным и осознаваемым. Но красота всегда удивляет.

Идея красоты принципиально отличается от прочих идей своей особой связью с чувственным миром. В этом отношении она занимает совершенно исключительное место среди других идей. То, что идеальное вообще каким-то образом представлено в чувственном, есть, по Платону, дело исключительно идеи красоты. То, что мы можем *видеть идеальное*, возможно только через идею красоты. Она обеспечивает *максимальную* явленность чего бы то ни было. [10, с. 226].

Эстетические категории, надо заметить, не есть определения непосредственного чувственно-предметного содержания произведений художественной культуры. Суть художественного произведения заключается в способности через внешний чувственный материал выразить чувственное содержание субъективности человека, те или

иные его представления и идеи. Это-то и значит, что художественно оформленный чувственный материал является эстетическим предметом.

Поэтому и для эстетического сознания, по Платону, необходим не только синтез чистого ума с чувственностью. Для него необходимо еще *воплощение* этого синтеза, но не во внешней вещи, что давало бы эстетический предмет, а в самой субъективной сфере в качестве ее *чистых смыслов*.

Идеальные синтезы, осуществленные в эстетическом предмете, через восприятие этого предмета входят в сферу чистых смыслов человеческой субъективности и здесь становятся антиципирующими схемами сознания и нормами всей человеческой деятельности, включая, как уже понятно, ее творческую форму. Чтобы было возможно эстетическое суждение, необходима идея прекрасного, необходимо понятие красоты, — которые, конечно же, представлены как на стороне субъекта эстетического творчества, так и на стороне субъекта эстетического восприятия.

В идеальном синтезе мышления и чувственности участвует весь состав человеческой субъективности, вне опоры на сложившиеся формы внутри сознания он, этот синтез, невозможен. Эстетический предмет в качестве произведения искусства есть осуществленный *идеал красоты*. Это и есть то самое тождество идеи и вещи, которое теперь получило свободное движение в стихии человеческого бытия — в образе произведений искусства.

Контекст этих рассуждений о философских началах эстетического совсем не по случайности включил в себя аналогии искусства с наукой. Проблема конкретного тождества красоты и истины и ее положительное разрешение в классических традициях философии и эстетики намекает на необходимость научное содержание также выражать в теории под образом красоты. И не просто со ссылкой на случайную мысль ученого мира «истинно, потому что красиво», а как требование научно-художественной формы языкового выражения понятия.

В истории философской культуры есть оценки «Науки логики» Гегеля с позиции красоты — как совершенно выстроенное здание человеческого мышления. Как готика мысли. Как музыкальная симфония. Как гармонический синтез определений постигающего мышления.

Красота спасет мир. Но только тогда, когда она, как форма чувственного выражения истины, совместится с добром как формой человеческой деятельности, интенцией своей направленной на осуществление исторического человеческого идеала. И синтез их — это синтез в гармоническую форму человеческих общественных отношений, суть которых и выражает реальный земной человек. Человек — самоцель истории. С него все начинается и им все кончается. Не Бог в начале и конце. Один из пилотов американского бомбардировщика, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму, позже предложил в следующий раз расцветить небо цветными парашютами, чтобы ликующая от красоты радость людская обратилась к небу, не ведая, что с неба падет человеческое зло, несущее смерть самому человеку. Красота спасет мир, когда будет воплощена во все формы человеческого бытия, когда она своей истиной и добром в реальных чувственных формах будет «насиловать» входить в душу каждого человека. И тем самым освобождать его от лжи и безобразия. Достоевского следовало бы понять так...

Литература

1. Ильенков Э.В. О «специфике» искусства // Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. С. 213—233.
2. Ильенков Э.В. Что там, в Зазеркалье? // Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. 349 с.
3. Бабель И. Избранное. М.: Художественная литература, 1966. 494 с.
4. Христиансен В. Философия искусства / Пер. Г.П. Федотова; под ред. Е.В. Аничкова. СПб.: Шиповник, 1911. 291 с. (Библиотека современной философии; вып. 7).
5. Выготский Л.С. Психология искусства. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1968. 576 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).
6. Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 1: Гиппий Большой. 1968. С. 149—187.

7. **Платон.** Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 1: Ион. 1968. С. 131—149.
8. **Платон.** Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 2: Пир. 1970. С. 95—157.
9. **Платон.** Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1968—1972. Т. 2: Федр. 1970. С. 157—223.
10. **Гегель.** Эстетика: в 4 т. / [Под ред. с предисл. М. Лифшица]. М.: Искусство, 1968—1973. Т. 1. 1968. 312 с.
11. **Лосев А.Ф.** История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 716 с.
12. **Колридж С.Т.** Избранные труды. М.: Искусство, 1987. 347 с.

Поступила 02.03.2020

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ, (Россия, 125993, Москва, Волоколамское ш., 4), Президент Российского философского общества «Диалектика и культура», lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Il'enkov Ye.V. O «specifike» iskusstva // *Iskusstvo i kommunisticheskij ideal: izbrannye stat'i po filosofii i jestetike*. M.: Iskusstvo, 1984. S. 213—233.
2. Il'enkov Ye.V. Chto tam, v Zazerkal'e? // *Iskusstvo i kommunisticheskij ideal: izbrannye stat'i po filosofii i jestetike*. M.: Iskusstvo, 1984. 349 s.
3. Babel' I. Izbrannoe. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1966. 494 s.
4. Hristiansen V. *Filosofija iskusstva* / Per. G.P. Fedotova; pod red. E.V. Anichkova. SPb.: Shipovnik, 1911. 291 s. (Biblioteka sovremennoj filosofii; vyp. 7).
5. Vygotskij L.S. *Psihologija iskusstva*. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Iskusstvo, 1968. 576 s. (Iz istorii sovetskoj jestetiki i teorii iskusstva).
6. Platon. *Sochinenija*: v 3 t. M.: Mysl', 1968—1972. T. 1: Gippij Bol'shij. 1968. S. 149—187.
7. Platon. *Sochinenija*: v 3 t. M.: Mysl', 1968—1972. T. 1: Ion. 1968. S. 131—149.
8. Platon. *Sochinenija*: v 3 t. M.: Mysl', 1968—1972. T. 2: Pir. 1970. S. 95—157.
9. Platon. *Sochinenija*: v 3 t. M.: Mysl', 1968—1972. T. 2: Fedr. 1970. S. 157—223.
10. Gegel'. *Jestetika*: v 4 t. / [Pod red. s predisl. M. Lifshica]. M.: Iskusstvo, 1968—1973. T. 1. 1968. 312 s.
11. Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki*: Sofisty. Sokrat. Platon. M.: Iskusstvo, 1969. 716 s.
12. Kolridzh S.T. *Izbrannye trudy*. M.: Iskusstvo, 1987. 347 s.

Lobastov Gennadiy V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University), — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), President of the Russian Philosophical Society «Dialectics and Culture», lobastov.g.v@yandex.ru

Творческие ресурсы различных типов человеческой индивидуальности ¹

А.С. Некрасов

Российский университет транспорта (МИИТ)

andrnek@mail.ru

Доказывается, что становление человека как носителя творческого потенциала связано с приобретением устойчивости, целостности и гармоничном сочетании составляющих его индивидуальности. При этом одна из составляющих творческий потенциал продолжает доминировать, что лежит в основе человеческой индивидуальности, анализу которой посвящена статья. Рассматриваются такие типы человека, как деятели, мыслители, поэты, гуманисты-передвижники. На основе анализа типологии человека, основанной на выявлении разницы в условиях проявления творческого потенциала, в статье анализируются такие формы актуализации творческого потенциала человека, как способности, одаренность, талантливость и гениальность.

Ключевые слова: творческий потенциал, типы человека, активная деятельность, гений, способности, одаренность, трансцендирование.

Creative resources of various types human personality

A.S. Nekrasov

Russian University of Transport (MIIT)

andrnek@mail.ru

The article proves that the formation of a person as a carrier of creative potential is associated with the acquisition of stability, integrity and a harmonious combination of components of his individuality. At the same time, one of the components of creative potential continues to dominate, which underlies the human personality, the analysis of which the article is devoted to. We consider such types of people as figures, thinkers, poets, humanist Wanderers. Based on the analysis of a person's typology, based on identifying differences in the conditions of manifestation of creative potential, the article analyzes such forms of actualization of a person's creative potential as abilities, giftedness, talent and genius.

Keywords: creativity, types of people, active activities, genius, abilities, giftedness, transcending.

Термин «типология» в переводе с греческого означает «типос» — форма, «логос» — учение, что означает учение о форме. С древних времён типология становится методом научного познания, который создаёт возможность найти сходства и различия разных объектов, а значит определить их строение, закономерности развития и прогнозировать

их будущее поведение. В основе создания типологии всегда лежат критерии упорядочивания исследуемых объектов. Основой критериев могут служить разные основания. Но главной особенностью типологии всегда выступает её цель, т.е. выявление способности элементов типологии совершать будущие действия. В нашем случае такой

¹ Печатается в авторской редакции.

особенностью выступает творческий потенциал человека.

Творческий потенциал имеет каждый человек, способный к адекватному восприятию мира и активному его освоению. Но не одинаковой является степень развитости его составляющих, то есть, пространственной конфигурации в пределах индивидуальной субъективности как определённой целостности. То же самое можно сказать и о временных координатах функционирования творческого потенциала. Например, известно, что ребенок, который развивается физически (телесно), психологически, интеллектуально, социально, может обгонять, а может и отставать от хронологического возраста своей жизни. В первом случае имеют место так называемые акселерационные процессы, связанные с ускоренным физическим развитием в сравнении с другими возрастными показателями, в результате чего возникают «ножницы» между телесными возможностями и несформированностью интеллектуально-психологической и социальной составляющей индивидуальности. Также известны факты ускоренного интеллектуального развития детей-вундеркиндов. И наоборот, заторможенность в развитии указанных выше структур, ведет к инфантилизму. Во взрослом возрасте более типичны ситуации как раз задержки в развитии тех или иных составляющих творческого потенциала, когда человек как бы застывает на определенном этапе жизни и «существует по инерции».

Цель и результат становления человеческой личности, как носителя творческого потенциала, является приобретение устойчивости, целостности и гармонизация отдельных составляющих индивидуальности. В этом отношении человеческая личность представляет субъективное «Я» как некую целостность, которая является аккумуляцией отдельных аспектов последнего: физического, психологического, интеллектуального, социального и духовного. На определенных этапах жизни та или иная сторона «Я» может приобретать доминирующее значение. Вместе с тем, доминирование определенных составляющих творческого потенциала не прекра-

щается с окончанием благоприятного для личности этапа жизни. В этом случае мы имеем дело с определенными типами личности. К примеру, достаточно распространенной является типология, согласно которой люди делятся на «деятели», «мыслители», «поэтов», «гуманистов и подвижников». В частности, для деятелей главным является активная преобразующая деятельность. Люди дела, как правило, «трудоголики», «горят» на работе, находя в этом удовольствие, даже если результаты этой работы не слишком заметны. Человек этого типа, как правило, созидатель, отличается высокой активностью, он знает себе цену, обладает чувством собственного достоинства, ответственности. Он незаменим там, где необходимо деятельное воплощение определенных замыслов — в инженерной, технической и научно-технической сферах, в социально-политическом творчестве. Основой такого типа личности, в частности, является избыток физической энергии, которая трансформируется в дееспособность, через которую приобретаются умения и навыки в определенной деятельности.

И наоборот, мыслители — это люди, у которых наиболее развита потребность в рассуждениях. Они, согласно Пифагору, приходят в мир не для того, чтобы соревноваться и торговать, а созерцать и размышлять. Это, так сказать, философы по призванию, которые способны дистанцироваться от превратностей повседневного существования и окунуться в мир собственных раздумий. Указанный тип личности отличается от предыдущего развитостью способности к постижению виртуальных глубин собственного духа. Как правило, это ученые-фундаменталисты, генераторы идей, которые открывают новое в науке.

Поэтические натуры способны не только к погружению в глубины себя, но при создании новых художественно-образных миров нередко обладают даром прозрения, интуитивного прорыва в неизвестное соответствующими способами и преимущественно в литературе и искусстве.

Последний, четвертый, тип — гуманистов и подвижников отличается от других острым

ощущением душевного состояния других людей. Они более способны к сопереживанию, сочувствию, облегчению чужих телесных и душевных страданий. Лучшие из них — это и есть те праведники, пророки, которые ведут за собой человечество, указывают ему идеалы. Способность к трансцендентированию — их важнейшая черта. Если творчество личностей первого и третьего типов сосредоточено преимущественно на творение внешних, материальных и духовных форм и ценностей, то подвижники и мыслители нередко направляют творческий потенциал на создание самих себя, расширение собственного духовного мира, обогащение его достижениями внешних, более общих уровней.

По другой типологии, основанной на выявлении разницы в уровнях проявления творческого потенциала, люди разделяются на способных, одаренных, талантливых и гениальных.

Понятие «гений» (от лат. *genius* — дух) возникло в Древней Греции. Первоначально им именовали хорошего или злого духа — носителя доли божественной творческой силы, которую он передал опекаемому им человеку. Гений вселял в этого человека творческую мощь, зажигал на создание прекрасного и великого. Такое сакрально-мифологическое понимание гения царило в эпоху Возрождения, когда и было сформировано современное понимание гения, как творца, у которого благодаря наличию врожденных качеств и развития в обществе, сформировались способности к созданию неповторимых произведений. Сначала право на гениальность признавалось только за деятелями искусства, и только в XX в. оно было распространено на представителей других сфер — науки, техники, политики.

Если первые два понятия (способные, одаренные) характеризуют преимущественно потенциальные возможности индивидов в детском и подростковом возрасте, то талант и гений в большинстве проявляют себя в зрелом возрасте. Гениальность обычно рассматривают как наивысшая степень проявления творческих сил человека. При этом подчеркивается, что содержание гениально-

сти составляют как способности субъекта к творчеству, так и содержание, результаты деятельности. По своим психологическим качествам гений и талант мало чем отличаются: в обоих случаях речь идет о совокупности способностей, качеств, которые позволяют успешно, самостоятельно, оригинально выполнять деятельность.

Но гениальность — не просто высшая степень одаренности, она связана с созданием качественно новых произведений, открытием ранее неизвестных путей творчества [1].

В знаменитой «Британской энциклопедии» отмечается, что гений отличается от таланта как количественно, так и качественно. Талант означает врожденную предрасположенность к некоторым специальным видам деятельности, он относительно быстро и легко овладевает им. Гений обладает способностью осмысливать и работать в сферах, которые ранее не исследовались, и таким образом давать миру то необыкновенно ценное, что не могло бы иначе быть освоенным. Талант отличается от гения своей способностью быстро и легко достигать определенного мастерства [2], а гений — открывать новое, неизведанное.

Очень часто авторы, исследующие проблему творчества, не отличают понятия «гений» и «гениальность», рассматривая последнее как необходимое качество гения, или как синонимы [3; 4; 5].

Успехи в научном изучении особенностей гениев в последнее время привели к тому, что сакрально-религиозное и романтическое понимание природы гения, как «чуда», «тайнства» уступило место прямо противоположному. Вот что пишет американский исследователь И. Дуглас: «Мысль, словно гений — это не просто высокоразвитый талант, а чрезвычайный дар, которым обладают только избранные, представляет собой историческую аномалию ... миф о гениальности отжил себя ... Гениальности можно достичь простым и доступным для всех путем — уметь работать и бить в одну точку» [6, р. 268]. Но все же подобные мысли, скорее, исключение, чем правило. В большинстве случаев гениальность рассматривается как развитие личности

до самого высокого уровня, что позволяет достичь непревзойденной мастерства и компетентности в определенной сфере [7, р. 211]. Психолог Дж. Гоуен указывает, что физиологические и биологические характеристики (рост, вес, объем черепа, сила кисти руки, частота дыхания, острота слуха и зрения) у разных людей колеблются в диапазоне 3:1, в то же время способность к творчеству у гениев несравненно выше, чем у обычных людей [8].

М. Милкер считает, что способность к творчеству — процесс динамичный, который начинается в детстве и совершенствуется, претворяется в подростковом, юношеском и зрелом возрасте. По мнению автора, важное значение в формировании способности к творчеству играют психологические качества личности и влияние ближайшего среды [9].

Другой исследователь творчества Д. Саймонтон обращает внимание на то, что при определении гения не имеют значения моральные оценки, потому что существуют разные типы гениев, в том числе и «злых»: «Чтобы обрести звание гения, кандидат не должен быть ни «справедливым», ни «хорошим». Гениальность измеряется степенью влияния на современников: «Чтобы считаться гением, необходимо быть или знаменитым, или таким, кого проклинают настолько долго, чтобы никто полностью этого не мог игнорировать». Поэтому «социальные моралисты и циничные оппортунисты, и те, и другие, могут быть оправданы, если их конечной целью является достижение исторического бессмертия» [10].

Важным является вопрос о количественном составе гениев мирового масштаба. Существуют ли здесь какие-то закономерности, или же это количество имеет случайный характер?

В других случаях авторы достаточно произвольно определяют количество гениальных людей — от нескольких десятков до тысячи и более.

Что касается внутренних характеристик гениальных творцов, в том числе по степени сформированности и характера проявлений составляющих творческого потенциала,

наличие большого фактического материала, накопленного отечественными и зарубежными исследователями, он требует определенного упорядочивания. Анализ многочисленных попыток выявить наиболее характерные проявления личности гениев показывает, что в большинстве случаев отсутствуют критерии классификации таких качеств. В результате, в одном ряду попадают определяющие и второстепенные, типичные и присущие только отдельным субъектам творчества особенности. Например, в статье, помещенной в американском психологическом журнале, гений определяется как человек, который на протяжении длительного времени выполняет огромную работу, которая оказывает существенное влияние на других людей на протяжении многих лет. Перечисляя качества, которые, по мнению автора, характеризует гения, автор опять-таки предпочитает продуктивности (т.е. результативности) деятельности и умению долговременно и глубоко влиять на других [11, р. 128].

Более разнообразный набор качеств представлен в работе С. Тейлора, который выделяет стремление гения быть на переднем крае; независимость и самостоятельность; склонность к риску; активность; любознательность; неутомимость в поиске; недовольство существующим и стремлением его изменить; нестандартность мышления; готовность принимать решения; дар общения; талант предвидения [12].

Если все же попытаться классифицировать характеристики гения, которые приводятся в указанных выше и других публикациях, просматривается тенденция рассматривать не только черты субъекта творчества, особенности его интеллекта, воли, эмоциональной сферы, энергичности т.д., но и учитывать особенности объекта, процесса, результата творческой деятельности. Гений, в отличие от других, способен находить, выявлять, формулировать проблему, которую необходимо решить. Он имеет возможности для выбора эффективных путей (методов, средств) решения проблемы и волю, решительность, энергию для того, чтобы сделать это оригинально, продуктивно, по-новому.

Если рассматривать приведенный выше материал с точки зрения теории творческого потенциала, то напрашивается вывод, что гении отличаются от других людей не только и не столько количественными показателями (яркостью или силой определенных качеств и черт), сколько качественно: неповторимым их соотношением, целостностью составляющих творческого потенциала. Это и есть основной критерий гениальности. Чем более развиты и «подогнаны» друг к другу существующие элементы и уровни творческого потенциала человека, чем в большем единстве функционирует мышление и способность к деятельному освоению мира, потребность в творчестве, фантазия, воображение, эмоции и другие составляющие, тем больше возможностей для того, чтобы творческий потенциал человека функционировал в нелинейном режиме, порождая новое. Большое место в этом процессе занимает обмен информацией, ее обработка и переработка, благодаря существованию эссенциального, виртуального, трансцендентального уровней творческого потенциала.

В одном исследовании творчества читаем, что одной из черт гения является способность к трансцендентальной медитации. Главная цель ее — достичь состояния просветления, самореализации.

Способность к трансцендентированию за пределы собственного опыта зафиксирована во многих исследованиях, в том числе и тех, которые касаются ученых, художников, политиков. Например, исследователь творчества Эйнштейна Д. Холтон, фиксируя чрезвычайно развитое умение находить реальные, узловые проблемы, требующие решения, пишет: «Это иногда заставляло предположить, что Эйнштейну присуще некое «шестое» чувство, рассказать о котором он не мог людям, подобно тому, как слепым нельзя разъяснить, что такое свет» [Holton G. On trying to understand Scientific genius // The thematic component in scientific thought. Anstin, 1973. P. 353-380.]. На стадии поиска решения и создания нового, открытие того же Эйнштейна, или Менделеева можно объяснить также чрезвычайно развитой способ-

ностью устанавливать наличие связей в материале, в котором обычные люди не замечают ничего особенного. Сюда же можно отнести способность гениев предусматривать будущее, много думать о нем, формировать выразительные сценарии будущего развития [13, p. 77-78].

Творческий потенциал, с одной стороны, индивидуально-неповторимый сплав качеств человека, с другой это — то особенное, что презентует творческую сущность человека в мире. Внутренние человеческие проявления и качества актуализируются во взаимоотношениях с внешним социальным и природным миром. Среди этих отношений едва ли не самыми значимыми являются деятельные формы освоения мира человеком.

Творчество — не только деятельность, без неё она остаётся частичной, незавершенной, неосознанной. Творчество — форма развития, возникновения бытия, переход потенциальности в акт, возможности в действительность. И как таковая, она осуществляется человеком и через человека, через его активность, важнейшей формой которого является деятельность. Поэтому основополагающей основой творчества является его взаимодействие и взаимоотношение с деятельностью, а деятельно-результативная, эссенциальная составляющая является необходимым структурным элементом творческого потенциала человека.

Деятельность, как объективно существующая форма и результат творческой активности человека в его исторической изменчивости, развивается, становится разнообразнее. Существует традиция разделять деятельность на уровни, виды, формы. Традиционное для европейской философии понимание деятельности как универсальной формы взаимодействия человека и мира позволяет выделить родовые уровни деятельности: предметно-практический; духовно-практический и духовно-теоретический, которые, в свою очередь конкретизируются в видах деятельности (производственная, художественная, научная, техническая и т.д.).

Отождествление деятельности и творчества не имеет под собой оснований, прежде всего, потому, что таким образом нивелируется

разница между репродуктивными (воспроизводящими, рутинными) и продуктивными (результативными, новационными) аспектами человеческой деятельностной активности.

Более перспективным, по нашему мнению, является трактовка творчества как синтеза форм и видов деятельности: «Именно на основе разнообразия межсубъективных отношений через творческий синтез осуществляется опредмечивание новых сфер реальности, или выход за пороговое содержание мира». Можно согласиться с тем, что творчество в таком случае представляет собой диалектический процесс смены, выхода за пределы опредмеченного мира и утверждения единства, синтеза деятельных форм для нового уровня распредмечивания. Синтезируя различные формы деятельности, человек тем самым раскрывает, актуализирует и реализует свои креативные потенции. Поэтому творческий синтез в его человеческом измерении — это не что иное, как активное состояние творческого потенциала в целом, а не его отдельных элементов и уровней. То есть, речь идет не только (а может и не столько) о синтезе деятельностей на эссенциальном уровне, но и об интенсивном обмене информацией и её синтеза путём взаимодействия всех трех уровней творческого потенциала человека — эссенциального, виртуального, трансцендентального. Правда, соотношение форм деятельности и информационного обмена зависит от стадии творческого акта. Наиболее показательной является, конечно, «пиковая» стадия творчества — инсайт, озарение, открытие нового, где синтез проявляется в самой большой и всеобщей форме.

На наш взгляд, выглядит довольно удачным использование понятия «синтез» в творчестве и творческом процессе непосредственно, который понимается не в его узком значении (как метод познания, противоположный анализу), а как предельно широкая категория, как фундаментально универсальное начало любого творческого процесса.

Последний как раз и можно рассматривать как синтез духовных и деятельных (в не только деятельных) форм с целью создания нового бытия. Главным инструментом («энергетической», генерирующей основой) творчества является творческий потенциал человека,

можно рассматривать как таковой, который присущ любому субъекту творчества и используется, функционирует в любых творческих процессах. Общее в самом творчестве представлено наличием определенных этапов, ритмов, проявлений, которые и отличают качественно творчество от деятельности вообще, и от других форм развития в целом.

Но специфика функционирования творческого потенциала человека (его особенное) обоснована, с одной стороны, степенью развитости и характером синтеза уровней последнего, а с другой — видом деятельного освоения мира, в котором происходит творческий синтез как таковой. В дальнейшем анализе из всего разнообразия уровней, форм, видов творческого синтеза рассмотрим профессионально-трудовое, художественное и научное творчество, как наиболее показательные с точки зрения диалектики общего и особенного в творческом потенциале человека.

Как уже отмечалось выше, творческая активность человека имеет деятельную природу, а сама деятельность является «этапом развития, которое генетически непосредственно предшествует творчеству, а, следовательно, его главные определения генетически предшествующими определениями собственно творчества», — пишет Б.В. Новиков [14, с. 85]. Диалектическая связь между творчеством и деятельностью проявляется, в частности, в том, что не существует творчества вне деятельности, но существуют формы и проявления деятельности, которые лишены творческого содержания. Поэтому деятельность — это важный, но все же исходный момент проявления творческих потенциальных сил человека, который представляет результативность творческих усилий субъекта.

Деятельность вообще в её историческом и индивидуально-личностном проявлениях — это проявление человеческой активности, которая одновременно выступает как универсальная форма жизнедеятельности; это — средство к жизни, его образ и сама жизнь как такая [15, с. 27].

Деятельность представляет общее, особенное и индивидуальное в активности человека. Как всеобщее, деятельность охватывает все проявления активности в целом, по своему

содержанию совпадает с творческим потенциалом человека в определенном смысле: «Имеющееся в реальности некое целое есть не что иное, как творческий потенциал человека в форме деятельности, которая создаётся как результат органической связи природного (психологического и физиологического) и социального» [15, с. 27]. Особенное — это специфическое содержание, форма, характер, объект, средства, процесс, результаты, условия осуществления того или иного вида деятельности, который требует актуализации определенных потенциальных возможностей субъекта в соответствии с обозначенными выше характеристиками деятельности. Индивидуальное в деятельности целиком (или почти целиком) обуславливается характером выполнения определённых операций, этапов деятельности и спецификой индивидуальных потенциальностей. Объединяясь, эти составляющие и образуют многообразную мозаику деятельного освоения мира человеком, ту классическую форму сущностного объединения энергии и потенциальности, которая ведет к материальному или духовному результату.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 2012. 570 с.
2. Грузенберг С. О. Гений и творчество: основы теории и психологии творчества. Изд. 3-е. М.: URSS. 2016. 253 с.
3. Albert R. S. Toward a behavioral definition of genius // American psychologist. 1975. vol. 30. № 2. P.124—136;
4. Taylar C. W. How many types of giftedness can your program tolerate? // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 1. P. 39—51.
5. Torrance E. P., Hall L. K. Assessing the further rese ach of creative potential // Journal of creative behavior. 1980. vol. 14. № 1. P. 1—19.
6. Douglas I. H. The genius of everyman: Discovering creativity // Science news. 1977. Anp.; 30. vol. III. №17. P. 254—272.
7. Goranson Bo. The Practical Intellect, Computers and Skills. Springer Verlag, L., 1993. 274 p.
8. Gowan I. C. Some new thoughts in the development of creativity // Journal of creativity behavior. 1977. vol. 11. № 2. P. 77—90.
9. Melker M. Measuring creativity view // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 5. P. 52—62.
10. Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. М.: Искусство. 1991. 432 с.
11. Albert R. S. Toward a behavioral definition of genius // American psychologist. 1975. vol. 30. №2. P.124—136
12. Taylar C. W. How many types of giftedness can your program tolerate? // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 1. P. 39—51.
13. Torrance E. P. Giftedness in solving future problem // Journal of creative behavior. 1975. vol. 12. № 2. P. 72—84.
14. Новиков Б. В. Творчество и философия. К.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1989. 168 с.
15. Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи: М.: Эксмо, 2011. 877 с.

Поступила 23.09.2019

Некрасов Андрей Сергеевич — кандидат педагогических Наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Российского университета транспорта (Россия, 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9), andrnek@mail.ru

References

1. Filosofskij jenciklopedicheskiy slovar' / Red.-sost. E. F. Gubskij i dr. M.: INFRA-M, 2012. 570 s.
2. Gruzenberg S. O. Genij i tvorcestvo: osnovy teorii i psihologii tvorcestva. Izd. 3-e. M.: URSS. 2016. 253 s.
3. Albert R. S. Toward a behavioral definition of genius // American psychologist. 1975. vol. 30. № 2. P.124—136;
4. Taylar C. W. How many types of giftedness can your program tolerate? // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 1. P. 39—51.
5. Torrance E. P., Hall L. K. Assessing the further rese ach of creative potential // Journal of creative behavior. 1980. vol. 14. № 1. P. 1—19.
6. Douglas I. H. The genius of everyman: Discovering creativity // Science news. 1977. Anp.; 30. vol. III. №17. P. 254—272.
7. Goranson Bo. The Practical Intellect, Computers and Skills. Springer Verlag, L., 1993. 274 p.
8. Gowan I. C. Some new thoughts in the development of creativity // Journal of creativity behavior. 1977. vol. 11. № 2. P. 77—90.
9. Melker M. Measuring creativity view // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 5. P. 52—62.
10. Goncharenko N. V. Genij v iskusstve i nauke. M.: Iskusstvo. 1991. 432 s.
11. Albert R. S. Toward a behavioral definition of genius // American psychologist. 1975. vol. 30. №2. P.124—136
12. Taylar C. W. How many types of giftedness can your program tolerate? // Journal of creative behavior. 1978. vol. 12. № 1. P. 39—51.
13. Torrance E. P. Giftedness in solving future problem // Journal of creative behavior. 1975. vol. 12. № 2. P. 72—84.
14. Novikov B. V. Tvorcestvo i filosofija. K.: Izd-vo pri Kiev. gos. un-te, 1989. 168 s.
15. Klizovskij A. Osnovy miroponimanija novoj jepohi: M.: Jeksmo, 2011. 877 s.

Submitted 23.09.2019

Nekrasov Andrey S., candidate of pedagogical Science, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Cultural Studies of the Russian University of Transport (Russia, 127994, Moscow, Obraztsova St., 9), andrnek@mail.ru

Социальная философия Ф. Суареса и Ж. Бодена: идейный транзит к политике и праву Нового времени

Н.Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Описывается репрезентация транзита идей политики и права от Ренессанса к Новому времени посредством обращения к социально-философским концепциям Ф. Суареса и Ж. Бодена. Анализ теорий обнаруживает идеи общественного договора и естественного права, разработка которых выведет Европу на новый уровень социально-экономического развития. Утверждается, что отказ от средневековых религиозно окрашенных постулатов позволяет найти связь с первообразами современных политико-правовых институтов, созданными в Новое время. Отмечается прикладной характер идейно-ориентированных исследований.

Ключевые слова: идеи, социум, политика, право, власть, Новое время, Ренессанс, институты, Суарес, Боден.

F. Suarez and J. Boden social philosophy: ideological transit to modern politics and law

N.N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author describes the representation of the transit of ideas of politics and law from the Renaissance to the Modern Period through an appeal to the socio-philosophical concepts of F. Suarez and J. Boden. Theories analysis reveals social contract and natural law ideas development of which will bring Europe to a new level of socio-economic development. It is argued that the medieval religiously painted postulates rejection allows us to find a connection with modern political and legal institutions prototypes which are created in the Modern Period. The applied nature of ideologically-oriented research is noted.

Keywords: ideas, society, politics, law, power, Modern Period, Renaissance, institutions, Suarez, Boden.

Философия выступает формой теоретико-прикладного освоения действительности, опираясь на категориальный аппарат, вобравший в себя все богатство истории человеческого мышления. Философские идеи лежат в основе социальных явлений, поэтому справедливо характеризовать их как «многогранные» в части своего приложения.

Практическая составляющая философии как высшей формы мировоззрения указывает, что именно она детерминирует тип общественного уклада, что подтверждает очевидность важности идей в социальных преобразованиях. Именно идеи становятся методологическим основанием и инструментом при формировании институционального

порядка, ведущее место в котором отводится политико-правовой сфере. Именно политика и право служат для легитимации режимов, и форм государственного управления, а сами они вычленились и занимают отчетливое место в предлагаемом государством идейном «меню» в зависимости от аксиологических предпочтений и ожиданий населения.

Согласно ранее обозначенному механизму формирования идей, они реализуются в определенное время и в конкретных географических рамках, для чего необходимо характеризовать выбранный нами период и регион. Однако интересующая нас нововременная институциональная среда, являющаяся прототипом сегодняшних политико-правовых структур, имела вполне конкретные идейные предпосылки, поскольку институты не появляются из ниоткуда, но лишь сменяют менее эффективные социальные установления. Таким образом, в настоящей работе нами будет рассмотрен так называемый «предпосылочный» этап (эпоха Ренессанса), связанный с идеями предшественников социальных философов Нового времени.

Напомним, что в Средневековье на Западе личность мыслилась и определялась на основании ее принадлежности к определенной группе: семье, роду, общности и т.д. В свою очередь в эпоху Ренессанса состоялся своего рода «второй антропологический поворот», в результате которого идеи европейского гуманизма установили принцип индивидуализма, обосновывали и защищали права и свободы человека, который теперь фактически стал духовно независим от любых внешних авторитетов: Бога, церкви и высших слоев населения, получивших свой статус не за свои поступки, а по наследству.

В то же время Возрождение было достаточно элитарным периодом, поскольку его деятелей, в отличие от большинства представителей восточной интеллектуальной традиции, интересовал не человек в целом с его будничными потребностями, но личность в контексте мирового космоса, способная творить историю. Вместе с тем отме-

тим, что гуманисты ориентировались на неординарные и творческие личности, поскольку сами были такими, а их идеи, такие, как, например, индивидуализм, тогда еще не обрели статус «всемирного достояния» по причине своего непроявления в повседневной жизни большинства европейцев. Именно Ренессанс обозначает переходный этап интеллектуальных поисков от Средневековья к Модерну, предлагая новые модели и стандарты политико-правовых идеалов. В этом контексте особенно ценно рассмотреть учения Ж. Бодена и Ф. Суареса, не просто являющихся яркими представителями своей эпохи, но и интеллектуалами, которые во многом повлияли на формирование и развитие политико-правовых идей Т. Гоббса, Дж. Локка и их последователей.

Ф. Суарес в своих трактатах «О законах», «Защита католической веры против английской секты» и «О войне» поднимал важные социально-философские проблемы, с которыми столкнулось общество его времени. Более того, он один из первых сделал теоретическое обоснование политико-правовых доктрин, которые и сегодня пользуются авторитетом и находят свою поддержку населения большинства развитых стран: теория общественного договора, концепция двух прав (право народов и естественное право), концепция необязательности двусмысленных законов (пробабилизм) [10, с. 229].

Применительно к разработке теории общественного договора Суарес отмечает, что образование государства происходит через передачу (отчуждение) власти народом определенному лицу, однако при условии заключения с ним «своеобразного договора». Данный договор понимается Суаресом не в историческом, но в формальном смысле: «гражданская власть предоставляется Богом непосредственно людям, составляющим совершенного города или политического содружества; этот дар значит, что власть дается не отдельной личности или какой-то группе, а народу в целом или содружеству, как социальному организму» [11, с. 76].

Как и многие его последователи, Ф. Суарес видит в общественном договоре

некоторую идеальную политико-правовую конструкцию. Примечательно другое. В истории Суарес не выделяет так называемого «догосударственного периода», то есть того отрезка времени, когда люди пребывали без отношений, укладывающихся в бинарную оппозицию «господство—подчинение», и без определенных правил, закрепленных на высшем уровне и регулирующих социальные отношения по сферам жизнедеятельности. Резонно полагать, что власть и законы как витальные атрибуты любого государства де факто всегда сопровождают человека. Основываясь на приведенном тезисе, Суарес считает, что гражданская власть стара как человек. Людям, сущность которых раскрывается и через их определение в качестве «общественных животных», не мыслима жизнь без определенных законов и харизматичного лидера [10, с. 202-203].

В философии Суареса ярко выражена абсолютизация государства, которое представляется испанскому мыслителю «совершенным содружеством». Отсюда вполне очевидна принадлежность Суареса к сторонникам органической теории генезиса государства, в самом общем виде понимающих под этим супер институтом некоторое «целое», которое состоит из множества различных групп и других образований. Как правило, интерпретация социально-философской концепции Суареса позволяет установить, что совершенное (человеческое) содружество представляется лишь частью системы таких содруществ [9, с. 298]. Сделаем два замечания. Во-первых, таким содружеством, которое однозначно обобщает другие, является «человечество», поскольку к нему относятся все люди без исключения, так как являются разумными существами. Во-вторых, при переходе к интересующим нас политико-правовым содруществам Суарес диалектически разделяет их на два вида — «человеческие» и «церковные» [3, с. 18].

Ф. Суарес во многом детерминирует социально-философские идеи Г. Гроция, характеризуя «право народов» в качестве «универсального» и, таким образом, признаваемого всеми народами, тем самым рас-

пространя сферу действия его норм на все государства, которые обязуются придерживаться его актуальных положений во внешних отношениях. Функциональное назначение права народов заключалось в обеспечении сотрудничества, общего блага, правопорядка. С помощью норм этого права, по мнению Ф. Суареса, государства должны оказывать помощь друг другу, находиться в состоянии мира и справедливости, которое является необходимым для общего благосостояния. Здесь отчетливо прослеживаются контуры формирования современного нам междunarодного сотрудничества, так как именно в Новое время взаимопомощь, мир и справедливость возводятся в статус основных ценностей [10, с. 227].

Выяснение сущности права народов находится у него в прямой зависимости от естественного права, в частности в их сравнении. Ф. Суарес выделяет в праве народов ряд фундаментальных принципов. Его положения не являются тождественным и основам естественного права, поскольку эти принципы «написаны в сердце», а максимы права народов являются результатом добровольного волеизъявления граждан.

В праве народов, по мнению Ф. Суареса, отсутствуют необходимые предписания относительно правомерного поведения, поскольку он считает логичным отнести их к сущностной характеристике естественного права — в чем можно усмотреть еще одно основание для разграничения права народов и права естественного. Стоит обратить внимание, что подобные противоречия не имели место, например, в Дигестах Юстиниана, где естественное право называется именно «правом народов». Однако налицо предостережение о необходимости отображения в принципах права народов справедливости, иначе оно теряет юридическую силу, выполнение его предписаний становится невозможным [10, с. 232].

Еще одним ключевым моментом в разграничении сущности двух разновидностей права суаресовская характеристика естественного права как необходимого, а права народов как желаемого. Желательность и необходимость

как качественные критерии связываются с распространенным утверждением о регулярном обсуждении и согласовании постулатов права народов несменяемости и постоянства норм естественного права ввиду их четко очерченного универсального функционала для любого индивида [11, с. 71]. В частности, внесение изменений в право народов происходит с учетом мнения государств, усматривающих актуальность введения тех или иных норм в зависимости от вызовов времени. В свою очередь взгляды Суареса относительно неизменяемости положений естественного права существенно детерминированы схоластикой, поскольку для него непосредственным источником выступает Бог, что априори задает им некоторое «сверхъестественное происхождение» без учета воли людей [9, с. 92]. К настоящему времени уже вполне очевидно, что нормы права народов образуются не столько собственно сознательным умом, сколько с помощью не-сознательного обычая, в чем усматривается их отличие, например, от объективируемых письменно постулатов гражданского права.

Невзирая на отчетливую дифференциацию в определении Ф. Суаресом права народов и естественного права, отметим и тот факт, что между ними существует вполне очевидная взаимосвязь. В первую очередь это касается так называемой гармонии между нормами обоих видов права, согласовывающихся между собой во многих отношениях. Далее следует уточнить, что их общим источником, так или иначе, выступает естественный разум. Еще одним аспектом их общности будет являться аудитория, на которую они распространяются — это все живущее человечество [11, с. 72].

Видное место в суаресовской концепции права народов занимает идея содружества народов «*sodetas gentium*», содержание которой детерминируется морально-этическими ценностями. Относительно этого испанский мыслитель утверждает, что основа права народов заключается в стремлениях человечества сохранить единство (независимо от того, из какого количества народов и государств состоит), причем не только как

собственно человеческих существ, но и с учетом морального единства. Последнее основывается на принципах любви, милосердия, которые должны касаться всех без исключения людей, в том числе и иностранцев [11, с. 73]. Право народов в контексте *sodetas gentium* имеет любопытное содержание: суверенное государство в определенном смысле рассматривается как часть человечества, или член содружества народов. Однако Ф. Суарес не говорит о федерации, поскольку в таком случае высока вероятность возникновения необходимости в каком-нибудь «дополнительном праве народов», которое в свою очередь осуществляло бы правовую регламентацию взаимоотношений и между такими формами государств.

Более того, право народов рассматривается Ф. Суаресом как промежуточная форма права между естественным и позитивным правом, что позволяет определить его в качестве некоторого «дополнения». Вполне вероятно, что создание принципов права народов при участии человечества в целом или подавляющего большинства народов путем волеизъявления означает движение к позитивному (общечеловеческому) праву [11, с. 70].

Еще одной темой, заслуживающей упоминания, является весьма осязаемый вклад Суареса в развитие идей о самоопределении народов, которое он предлагал основывать на базовых принципах естественного права, что позволило бы увеличить объем прав народов вплоть до соответствия фундаментальным идеалистическим принципам. Кроме этого, испанский интеллектуал произвел разработку теоретико-правовых принципов равенства женщин (право на участие в политической жизни) и обосновал и дополнил теорию неотъемлемых прав человека (право на жизнь, на равенство, на независимость) [11, с. 74]. Следовательно, идейное наследие Ф. Суареса характеризуется прогрессивностью взглядов относительно других мыслителей позднего Средневековья и Ренессанса. Де факто его взгляды во многом опережали свое время — и именно преобладание рациональности, а также вектор осуществления социальных преобразований позволяет маркировать

их вполне ощутимыми идейными предпосылками политико-правовых концепций Нового времени.

Другой представитель позднего Ренессанса, находящийся, по мнению автора, на одной интеллектуальной платформе с Суаресом, французский мыслитель Жан Боден, рассматривал в большей степени вопросы политики, права, государства и его суверенитета, а также формирования гражданского общества. В работе «Метод легкого изучения истории» он подчеркивает целесообразность систематизации всех законодательных структур наиболее успешно функционирующих государств, после чего при помощи компаративного анализа выделить среди них лучшую форму [2, с. 4].

Французский интеллектуал подчеркивает, что главным для обществ и государств являются так называемые «контекстуальные» знания о них. Они могут быть получены исключительно посредством «адресных исследований» абсолютно различных особенностей (по Бодену — это географические, но мы расширяем его взгляды через следование собственной методологии), а также последующих описаний опыта организации властных структур в каждом конкретном государстве путем применения этих знаний. Здесь стоит указать, что Боден определял возможности познания культуры, политики, права исходя из привычек и территориальных условий проживания разных народов. Именно усвоение истории и географии всех государств позволит узнать не только повседневные дела народов, но поможет понять успех, которого они достигли при помощи организации власти с учетом, например, ресурсов, интеллектуального превосходства и технологического развития [2, с. 24].

В другой работе («Шесть книг о республике») Боден дает определение государству, которое, на наш взгляд, выстраивается на некоторой общности при организации жизни. Так, под «государством» понимается вариант справедливого управления многими семьями, осуществляемый суверенной властью [1, с. 144]. Воля конкретного носителя верховной власти выступает как без-

условная — и поэтому независима от подданных; она единственная в противоположность множеству других форм ее проявления, следовательно, не предусматривает многомерность общественных отношений и их влияния на принятие важных собственных решений. Примечательно, что воля суверена не распространяется лишь на законы Бога и природы, которым априори подчиняются все земные государи [5, с. 121].

Отсюда вполне закономерен вопрос: «А что же еще составляет природу государства»? Прежде всего, можно говорить, что боденовское государство представляет собой автономную сферу бытия людей, тем самым утверждая идею свободы человека в рамках превалирования любой картины мира. Более того, рассматриваемый суперинститут представлен Боденом с приматом социально-исторического компонента, что в определенной степени указывает и на его трансцендентную ценность. Однако последняя сила проявляется в ситуациях, напрямую связанных с сохранением суверенитета, когда государством выполняются функции по обеспечению безопасности и согласованию интересов, позволяющих создать справедливый правовой порядок для населения. В связи с этим в работе «Идейные основания нововременных политико-правовых институтов» акцентируем внимание на том, что волю образующих государство семей Боден определяет не иначе, как «доски, которые скреплены вместе и формируют корабль — государство. Когда же хоть одна доска отпадает, кораблю угрожает гибель» [5, с. 121]. Приведем свою интерпретацию указанной боденовской метафоры: «без реализации частных интересов домовладельцев не существует властной сферы, политики и права, где можно утверждать общее благосостояние и справедливость» [5, с. 121].

Далее Ж. Боден обосновывает и развивает тезис, что сущность государства может быть понята через суверенность. Однако суверенитет, согласно боденовским убеждениям, не тождественен собственно суверенитету самого государства. В качестве субъектов суверенитета он выделяет

конкретных носителей власти (знать, монарх, народ), классифицируя на этом же основании возможные формы государственного правления (аристократия, монархия, демократия).

Применительно к этому он отмечает, что суверенитет — это «абсолютная и постоянная власть государства, которую римляне называли *Majestatem* (величие); Итальянцы — *segnorsia*, — слово, которое они употребляют как по отношению к частным лицам, так и к тем, кто руководит государственными делами; то есть наивысшей властью распоряжается» [1, с. 144]. Мы полагаем, что именно наличие верховной власти и прав на ее реализацию отличает государство от всех других возможных групп, позволяя достаточно просто определить гражданство через «подданство суверену».

Без суверенитета, как считает французский философ, не произошла бы трансформация от потестарных форм в сторону первых государств, которые можно считать проявлением единственного целого, способного жить собственной «исторической» жизнью. Следовательно, суверенитет выражает принцип свободы создания таких общностей и базируется на возведенном к метафизическому статусу императиве касемо разумной организации государственных форм и последующего осуществления интеллектуального управления ими («*Raison d'Etat*») [5]. Боден отстаивает идею суверенного государства, видя в нем инструмент, который способен защищать права человека и гражданина, а также воплощать передовые принципы мирного сосуществования различных социальных и властных сил внутри страны, а также на международной арене. Здесь мы связываем его политико-правовые взгляды с закономерной и практически всецелой «усталостью» Европы от средневековых феодальных государств, их раздробленностью, переходящей по наследству и не всегда внятной по объему полномочий властью королей и мелких князей, социальным беспорядком и различными кризисами и напряжениями среди тех или иных групп населения и т.д. [4]. Таким образом, в своем суверен-

ном государстве Боден видит «универсальное противопоставление», рецепт от перечисленных негативных тенденций социального развития. Логично и убедительно выглядят предлагаемые им основные атрибуты власти для суверенного государства: постоянство верховной власти и ее абсолютный характер, единство и неделимость — все это способно обеспечить такие законы, которые станут единственными и равными для всех.

Очевидно, что среди выделенных им форм государственного правления наибольший приоритет отдается наследственной монархии, как максимально соответствующей перечисленным характеристикам власти. Суверенитет становится центральным элементом сущности государства, который в свою очередь является для нас очередным аргументом при определении его статуса как «супер института». Теперь государство вполне правомерно может быть поставлено выше других социальных образований: группировок, городов, религиозных обществ, которые имеют право следовать собственным не общеобязательным и не получившим официального (государственного) закрепления нормам, правилам и социальным регуляторам, а также местные обычаи, включая язык и веру. Теперь никакая сила не выдержит конкурентное противостояние с государственной властью.

Продолжая освещение темы законов в социальной философии Бодена, обратимся к диссертации Н.М. Усманова, отмечающего, они являются производными от государственной власти, вследствие чего не могут ограничивать власть монарха. Уже отмеченный нами ранее абсолютный характер власти подразумевает, что ее носитель вправе распоряжаться ею по своему усмотрению и даже передавать полный объем своих полномочий другим лицам. Разумеется, суверенитет абсолютной власти превозносит ее выше всяких других норм, высвечивая ее «сверхзаконный» характер [7, с. 36–37].

Как мы видим, идейный стержень боденовской социальной философии, подтверждающий, к слову, наш взгляд на синкретизм

политики и права, укладывается не в сторону только лишь политического или правового порядка, но указывает на их диалог, образуя некий политико-правовой порядок, основа которого, вне сомнения, фундируется институтами [6, с. 36—38]. Только эффективное функционирование политико-правовых институтов как «обеспечивающих структур», на которые возлагаются повышенные ожидания, создадут и гарантируют порядок (главным образом, мирное сосуществование различных социальных групп) при условии грамотно планируемых и осуществляемых по «инженерному методу» преобразованиях. Действительно, можно согласиться с французским мыслителем, что для уставшей от Средних веков Европы абсолютная монархия, замыкающая всю политическую власть на себя и используя «сильное право», выглядела наилучшим способом перехода к социально-экономическому прогрессу. А для этого требовалось как можно скорее прекратить гражданские коллизии и учредить желаемое мирное существование индивидов [8, с. 163].

Итак, несмотря на присутствие в их взглядах пережитков схоластики, и Ф. Суарес, и Ж. Боден внесли значительный вклад в разработку современной политико-правовой проблематики своими выдающимися социально-философскими теориями. Идеи данных интеллектуалов во многом определили курс будущих социальных преобразований, поскольку в них уже начинают проявляться прагматические аспекты, которые реально направляли Европу на преодоление оторванных от реальности спекуляций и отмеченных негативных тенденций. Общественный договор и абсолютная монархия — вот два основных положения, идейный транзит которых обнаруживается у выдающихся мыслителей Нового времени. В этот же период обнаруживаются современные сегодняшним реалиям первообразы политико-правовых институциональных форм, когда Европы начинает пронизываться капиталистическими отношениями.

Между тем, именно Ф. Суарес и Ж. Боден задают своими идеями фундамент после-

дующего определения результативности в части становления и функционирования различных властных институтов, что однозначно задает императив уточнить и конкретизировать содержания результатов их мыслительной деятельности. В заключение хотелось бы отметить, что только комплексное освещение идейных рецепций и транзитов позволит определить роль и значение интеллектуальных конструкторов, которые в последние десятилетия представляет значимую философскую проблему не только в теоретическом, но и прикладном аспекте. Прежде всего, социально-философский поиск позволяет выявить возможности и варианты создания и преобразования эффективно функционирующей институциональной среды как структуры, обеспечивающей социальный порядок и прогрессивный путь общественного развития. Практическая польза идейно ориентированных исследований позволяет субъектам власти достигать цели по построению государств желаемого типа, что и обуславливает одновременную злободневность и перспективность раскрытия содержания идейных модификаций и конфигураций.

Литература:

1. Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1969—1972. Т. 36: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. 1970. 776 с. (Философское наследие: ФН).
2. **Боден Ж.** Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. 412 с.
3. **Журавлев О.В.** Идеология испанской империи и государственно-правовое учение Суареса // Verbum. СПб.: Изд-во СПбГУ: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. Вып. 1: Франсиско Суарес и европейская культура XVI-XVII веков. 1999. С. 14—25.
4. **Полуда О.Н.** Теоретические основы концепции государственного суверенитета Ж. Бодена // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2017. № 2 (115). С. 22—27.
5. **Равочкин Н.Н.** Идейные основания нововременных политико-правовых институтов: монография / Под общей ред. д-ра филос. наук, доц. М. П. Яценко. Воронеж: Научное издательство Гусевых, 2019. 217 с.
6. **Равочкин Н.Н.** Синкретизм политики и права в институциональном проявлении: социально-философский анализ // Гуманитарные и социально-экономические науки. Кемерово: Кузбасская государственная

сельскохозяйственная академия, 2018. № 6(103). С. 35—39.

7. **Усманов Н.М.** Власть и право: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003. 22 с.

8. **Федорова М.М.** Суверенитет как политико-философская категория современности // *Философский журнал*. М.: Институт философии РАН, 2009. № 1(2). С. 154—164.

9. **Хюбнер К.** Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон, 2001. 400 с.

10. **Macedo P.E.** The Law of Nations in Francisco Suárez // *Catholic and Reformed Traditions in International Law. Studies in the History of Law and Justice*. 2017. Vol. 9. P. 183—243. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59403-3_5

11. **Wilénius R.** The social and political theory of Francisco Suarez. Helsinki, 1963. 129 p.

7. Usmanov N.M. Vlast' i pravo: voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Kazan. gos. un-t. Kazan', 2003. 22 s.

8. Fedorova M.M. Suverenitet kak politiko-filosofskaja kategorija sovremennosti (Sovereignty as a Political Philosophic Category of Modern Times) // *Filosofskij zhurnal*. M.: Institut filosofii RAN, 2009. № 1(2). S. 154—164.

9. Hjubner K. Nacija: ot zabvenija k vozrozhdeniju. M.: Kanon, 2001. 400 s.

10. Macedo P.E. The Law of Nations in Francisco Suárez // *Catholic and Reformed Traditions in International Law. Studies in the History of Law and Justice*. 2017. Vol. 9. R. 183—243. https://doi.org/10.1007/978-3-319-59403-3_5

11. Wilenius R. The social and political theory of Francisco Suarez. Helsinki, 1963. 129 r.

Submitted 06.01.2020

Поступила 06.01.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru

References

1. Antologija mirovoj filosofii: v 4-h t. M.: Mysl', 1969—1972. T. 36: Evropejskaja filosofija ot jepohi Vozrozhdenija po jepohu Prosveshhenija. 1970. 776 s. (Filosofskoe nasledie: FN).

2. Boden Zh. Metod legkogo poznaniya istorii. M.: Nauka, 2000. 412 s.

3. Zhuravlev O.V. Ideologija ispanskoj imperii i gosudarstvenno-pravovoe uchenie Suaresa (Ideology of the Spanish empire and the state legal doctrine of Suarez) // *Verbum*. SPb.: Izd-vo SPbGU: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshhestva. Vyp. 1: Fransisko Suares i evropejskaja kul'tura XVI-XVII vekov. 1999. S. 14—25.

4. Poluda O.N. Teoreticheskie osnovy koncepcii gosudarstvennogo suvereniteta Zh. Bodena (Theoretical basis of the concept of state sovereignty j. Boden) // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii*. Saratov: Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija, 2017. № 2 (115). S. 22—27.

5. Ravochkin N.N. Idejnye osnovanija novovremennyh politiko-pravovyh institutov: monografija / Pod obshej red. d-ra filos. nauk, doc. M. P. Jacenko. Voronezh: Nauchnoe izdatel'stvo Gusevyh, 2019. 217 s.

6. Ravochkin N.N. Sinkretizm politiki i prava v institucional'nom prozavlenii: social'no-filosofskij analiz (Syncretism of politics and law in institutional manifestation: a socio-philosophical analysis) // *Gumanitarnye i social'no-jeekonomicheskie nauki*. Kemerovo: Kuzbasskaja gosudarstvennaja sel'skhozajstvennaja akademija, 2018. № 6(103). S. 35—39.

Аксиологические доминанты гносеологии Святого Августина

В.К. Самохвалова

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

bar-bar@mail.ru

Исследуется обусловленность гносеологии аксиологией на примере философской теологии Святого Августина. Раскрывается фундаментальная аксиологическая значимость априорного допущения единства самосознания, на основе которого можно строить подлинное знание о Боге, душе и мире в целом. Демонстрируется влияние философии Августина на становление рационалистических систем семнадцатого столетия. Утверждается, что аксиологические доминанты гносеологии Святого Августина в значительной степени определили стратегию гносеологических решений *Early modern philosophy*.

Ключевые слова: аксиология; гносеология; ценность познания; познание Бога и души; истина; иллюминация

Axiological dominants of St. Augustin's epistemology

V. K. Samokhvalova

Russian Foreign Trade Academy (RFTA)

bar-bar@mail.ru

The axiological conditionality of epistemology investigated on the example of St. Augustine's philosophy. The fundamental axiological significance of the *a priori* assumption of the *unity of self-consciousness* is revealed. Based on which can build true knowledge about God, the soul and the world as a whole. The influence of Augustine's philosophy on the formation of rationalistic systems of the seventeenth century is demonstrated. It is claimed that the axiological dominants of St. Augustine's epistemology determined the strategy of epistemological solutions in *Early modern philosophy*.

Keywords: axiology; epistemology; value of knowledge; knowledge of God and the soul; true; illuminations.

Первоначальное определение ценностной детерминации. Гносеология и аксиология — глубоко взаимосвязанные разделы философии. Причем зависимость второй от первой — вполне очевидный факт: познание ценност-

ных реалий — это все-таки познание. Интересно выявить обратную зависимость гносеологии от аксиологии и исследовать природу этой зависимости, на примере философии Св. Августина.

В наиболее общем виде искомая зависимость представляется следующим образом: для того чтобы вообще знать что-либо о чем угодно, необходимо желание узнавать. Никто не желает нежелательного, следовательно, то, что мы желаем, обладает безусловной ценностью (важностью, значимостью) для нас. Желание знать, таким образом, есть ценностная пресуппозиция любого познавательного акта. Выражение: «я хочу знать» означает, в таком случае: «искомое знание есть ценность». Это один аспект рассматриваемого соотношения.

Другой аспект состоит в конкретизации установленного желания знать (ценности знания как такового): что именно мы желаем знать, для какой цели или в силу каких причин. В любом случае предмет желаемого знания представляет для нас определенный интерес, т. е. опять же, определенную важность, значимость и ценность. Таким образом, мы видим, что ценности как таковые обуславливают начало и завершение гносеологических процедур, обеспечивая континуальность познавательному процессу (опять же при условии, что сама эта континуальность представляет собой ценность).

При таком положении дел естественно предположить, что роль ценностей в процессе познания не ограничивается только указанными аспектами, но имеет еще более существенную значимость: влияет на сами результаты полученного знания, в определенном смысле «задает», конструирует их. Речь здесь идет о том, что И. Кант (1724—1804) называл действием по собственному плану¹. Кантовский ответ на вопрос «что я могу знать?», как известно, таков: «...разум видит только то, что сам создает по собственному плану» [1, с. 85]. Или, иначе говоря, «иметь о чем-то... знание он (разум — прим. автора) может лишь в том случае, если приписывает вещи только то, что необходимо следует из вложенного в нее им

самим...» [1, с. 85]. Эти положения — важнейшая составляющая «коперниканского переворота» Канта. Ни разум, субъект, человек идет за природой, случайным образом ожидая от нее знаний-плодов, но сам разум устроен таким образом, что он предписывает природе законы и только в этом случае познает их в ней. Все остальное в окружающей природе для разума случайно и, стало быть, не может быть познано достоверно (см.: [2]). Это своего рода итоговое заключение в области теории познания представляется логическим завершением ряда гносеологических исследований в классической философии, начало которому положили Платон и Аристотель в Античности, продолжили Августин и Фома Аквинский в Средневековье и со всей определенностью выразили в раннесовременных доктринах рационализма Декарт и Лейбниц. Не смотря на то что, по свидетельству самого Канта, «пробуждение от догматического сна» философ связывал с эмпирической доктриной Д. Юма, влияние на становление трансцендентальной философии и «критического метода» рационалистических систем предшествующих столетий невозможно переоценить.

Влияние философии Августина на становление рационалистических систем семнадцатого столетия. Становление рационалистических систем XVII века происходило под все более усиливающимся влиянием ценностей индивидуализма, впервые откровенно вышедших на авансцену культурной истории в период Ренессанса. Безусловно, стремление к индивидуализму выражалось не только в философских системах того времени, но — прежде всего — в самой жизни.

В религии это стремление проявилось главным образом в возникновении протестантизма, в распространении индивидуальных, «еретических» форм вероисповедания, отвергающих не только традиционные церковные учреждения, но и вообще всяческую религиозную общину.

¹ См. раздел «О мнении, знании и вере» в «Критике чистого разума» И. Канта [1, с. 672—679].

В области изобразительного искусства заинтересованность в индивидуальном, необщем, частном выразилась в появлении и распространении новых жанров: светского приватного и группового (корпоративного) портретов, демократического бытописания сюжетных сцен, реалистического натюрморта и т.п. В государственной и социальной жизни склонность к индивидуализму сказалась в возрастающей потребности в политической и гражданской свободе. Такое же искание свободы имело место в экономической сфере и, в конце концов, нашло свое выражение в знаменитом принципе «*laissez-faire*».

О том, какое именно воздействие оказала индивидуалистическая тенденция на ранне-современные рационалистические системы и каким образом сформировалась определяющая роль аксиологических мотивов в гносеологических установках, мне пришлось говорить раньше [3]. В частности, было показано, что можно выделить три важнейших компонента знания, которые могут быть интерпретированы с индивидуалистических позиций: *состав* знания (его содержание); *происхождение*, или *генезис*, знания (иррациональное, рациональное, сенсуалистическое); и его *значение* (трансцендентное или имманентное, адекватное или неадекватное и т.п.) (см.: [4, с. 67—115]).

Полностью индивидуалистической концепцией знания была бы такая, согласно которой все три упомянутые стороны знания были бы полностью имманентны познающему субъекту. Это означало бы, что: 1) все знание *целиком* складывается из личных состояний познающего субъекта; 2) личные состояния познающего субъекта *полностью* происходят из недр познающего духа самого этого субъекта; 3) личные состояния познающего субъекта

дают ему информацию *только* о явлениях в самом познающем субъекте².

В гносеологии Р. Декарта (при таком подходе) безоговорочно имманентным субъекту познания выступает лишь один элемент, а именно — *состав* знания. Он является таковым, поскольку элементы, составляющие знание, в конечном счете «дедущируются» из начальных постулатов (играющих роль математических аксиом), внутренне присущих, согласно Декарту, познающему субъекту. Вместе с тем у Декарта сохраняется убежденность в трансцендентном характере *происхождения* знания (по крайней мере, некоторых идей) и его *значения* (истины о внешнем мире).

В качестве непосредственно истинных философских аксиом Декарт предлагает взять, во-первых, самодостоверность мышления, выражаемую его знаменитым «*cogito ergo sum*»; во-вторых, математический характер познания внешнего мира, проявляющийся в совокупности геометрических и арифметических аксиом вместе с убеждением в их применимости к свойствам предметов и законам природы; и, наконец, в-третьих, идею существования Бога как бесконечно совершенного существа.

Однако уже в своем отправном пункте — методическом сомнении — картезианская философия явным образом перекликается со взглядами Августина. Да и в целом, в своей выраженной склонности к индивидуалистическим ценностям в гносеологии, Картезий, как представляется, следует Августину (см.: [5, с. 321—322]): «методическое сомнение и картезианское *cogito* отсылали назад к Св. Августину, к определенным пассадам в его сочинениях, почти идентичным с пассадами из *Meditations Metaphysiques*», — отмечал

² Однако очевидно, что такая полностью индивидуалистическая концепция знания приводила бы к противоречию с самой собою в качестве концепцией именно знания. Говоря в традиционных терминах, полностью индивидуалистическая концепция знания невозможна и даже излишня, поскольку, будучи солипсистской, ведет к агностицизму. Понимая это, становится особенно ясно «как возможна философия Канта», а именно: как необходимый шаг, поддерживающий концепцию принципиальной возможности знания.

Морис Блондель. С одной стороны, как продолжает этот же автор, Декарт заявлял о том, что не знал об этом сходстве, тем не менее, «поскольку он был, в конечном счете, связан с ораторианцами, которые были вскормлены Св. Августином, — факт, что он обязан епископу Гиппона, был уверенно подтвержден» [6, р. 332]. С другой стороны, на этой же взаимосвязи настаивал Этьен Жильсон: «Св. Августин — это Декарт *минус* “Метод” и те невероятности (impossibilities), которые он влечет за собою; Декарт — это попытка соединить “Метод” с самой сущностью Св. Августина» [7, р. 294; 287—316].

Научное знание в гносеологической концепции Г.В. Лейбница имманентно познающему субъекту с точки зрения, во-первых, *происхождения* знания и, во-вторых, — его *состава*. Первое — вследствие учения философа о монадах, как «микрокосме», знающем все о внешнем мире (т. е. «макркосме»), без взаимодействия с последним, по аналогии, в силу одной только представленности всей внешней реальности «макркосма», имманентной «микрокосму».

Второе — в силу убеждения Лейбница, являющегося естественным следствием его учения о предустановленной гармонии, в том, что все истинные высказывания — случайные и необходимые, эмпирические и теоретические — суть аналитические высказывания. И здесь, так же как и в случае с картезианскими построениями, вновь вспоминается излюбленный аргумент Августина, исходящий из необходимой вечности вечных же истин: «главная мысль состоит в том, что как человеческое воображение и его продукты отражают изменчивый человеческий ум, так и вечные истины, которые откры-

ваются умом и вынуждают его признать себя, отражают вечное основание, вечное бытие» [8, с. 45].

Согласно Лейбницу, *значение* знания трансцендентно познающему субъекту. Из этого следует, что внутри общей тенденции индивидуализации научных концепций в философии Нового времени лейбницианское построение является наиболее близким к концепции крайнего гносеологического индивидуализма, окончательным вариантом которого, на наш взгляд, следует рассматривать систему Канта. Основываясь на сказанном, рассмотрим гносеологические установки Августина, исходя при этом из стремления выяснить свойственные им аксиологические предпосылки, которые предшествовали указанным взглядам Декарта и Лейбница.

Аксиологические доминанты гносеологии Августина. Деятельность познания в силу своей природы развивается таким образом, что прежде чем приступить к поискам решения какой-либо проблемы, требуется, как минимум, понять саму проблему. Но понять проблему — это уже кое-что утверждать, хотя бы утверждать, что в результате предпринимаемого исследования требуется узнать *это*, а не *другое*. Значит, точная (недвусмысленная) формулировка любой проблемы предполагает принятие в качестве отправных пунктов исследования некоторых утверждений, сомневаться в которых нельзя, потому что они — условия осмысленности самой проблемы. Когда в этих утверждениях сомневаются, проблема дискредитируется — теряет свое первоначальное, делавшее ее интересной для изучения, содержание³.

³ Предположим, что Иван озадачен проблемой, любит ли его Марья. Тогда независимо от того, как обстоит дело фактически, Иван обязан считать истинным утверждение, что Марья обладает сознанием. Ибо как только Иван допускает мысль, что Марья ничего не сознает, он сразу теряет интерес к своей проблеме. Можно сказать, также, что проблема сразу теряет для него тот смысл, который делал ее интересной. Можно также сказать, что имеет место подмена одной проблемы (интересной) другой проблемой (не ясно, какой именно, но ясно, что неинтересной). Таким образом, если уж Иван озадачен первоначальной проблемой, то ему невозможно сомневаться в том, что Марья имеет сознание. Причем для Ивана истинность такого утверждения не зависит ни от каких эмпирических обстоятельств, и, следовательно, рассматриваемое

Фундаментальная гносеологическая установка Августина на познание Бога и собственной души позволяет определенно говорить о ее аксиологической значимости по крайней мере в трех аспектах. Первый аспект — это ценность познания как такового (желаю знать). Второй — ценность конкретного знания о Боге; и третий — ценность знания о собственной душе. Но поскольку уже первый аспект недвусмысленно утверждает ценность познания вообще, можно сказать, что второй и третий аспекты разбираемого гносеологического предпочтения гиппонского мыслителя имплицитно содержат аксиологические утверждения о ценности Бога и души как таковых (вне прямой связи с возможностями их познания).

Без признания за Богом и душой их неоспоримой ценности самих по себе, обесцениваются все три аспекта рассматриваемого исходного чаяния мыслителя. Причем они обесцениваются именно в гносеологическом плане. Если ни Бог, ни душа не представляют собой самодовлеющих ценностей, то крайне сомнительно их утверждение в качестве *желаемых* предметов познания. Последнее, в свою очередь, обесмысливает — а значит и обесценивает — саму познавательную интенцию. Поэтому если познание Бога и души выступает действительно интересной и значимой для познающего задачей (а именно так, и никак иначе, обстоят дела у Августина⁴), признание ценности понятий Души и Бога (предвосхищающей их детальное познание) следует принять с необходимостью, как свидетельство аксиологической предопределенности после-

дующей познавательной деятельности — *Noverim me, noverim Te*⁵.

Доминирование ценностей *познания, Бога и души* в системе взглядов Августина влекут естественным образом признание ценностей *радостной жизни* (счастья) и *философии*, в качестве пути обретения счастья. Дать счастье может только Бог, но философия помогает обнаружить счастье: «Все, вообще, мы, люди, жаждем быть счастливыми» [9, с. 638—639], достичь блаженной жизни, а «блаженная жизнь есть радость об истине» [9, с. 639]. Соответственно, «единственный смысл занятий философией в том, чтобы быть счастливым; лишь тот, кто подлинно счастлив, является подлинным философом...» [10, с. 103].

Философский путь к обнаружению счастья пролегает через познание. И хотя на этом пути многое дает основания относиться недоверчиво к нашему познавательному аппарату, все же Августин, вопреки скептикам, настаивает на достижимости знания. Учение скептиков делает человека ленивым и беспечным, поскольку если «мудрый ничего никогда не станет утверждать» (блаженная жизнь состоит только в поиске истины, но не в обладании ею — *прим. автора*), то он, по мнению Августина, ничего не станет и делать [9, с. 32]. Но ведь «не тот только заблуждается, кто следует ложным путем, но и тот, кто не следует путем истинным» [9, с. 75—76], значит, «всегда только искать и никогда не находить» [9, с. 14] — это разновидность заблуждения. Средневековый философ опровергает скептическую позицию аргументами

утверждение является для Ивана истинным а priori. Очевидно также, что в данном контексте это утверждение является для Ивана синтетическим, ибо Иван не усматривает противоречия в том, чтобы его отрицать. Можно сказать, что выбор Иваном цели исследования (выбор проблемы), предопределяет в чем-то его познавательную установку — необходимость считать определенное синтетическое высказывание априорно истинным. Поскольку, в свою очередь, выбор управляется аксиологическими рассуждениями, то можно утверждать, что воззрения Ивана существенно зависят от его изначальной ценностной установки. Поэтому, осуществляя окончательный выбор проблемы исследования, мы всегда ожидаем получить в результате этого выбора ряд сведений, не подлежащих сомнению, потому, что мы хотим иметь дело как раз с этой, а не другой проблемой. Вообще говоря, ни что не препятствует, полученные таким путем «принудительно-несомненные сведения», использовать не только для понимания, но и для решения проблем.

⁴ «Я желаю знать Бога и душу и более — решительно ничего!» («Nihilne plus? — Nihil omnino!») [9, с. 318].

⁵ «Позволь мне узнать себя, позволь мне узнать Тебя» [13, с. 339].

двух родов: 1) используя формально-логические закономерности; 2) отстаивая доверие к показаниям человеческих чувств.

В аргументации первого рода Августин использует и закон противоречия («если в мире четыре стихии, то их не пять, если солнце одно, то их не два ...», в данном месте не может и солнце светить и быть ночь, или мы бодрствуем или спим» [9, с. 71]), и закон исключенного третьего («А то, что я изложил в виде противоположений или разделений имеет то свойство, что как скоро будет отвергнуто прочее ... останется нечто, что получит подтверждение через устранения прочего» [9, с. 72]), и принцип дихотомии, и другие логические законы. При этом истинность выводов, полученных формально-логическим путем, имеет для Августина самоочевидный характер, а сами логико-математические законы являются вечными и (в определенном смысле) независимыми от познающего субъекта: «Но отношение единицы к двойке, или двойки к четверке есть отношение в высшей степени истинное ... да если бы погиб и весь этот мир, отношение это не может перестать существовать» [9, с. 179].

Истина не есть эмпирическая констатация факта, истина — обнаружение *правила* мышлением, которое ему подчиняется. Сколько бы мы ни накапливали чувственный опыт, нам никогда не вывести из него необходимого *правила*. Эти *правила* есть нечувственные, умопостигаемые реальности, чьим главным признаком выступает их необходимость: они не могут быть иными. «Поскольку они необходимы, они неизменны, поскольку они неизменны, они вечны. Необходимы, неизменны, вечны — эти три атрибута можно свести к одному: истинны. Их истинность в конечном счете сводится к тому, что они обладают бытием, ибо только то, что есть на самом деле, является истинным» [10, с. 98].

Так к уже указанному аксиологическому ряду ценностных предпочтений средневеко-

вого автора добавляется понятие *истины* как необходимого, неизменного, вечного бытия. Но в таком случае, не является ли сам человеческий разум источником истинных знаний? Правда, любой человек как носитель разума ничуть не менее случаен и изменчив, чем любая другая вещь (единичный, эмпирический факт), следовательно, приходится признать, что истина, усваиваемая и принадлежащая разуму, выше разума: «Необходимость истины для разума является лишь признаком ее трансцендентности по отношению к разуму» [10, с. 98], то есть «в человеке есть нечто, превосходящее человека» [10, с. 98]. И поскольку это нечто — истина (необходимая, неизменная, умопостигаемая, вечная реальность), то именно ее Августин называет Богом. Чтобы ее обозначить епископ Гиппонский использует самые разнообразные метафоры (умопостигаемое Солнце, внутренний Наставник, неизреченный Свет и т.п.), но все они в конечном счете имеют один и тот же смысл: Бог Августина предстает как реальность, внутренне присущая мышлению и одновременно трансцендентная ему. Поэтому следует полностью согласиться с заключением Жильсона: «Все августинианские пути к Богу проходят в этом (гносеологическом — *примеч. автора*) направлении: от внешнего к внутреннему и от внутреннего к высшему...Его присутствие удостоверяется всяким истинным суждением, будь то в науке, эстетике или морали, но Его природа нам недоступна» [10, с. 98—99].

Другая группа контрскептических аргументов связана у средневекового мыслителя с утверждением *правдивости* чувственных данных, с ценностно окрашенным *доверием* к сфере чувств: «Ваши доказательства никогда не могли до такой степени подорвать значение чувств, чтобы вы убедили нас, что мы ничего не видим» [9, с. 67]. Сами по себе чувства не ошибаются. Чувства фиксируют некоторый результат действия различных причин. Истинны не только сами показания чувств,

но и суждения, в которых фиксируются чувственные данные [9, с. 67—70]. Ошибки появляются тогда, когда мы нечто высказываем о *вещах* (предметах внимания), когда, основываясь на чувственных данных, мы беремся утверждать о наличии тех или иных свойств у самих этих *вещей*, но ошибок не возникает, когда мы говорим о *явлениях*. Чтобы избежать ошибок, следует говорить только о том, какими предметы и их свойства представляются (*«кажутся»*) нам (субъекту) в чувственном восприятии. Как отдельное ощущение, так и картина мира, полученная в чувственном восприятии, становятся истинными, поскольку рассматривается содержание *явлений*, а не вещей, которые их вызывают: «Не говори ничего более того, чем то, какими вещи тебе представляются, и не будешь обманут» [9, с. 69].

Однако правильные ответы не ограничиваются только *явлениями*, как можно было бы подумать, но выражают также и *внутренние переживания*: в существовании внешних объектов можно сомневаться, сомневаться же в собственной мысли нельзя. «Собственная мысль является наиболее истинным из всех фактов» — таков знаменитый принцип Августина [11, с. 297]. *Внутреннее переживание* обладает непосредственной истинностью, по сравнению с которой физическое знание о внешних объектах является, скорее, допущением и верой, чем знанием⁶, ибо — пишет философ — в источнике жизни люди сомневаются и высказывают по этому поводу разные мнения, но «кто же сомневается в том, что он живет, и помнит, и понимает, и желает, и мыслит, и знает, и судит? Ибо даже если он сомневается, он живет; если он сомневается, он помнит, почему он сомневается; если он сомневается, он понимает, что он сомневается; если он сомневается, он желает быть

уверенным; если он сомневается, он мыслит; если он сомневается, он знает, что он не знает; если он сомневается, он судит, что не должен необдуманно соглашаться. Следовательно, всякому, кто сомневается в чем-либо, не следует сомневаться во всем том, при отсутствии чего он не мог бы в чем-либо сомневаться» [12, с. 234—235].

Так Августин подчеркивает недопустимость сомнения в факте самосознания истинности собственного существования: *cogito ergo sum*. Общеизвестный как картезианский, принцип *cogito* задолго до Декарта был высказан Августином и явился выражением полного изменения взглядов на познание. Познавательный вектор, устремленный со времен античной натурфилософии на объекты внешнего мира, изменил свое направление. Теперь он сфокусирован на внутренней жизни познающего: «если до сих пор душа и ее проявления трактовались наподобие вещей, то теперь наоборот: вместе с изменившимися основаниями разума психическая жизнь должна была стать образцом для понимания природы объекта» [11, с. 297]. Отныне *единство самосознания* выступает той последней самоочевидной аксиологической истиной, в которой не может быть никаких сомнений, и на основе которой можно строить подлинное знание о Боге, душе и мире в целом.

Метафорически-лапидарно свою гносеологическую стратегию Св. Августин выразил так: «Войди в самого себя, в человеке содержится истина!» [9, с. 575]. Формула Августина служит неким связующим «мостом» — от знаменитой максимы дельфийского оракула *γνῶθι σεαυτόν* к картезианскому утверждению *cogito ergo sum*. Августин убежден, что познающей душе изначально присущи некоторые истины, в качестве необходимых, неизменных и вечных условий возможности полноты познания

⁶ Все является сомнительным, кроме внутреннего переживания собственного существования и имплицитно присущего ему мышления: «Ты, который желаешь знать себя, знаешь ли ты, что существуешь? Знаю. Откуда ты это знаешь? Не знаю. Чувствуешь ли ты себя как простую или сложную субстанцию? Не знаю. Знаешь ли ты, что движешься? Не знаю. Знаешь ли ты, что мыслишь? Знаю» [9, с. 339—340].

вообще. Эти необходимые (априорные) истины не являются результатом познания и опыта (в особенности — эмпирического), но, напротив, сами выступают необходимыми условиями возможности любого опыта и дальнейшего познания. Например, в применении к античной максиме — это понимание того, что значит «познай» и что такое «себя» [12, с. 233]. И к числу самых первых и неоспоримых истин такого порядка как раз и принадлежит самосознание (мыслящее Я) — истина несомненности в собственном существовании, данная в акте самопознания, на основе самосознания.

Интровертивная направленность познавательной интенции позволяет душе в ее разумной части лучше всего познавать в самой себе не внешние по отношению к душе объекты, но вечные и неизменные истины, которые хотя и принадлежат разумной душе, но все же являются в ней лишь выражением вечных истин, существующих объективно (эминентно), т. е. в Боге.

Если душа познает истину, то только благодаря тому, что существует Бог, и Он ее наделяет своими божественными (умопостигаемыми) идеями, посредством освещения (иллюминации): «...бестелесная душа просвещается бестелесным светом простой Премудрости Божией, подобно тому как телесный воздух озаряется телесным светом; и как воздух, оставшись без света, погружается во мрак ... так и душа, лишенная света Премудрости, оказывается во тьме» [13, с. 478]. Связь разумной части души с умопостигаемым осуществляется в памяти, обнаружение умопостигаемого — в припоминании, как созерцание того, что всегда имеется в душе, но не всегда служит предметом ее внимания [14, с. 275]. К числу таких умопостигаемых идей в первую очередь относятся, как мы видели, самые общие и вечные — истины, добра, справедливости, красоты, Бога, души, — носящие неизменный и необходимый характер:

идеи-ценности, или идеи-нормы, идеи-образцы, по соотнесению с которыми разум только и способен выстраивать свои познавательные стратегии.

В указанных положениях, резюмирующих характерные черты гносеологической концепции Св. Августина, можно распознать контуры будущих концепций нативизма и позднего априоризма в философии Нового времени. Для ведущих рационалистов XVII столетия истины столь же неизменны и так же извлекаются только из разума, который выступает или как сами эти истины (Декарт), или как их вместилище (Лейбниц). И в этом смысле индивидуалистически окрашенные рационалистические системы Декарта и Лейбница в значительной степени продолжают традицию подчеркнутой аксиологической весомости интроспективной гносеологии Августина. И хотя для последнего, из трех элементов знания, о которых говорилось в самом начале, лишь один — а именно *состав* знания — носит практически имманентный субъекту познания характер (разумная душа), а два других — *происхождение* и *значение* — трансцендентны ему (первое — в силу того что источником интеллигибельного, умопостигаемого душой мира является все-же Бог, а второе — в силу убежденности в том, что «Бог всем своим существом присутствует повсюду в силу его абсолютной имматериальности и “вседержительства”» [15, с. 272]), становление индивидуалистически окрашенных стратегий гносеологии в Новое время следует начинать именно с него.

Трансцендентализм Августина имел самое непосредственное продолжение в европейской философии, ибо, как утверждает Питер Зееле, открытое им «”мыслящее Я” вместе с пробивающейся склонностью к сомнению посредством восприятия различия сделало возможным лишь одно философское поступательное движение, которое значительно позже привело Декарта к разработке

методического сомнения. С обнаружением «мыслящего Я» тесно связано открытие внутренней жизни, которое также нужно приписать Августину. Таким образом, не верно, что исток самодостоверности (*Selbstvergewissung*) современного мышления начинается с Декартова сомнения» ([15, р. 215], цит. по [5, с. 277]). «Изучал ли Декарт или не изучал Св. Августина — фактом остается то, что его метод заставил следовать в метафизике дорогой Августина», — заключает Этьен Жильсон [7, р. 293]. К этому мнению присоединяется и Эрих Пршивара: «Сравнение между открытиями трех основных работ Декарта — “Рассуждения о методе”, “Медитаций”, “Принципов философии” — и ранними сочинениями Августина, весьма возможно, заставило бы нас немедленно восстановить в качестве “истинного создателя современной философии” (как Гегель определял Декарта) этого отца всей христианской философии» ([16, р. 252], цит. по: [5, с. 277—278]). Сказанное очевидно проясняет вклад епископа из Гиппона в общее дело философского осмысления проблемы познаваемости мира. Результаты трудов Святого отца отнюдь не замыкаются исключительно в рамках современной ему эпохи патристики. Аксиологические доминанты мировоззренческой доктрины Августина не только приобрели статус незыблемых принципов зрелых схоластических систем (от Ансельма и Бонавентуры до Дунса Скотта и Оккама), но и в значительной мере предвосхитили стратегию гносеологических решений *Early modern philosophy*.

Литература

1. **Кант И.** Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963—1966. (Философское наследие). Т. 3. 1964. 798 с.
2. **Брюшинкин В. Н.** Жизнь и философия Иммануила Канта [Электронный ресурс] // Балтийский федеральный университет им. И. Канта. URL: <https://www.kantiana.ru/university/univ-filosofiya-kanta/> (дата обращения 02.03.2020).

3. **Самохвалова В. К.** О некоторых аксиологических акцентах европейской гносеологической традиции в философии Нового времени // Гуманитарный вестник. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. № 6(56); URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/445.html> (дата обращения 28.02.2020).
4. **Лосский Н. О.** Введение в философию. 2-е изд. Петрозаводск: Наука и школа, 1918. 304 с.
5. **Семенов В. Е.** Доминирующие парадигмы трансцендентализма в западноевропейской философии. М.: РОССПЭН, 2012. 687 с.
6. **Blondel M.** The Latent Resources in St. Augustine's Metaphysics. P 332. // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blondel, Ch. Dawson, etc. L.: Sheed & Ward, 1945. P. 317—354.
7. **Gilson E.** The Future of Augustinian Metaphysics // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blondel, Ch. Dawson, Etc. London: Sheed & Ward, 1945. 367 p.
8. **Коплстон Ф. Ч.** История Средневековой философии / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Энигма, 1997. 512 с.
9. **Августин Августин.** Творения: в 4 т. СПб: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998—2000. Т. 1: Об истинной религии. 1998. 740 с.
10. **Жильсон Э.** Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века. М.: Республика, 2004. 678 с.
11. **Татаркевич В.** История философии. Античная и средневековая философия. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 482 с.
12. **Августин Августин.** О Троице : в пятнадцати книгах против ариан / Пер., вступ. ст. и прим. А.А. Тащиана. Краснодар: Глагол, 2004. 416 с.
13. **Августин Августин.** Творения: в 4 т. СПб: Алетея; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998—2000. Т. 3: О граде Божиим. 1998. 595 с.
14. **Майоров Г. Г.** Формирование средневековой философии. М.: Мысль, 1979. 433 с.
15. **Seele P.** Philosophie der Epochenschwelle: Augustin zwischen Antike und Mittelalter. B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. 285 p.
16. **Przywara E.** Augustine and the Modern World. P. 252 // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blondel, Ch. Dawson, Etc. London: Sheed & Ward, 1945. 367 p.

Поступила 20.08.2019

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент, Всероссийская академия внешней торговли, кафедра гуманитарных и социальных наук, bar-bar@mail.ru

References

1. Kant I. Sochinenija: v 6 t. M.: Mysl', 1963—1966. (Filosofskoe nasledie). T. 3. 1964. 798 s.

2. Brjushinkin V. N. Zhizn' i filosofija Immanuila Kanta [Elektronnyj resurs] // Baltijskij federal'nyj universitet im. I. Kanta. URL: <https://www.kantiana.ru/university/univ-filosofiya-kanta/> (data obrashhenija 02.03.2020).
3. Samohvalova V. K. O nekotoryh aksiologicheskikh akcentah evropejskoj gnoseologicheskoj tradicii v filosofii Novogo vremeni // Gumanitarnyj vestnik. M.: MGTU im. N. Je. Bau-mana. № 6(56); URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/445.html> (data obrashhenija 28.02.2020).
4. Losskij N. O. Vvedenie v filosofiju. 2-e izd. Petrograd: Nauka i shkola, 1918. 304 s.
5. Semenov V. E. Dominirujushhie paradigmy tran-scendentalizma v zapadnoevropejskoj filosofii. M.: ROSSP-JeN, 2012. 687 s.
6. Blondel M. The Latent Resources in St. Augustin's Metaphysics. P 332. // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blondel, Ch. Dawson, etc. L.: Sheed & Ward, 1945. P. 317—354.
7. Gilson E. The Future of Augustinian Metaphysics // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blon-del, Ch. Dawson, Etc. London: Sheed & Ward, 1945. 367 p.
8. Koplston F. Ch. Istorija Srednevekovoj filosofii / Per. s angl. I. Borisovoj. M.: Jenigma, 1997. 512 s.
9. Avrelij Avgustin. Tvorenija: v 4 t. SPb: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 1998—2000. T. 1: Ob istinnoj religii. 1998. 740 s.
10. Zhil'son Je. Filosofija v srednie veka. Ot istokov pa-tristiki do konca XIV veka. M.: Respublika, 2004. 678 s.
11. Tatarkevich V. Istorija filosofii. Antichnaja i sred-nevekovaja filosofija. Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2000. 482 s.
12. Avrelij Avgustin. O Troice : v pjatnadcati knigah pro-tiv arian / Per., vstup. st. i prim. A.A. Tashhiana. Krasnodar: Glagol, 2004. 416 s.
13. Avrelij Avgustin. Tvorenija: v 4 t. SPb: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 1998—2000. T. 3: O grade Bozhiem. 1998. 595 s.
14. Majorov G. G. Formirovanie srednevekovoj filosofii. M.: Mysl', 1979. 433 s.
15. Seele P. Philosophie der Epochenschwelle: Augustin zwischen Antike und Mittelalter. B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2008. 285 p.
16. Przywara E. Augustine and the Modern World. P. 252 // A Monument to Saint Augustine / By M.C. D'Arcy, M. Blondel, Ch. Dawson, Etc. London: Sheed & Ward, 1945. 367 p.

Submitted 20.08.2019

Samokhvalova Varvara K. cand. Sc. (Philos.), assoc. Professor, Department of Humanities, Russian Foreign Trade Academy, bar-bar@mail.ru

Дизайн-мышление как философия и методология цифрового общества

Г.И. Фазлыязнова¹

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ», профессор

fgi1971@yandex.ru

Анализируются современные мировые практики внедрения философии и методологии дизайн-мышления. Приводятся примеры применения методологии в корпоративных программах обучения известных бизнес-компаний. Особое внимание уделяется передовым образовательным технологиям, направленным на поддержку методов, развивающих навыки мышления: креативное мышление, дизайн-мышление, принятие решений, проблемное обучение, сценарии будущего и др. Утверждается, что такой подход призван обеспечить подготовку квалифицированных кадров и формирование культурного кода в крупных компаниях, функционирующих в отраслях цифровой экономики.

Ключевые слова: человек в цифровом мире, креативное мышление, философия и методология дизайн мышления, подготовка кадров для цифрового общества.

Design thinking as a philosophy and methodology of the digital society

G.I. Fazulzianova¹

¹National Research University of Electronic Technology (MIET), professor

fgi1971@yandex.ru

The article analyzes modern world practices of implementing the philosophy and methodology of design thinking. Examples of applying the methodology in corporate training programs of well-known business companies are given. Special attention is paid to advanced educational technologies aimed at supporting methods that develop thinking skills: creative thinking, design thinking, decision-making, problem-based learning, future scenarios, etc. The author claims that this approach ensures the training of qualified personnel and the formation of a cultural code in large companies that operate in the digital economy.

Keywords: person in the digital world, creative thinking, philosophy and methodology design thinking, training for the digital society.

В сценарии развития системы образования в цифровой экономике следует выделить в качестве ведущих компетенций кадров цифрового рынка труда: уметь находить, создавать и обрабатывать многосложную информацию, владеть навыками как системного, так и критического мышления, осуществлять выбор на принципах многокритериальности, понимать смысл реальных процессов меж-

дисциплинарного характера, владеть технологиями восприятия и понимания новой информации, владеть техниками креативности, «уметь выявлять и решать проблемы цифрового мира» [1].

Безусловно, развитие актуальных цифровых навыков, таких как «технологическое проектирование и программирование, а также анализ и оценка информационных систем» [2],

является приоритетной задачей технического (инженерного) и технологического образований, но в тоже время в цифровых и технологических секторах экономики возрастает необходимость в кадрах с развитыми человеческими способностями и неспециализированными надпрофессиональными навыками, называемыми в зарубежной литературе *Soft skills* (мягкие, или гибкие, навыки). Согласно докладу Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест» (World Economic Forum's Future of Jobs report), среди ведущих навыков востребованных на рынке специалистов будут: «креативность, критическое мышление, способность решать комплексные проблемы, эмоциональный интеллект»¹.

Результаты совместного исследования компаний HeadHunter и Microsoft «Качества и мягкие навыки работников XXI века» также выявили наиболее перспективные навыки, востребованные уже сейчас: «креативность, предприимчивость, умение сотрудничать с другими людьми; самообучаемость, кроссфункциональность; дизайн-мышление, проектное мышление»².

В аналитическом обзоре [3] представлены международные практики инноваций в образовании в контексте цифровой трансформации. Интерес представляет финский пример введения в общеобразовательных школах Финляндии системы, меняющей мышление, менталитет преподавателей и направленной на овладение навыками и компетенциями 21 века в рамках внедрения в школьное образование современных технологий обучения. Паси Силандер, «цифровой трансформатор» города Хельсинки приводит пример компетенций будущего, на которые должна быть направлена современная система образования, критическое мышление, работа в группе, команде, сообществах, креативность, навыков получения новых знаний. Также он актуализирует

тренды современных образовательных технологий, когда в процессе цифрового образования отправной точкой является процесс обучения самого учащегося, развития его «человеческих» компетенций»: когда в процессе передачи междисциплинарных знаний обучающимся участвует команда учителей-предметников, т.е. происходит постепенное «размывание границ» специализаций³.

Развитие дизайн-мышления началось в Стэнфордском университете в 2004 году, основателями стали Дэвид Келли, основатель компании IDEO⁴ и Хассо Платтнер, со-основатель компании SAP. На базе университета они создали первую школу дизайн-мышления Stanford D.school⁵

Методология дизайн-мышления имеет творческую составляющую и заимствует процесс работы дизайнеров. Дэвид Келли выделил несколько основных принципов дизайн-мышления: генерация идей, команда с различным профессиональным опытом, максимальная эмпатия по отношению к потребителям и быстрое прототипирование с помощью подручных средств [4]. Сегодня дизайн-мышление активно применяется в инновационной деятельности компаний, подход позволяет выявить скрытые потребности потенциальных клиентов, понять человека, его мотивы и ценности. Именно эта особенность дизайн-мышления позволяет команде заострить свое внимание на конечном потребителе и в процессе инновационной деятельности создать уже заведомо ценное предложение [5]. Подход оказался гениальным и успешно существует в маркетинге современных компаний уже около 30 лет.

Тим Браун определяет дизайн-мышление с точки зрения применения инструментов дизайна для решения любых задач людьми, не знакомыми с деятельностью профессиональ-

¹ URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf

² URL: <https://hh.ru/article/24181>

³ URL: <http://www.classter.com/wp-content/uploads/2016/09/How-to-create-the-school-of-the-future.pdf>

⁴ URL: <https://www.ideo.com/eu>

⁵ URL: <https://dschool.stanford.edu>

ного дизайнера. Он акцентируется в данном словосочетании на слове «дизайн», задавая тем самым отправную точку понимания данной методологии: дизайнерское мышление, инструменты дизайна как эмпирические способы решения задач и проблем пользователей — различных людей, сообществ, групп, стран [14].

PepsiCo переосмысляет традиционные продукты компании, специально для женщин-покупателей была изменена форма и размер упаковки, а также были изменены отдельные свойства продукта. Для проверки эффективности используемого подхода компания провела ряд тестов на китайском и японском рынках. В Японии были представлены новые вкусы, которые, если они не будут хорошо продаваться, будут сняты с производства после трех месяцев. Этот подход применим и к американскому рынку. Компания Netflix начала проводить исследования стриминговых технологий еще в 2001 году, что определяет ее клиентоориентированность. По итогу компания кардинально поменяла рынок доставки DVD и кинопроизводства, благодаря использованию оригинального лицензионного контента в высоком качестве, системы рекомендаций, кроссплатформенности, мгновенной доступности контента. Таким образом, дизайн-мышление Netflix охватывает весь процесс взаимодействия пользователя с сервисом. Именно поэтому, дизайн-мышление как высокоэффективная методология, апробированная в бизнес-среде, может быть внедрена и в других сферах.

Как показывает практика, компании, использующие дизайн-мышление, более успешны на рынке и имеют больше шансов закрепиться в памяти потребителей, чем менее развитые в этом отношении организации. Крупные компании, такие как Boeing, 3M, SAP, Mail.ru Group, Procter&Gamble, Deutsche Bank, часто используют философию и инструментарий дизайн-мышления

в своей деятельности [6]. Основным конкурентным преимуществом данных компаний является использование уникального клиентского опыта в создании своих продуктов или сервисов. Консалтинговое агентство Watermark Consulting, определив в качестве главного критерия рейтинг качества обслуживания клиентов Customer Experience Index (CEI) агентства Forrester Research, провело исследование⁶ взаимосвязи использования клиентского опыта и темпов роста доходности компаний S&P500⁷, где ведущие компании из списка CEI показали колоссальный рост прибыли⁸. Таким образом исследование показало, что качество клиентского опыта влияет на финансовые показатели компаний.

Известен опыт внедрения дизайн-мышления компании SAP, формирующей комплексный клиентский опыт на международном рынке CRM⁹: в области IT-решений (планирование, регламентация и выполнение, документирование разработок, их последующий аудит и оптимизация, создание новых и улучшение реализованных IT-продуктов)); как инструмент HR для создания эффективной внутрифирменной коммуникации; как инструмент CRM для интерактивной коммуникации с клиентами и потенциальными партнерами).

Методы дизайн-мышления активно применяются в сервис-дизайне и разработке программного обеспечения. Этот подход используют такие известные компании, как Apple, Virgin, Toyota, а также практически все стартапы для разработки своего продукта в больших и малых акселераторах по всему миру.

Кен Робинсон в своей книге «Школа будущего. Как вырастить талантливого ребенка» утверждает, «цель образования — помочь учащимся максимально понять окружающий мир и выявить свои внутренние таланты с тем, чтобы реализовать себя как личность и стать активными

⁶ URL: <https://www.watermarkconsult.net/blog/2019/01/14/customer-experience-roi-study/>

⁷ Фондовый индекс 500 избранных акционерных компаний США, имеющих наибольшую капитализацию.

⁸ За период с 2007 по 2014 год показали рост совокупной доходности акций на 107,5 %.

⁹ Customer Relationship Management, прикладная система для автоматизации взаимодействия с клиентами.

и сопереживающими гражданами своей страны» [7], на принципах «здоровья, экологии, справедливости и заботы» [7] и для решения глобальных (экономических и экологических) проблем общества. Дизайн-мышление изначально созданная как «человекоориентированная» методология отвечает таким целям и понимания образования будущего.

В своей книге «Креативная уверенность» Том и Дэвид Келли пишут о том, что дизайн-мышление опирается на «чувство глубокого сопереживания» [4], характерного для многих людей, что «делает наблюдения сильнейшим источником» [4] креативных решений. Данная методология опирается на естественную (и развиваемую) человеческую способность быть интуитивным, находить закономерности и придумывать идеи, которые не только эмоционально привлекательны, но и функциональны» [4], вот почему данная методология может стать эффективным инструментом для развития культуры сотворчества, умения понять суть проблем и мыслить нешаблонно у учащихся как среднего, так и старшего звена.

В исследовании Гусакова приводятся примеры использования дизайн мышления в различных сферах общества [2], например, в социальной сфере¹⁰ — авторский проект «Карамболи», направленный на внедрение инноваций в городской среде мегаполиса. Примером может служить система визуального ориентирования (навигации) дворцово-паркового ансамбля «Царицыно», созданная на основе дизайн-исследования консультантами «Карамболи» потребностей всех посетителей парка.

Другой пример — создание системы напольной навигации в московском метро. Дизайн-исследованием и разработкой занималась команда из студии Артема Лебедева¹¹. Основными инструментами исследования были выбраны системы фотонаблюдения и фотофиксации передвижения пассажиров различного возраста в метро (вход/выход,

эскалатор, переходы), тестирование прототипов навигационных плит (цвет, форма, размеры, шрифт, читаемость информации, параметры взгляда) по пути следования пассажиров в различных плоскостях поверхностей метро. Основным инсайтом сессий дизайн-мышления стало открытие особенности движения большинства людей — «человек ходит, слегка наклонив голову вперед» [2]. И, как решение — в московском метро появилась поддерживающая система напольной навигации прямо под ногами пассажиров по пути движения к нужной платформе или переходу.

В статье [8] анализируется опыт Финансового университета в реализации курса интернет-предпринимательства для студентов и магистрантов в контексте подготовки кадров для «цифровой экономики, когда необходимы исследователи, обладающие даром предвидения, способные к адаптации и постоянно работающие на озарение, инсайт» [5]. Основным содержанием курса явились ответы на вопросы: как же сделать исследователями поколение Z? Как развить у них техническое творчество, креативное мышление? Ответом на вопросы был спроектирован инновационный формат организации обучения — системное включение техник дизайн-мышления в каждое занятие по дисциплинам специализации, с обязательным итерационным анализом создания действующих на рынке IT-продуктов и сервисов. То есть включение техник, этапов дизайн-мышления именно с точки зрения их применимости по начальным этапам жизненного цикла стартапа.

В статье Алтухова Н.Ф., Васильева Е.В. [8] описана практика внедрения экспериментальных технологий в подготовке студентов IT-направлений для раскрытия творческих способностей, навыков исследователя и культуре межличностной коммуникаций. Описаны специфические условия организации сессий в техническом вузе в рамках методологии дизайн-мышления.

Компания IDEO продолжает популяризацию методологии дизайн-мышления через

¹⁰ URL: <http://caramboli.ru/>

¹¹ URL: <https://www.artlebedev.ru/metro/floor-navigation/process-1>

организацию проектных пространств расположенных на базе официальных студий (мастерских) открытых в различных странах мира: Северной Америки (Кембридже, Чикаго, Нью-Йорк, Сан-Франциско), Европе (Лондон, Мюнхен) и Азии (Шанхай, Токио).

Чтобы научить дизайн мышлению в Стэнфорде и Потсдаме были построены так называемые d.schools. Концепция школы d.school была первоначально разработана в Стэнфорде и официально основана в 2005 году. Самопровозглашенная цель «d.manifesto» учреждения состоит в том, чтобы «создать лучшую школу дизайна» и подготовить «будущих новаторов, которые будут прорывными мыслителями», используя «дизайн мышление, чтобы вдохновлять междисциплинарные команды». По просьбе главного спонсора, Хассо Платтнера, дочерний институт был открыт в 2007 году в Потсдаме, Германия. В течение первых лет оба учреждения работали с сотрудниками IDEO, занимающимися дизайн консультированием, для обучения дизайн мышлению.

Важным принципом работы d.schools является тот факт, что институты предлагают образование по дизайн мышлению, предназначенное специально для не дизайнеров [12, 13], d.schools утверждают, что они скорее стремятся к созданию инноваторов, чем к каким-либо конкретным инновациям. Для достижения этой цели в d.schools работает группа преподавателей из разных дисциплин. С первых дней в обеих школах сформировалась сильная культура, проявляющаяся не только в общих знаниях, но и в языке, который появляется среди учащихся и преподавателей. В качестве префикса перед процессами и инструментами, изобретенными самим собой, такими как «d.camp», «d.teams» и «d.manifesto», можно

рассматривать как сильный индикатор культуры школы.

Тем не менее существуют небольшие различия в отношении результатов образования. Стэнфордские студенты видят дизайн мышление как полезный актив для своего уже развитого набора навыков, в то время как потсдамские студенты склонны думать о дизайн мышлении как о профессии.

В рамках совместного европейского образовательного проекта TEMPUS «Enhancement of Russian creative education: new Master program in Digital Arts in line with EU standards»¹² в Московском педагогическом государственном университете была реализована магистерская программа «Дизайн мультимедиа»¹³. Обучение дизайн-мышлению было включено в данную образовательную программу, а также было выпущено учебное пособие «Дизайн-мышление» [11].

В школе менеджмента MIT Sloan реализуется онлайн курс «Mastering Design Thinking»¹⁴. Программа Mastering Design Thinking проведет участников шаг за шагом через процесс мышления дизайна.

В финском университете Аалто предлагается виртуальный ускоренный курс «Stanford Design Thinking»¹⁵. В нем приводятся упражнения в быстром темпе, которые проведут обучающегося через полный, ориентированный на человека цикл дизайн-мышления.

На московском образовательном рынке обучение дизайн-мышлению реализуют коммерческие образовательные учреждения, реализующие программы бакалавриата и магистратуры (лаборатория Wonderfull БВШД¹⁶, Международный центр дизайн-мышления в России¹⁷, Московский институт психоанализа¹⁸); краткосрочные интенсивы проводят

¹² URL: <http://arts-tempus.sstu.ru/>

¹³ URL: <http://mpgu.su/novosti/zashhita-magisterskih-dissertatsiy-po-napravleniyu-dizayn-multimedia-institut-iskusstv-mpgu/>

¹⁴ URL: <https://executive.mit.edu/openenrollment/program/mastering-design-thinking-online/>

¹⁵ URL: <https://www.aalto.fi/en/services/stanford-design-thinking-virtual-crash-course>

¹⁶ URL: <https://lab-w.com>

¹⁷ URL: <https://dtcenter.ru/index>

¹⁸ URL: http://inpsycho.ru/prezentaczii/komandnaya_igra_dizajn-myishlenie_za_120_minut

компании, оказывающие консультационные услуги в сфере сервис-дизайна (Академия PwC¹⁹, Институт тренинга²⁰, Лаборатория деловых игр²¹, Институт развития бизнеса и личности²², Академия by INEX²³).

Сбербанк, лидирующий коммерческий банк на Российском рынке, широко применяет метод дизайн-мышления, в частности и для создания инновационных продуктов, также все руководители среднего и высшего звена регулярно проходят обучение в Корпоративном университете (КУ) по данному направлению. Кроме того, на базе КУ Сбербанка реализуется программа ПК: «Дизайн-мышление: от инсайтов к инновациям» для всех желающих внедрить данную методологию в свою профессиональную деятельность; семинары «Дизайн-мышление в обучении» для руководителей крупных компаний и руководителей образовательных учреждений, формируя тем самым межпрофессиональную площадку для разработки образовательных продуктов на принципах преодоления «разрывов» между потенциальными работодателями и вузами.

В системе высшего образования в России дизайн-мышление встречается в виде факультативного курса или в качестве методики в рамках дисциплин, связанных с инновациями: (программа «Креативное и дизайн-мышление» Высшая школа управления и инноваций МГУ им. М.В. Ломоносова), в МГТУ им. Э. Баумана (бакалаврские и магистерские программы), в РАНХиГС (дизайн-мышление применяется в работах студенческих команд над проектами потенциальных работодателей, а также в формате программы повышения квалификации «Дизайн-мышление и инновации»²⁴, в НИУ ВШЭ (магистерские программы)²⁵, Финансо-

вом университете при правительстве Российской Федерации (программы ПП и ПК)²⁶, совместная программа ПК «Дизайн-мышление в образовании» вузов — партнеров ТГУ и РУДН. Программа реализовывалась в рамках повышения квалификации действующих учителей Москвы и Томска, а также в международном формате для преподавателей педагогических вузов городов Вейнань и Сиань (Китай).

Интересен опыт НИУ МИЭТ в создании и реализации образовательной программы магистратуры «Лаборатория дизайна», основанной на философии и методологии дизайн-мышления в сочетании с комплексом цифровых технологий VR/AR, художественно-творческой и научной деятельностью.

Опыт использования элементов методологии дизайн мышления в организации проектной работы студентов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова представлен в статье Максимовой и Пулявиной [9]. Итогом исследования они считают, что внедрение методологии дизайн-мышления в проектную деятельность студентов дает возможность «координировать, направлять, корректировать работы студентов на каждом этапе разработки своего группового проекта» [9].

В ежегодном докладе Открытого университета Великобритании, в 2017 году, среди десяти существующих новаций, оказывающих немалое влияние на мировую систему образования эксперты выделили и методологию дизайн-мышления [10], которая представляет собой эффективную технологию формирования креативного мышления и является, бесспорно, одной из передовых технологий в обучении, направленного на создание инновационных продуктов и сервисов в цифровой экономике

¹⁹ URL: <https://training.pwc.ru/seminars/dizayn-myshlenie-training/>

²⁰ URL: <https://training-institute.ru/programmy/dizajn-myshlenie/>

²¹ URL: <https://games4business.ru/product/dizajn-myshlenie>

²² URL: <http://www.eduevents.ru/training/programs/user-tasks>

²³ URL: <https://inex.partners/academy>

²⁴ URL: <https://ffb.ranepa.ru/programmy-povysheniya-kvalifikatsii/dizajn-myshlenie-i-innovatsii.html>

²⁵ URL: <https://www.hse.ru/edu/courses/>

²⁶ URL: <http://www.fa.ru/org/dpo/ipkippr/winterschool/>

Представленные в статье примеры внедрения дизайн-мышления, как технологии креативного мышления, в различных сферах общества и экономики позволяют сделать вывод не только об ее универсальности, но и ее эффективности в решении социальных, экономических, личностных проблем с позиции «человекоориентированности», и с эффектами коллективного инсайта на синергетическом уровне.

Подтверждением вышесказанного является внедрение методологии дизайн-мышления в систему управления уже на государственном уровне, как, например, управление системой образования в Сингапуре, Корее, Вьетнаме, в транснациональных компаниях, а также на уровне создания и реализации образовательных программ, ориентированных на подготовку специалистов с развитым креативным мышлением и ориентированных на создание инновационных продуктов, в том числе цифровых.

Литература

1. **Куприяновский В.П.** Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования / В.П. Куприяновский, В.А. Сухомлин, А.П. Добрынин [и др.] // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 1; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navyki-v-tsifrovoy-ekonomike-i-vyzovy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 29.02.2020).
2. **Гусаков А.А.** Формирование навыков дизайн-мышления у менеджеров в условиях четвертой промышленной революции // Известия Саратовского университета. Саратов: СГУ им. Чернышевского. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 147—154. (Экономика. Управление. Право); URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-navykov-dizai-n-myshleniya-u-menedzherov-v-usloviyah-chetvertoi-promyshlennoi-revoljutsii> (дата обращения: 29.02.2020).
3. **Гейбл Э.** Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации / Пер. с англ., науч. ред. П. А. Сергоманова; Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 108 с.
4. **Келли Т., Келли Д.** Креативная уверенность. Как высвободить и реализовать свои творческие силы. М.: Азбука-Аттикус; Азбука Бизнес, 2015. 190 с.
5. **Васильева Е.В.** Техники дизайн-мышления для развития командных навыков и креативных способностей технологических предпринимателей // Современные информационные технологии и ИТ-образование, 2015. Т. 1. №1. С. 557—561.
6. **Журавлева Н. А.** Дизайн-мышление: думаем по-новому: [учебное пособие] / Н. Журавлева, И. Ку-

тенева. М.: Корпоративный университет Сбербанка, 2013. 199 с.

7. **Робинсон Кен** Школа будущего. Как вырастить талантливого ребенка / Пер. с англ. О. Медведь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 368 с.
8. **Алтухова Н.Ф., Васильева Е.В.** Практика применения техник дизайн-мышления в курсе «Интернет предпринимательство»: от создания идеи до прототипирования // Финансы: Теория и Практика. 2017. Т. 21. № 3. С.194—201.
9. **Максимова С.М., Пулявина Н.С.** Дизайн-мышление в организации проектной работы студентов // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 4. С. 1323—1330.
10. **Галой Н.Ю., Горбенко И.А.** Технология дизайн-мышления как средство психолого-педагогического сопровождения учебной практики студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» // Проблемы современного образования. 2018. № 6. С. 35—42.
11. **Dunne D., Martin R.**: Design Thinking and How It Will Change Management Education: An Interview and Discussion, in: Academy of Management Learning & Education, 2006, Vol. 5, No. 4, p. 512—523
12. **Plattner H., Meinel C., Weinberg U.** Design Thinking. München. 2009.
13. **Фазылыянова Г.И., Балалов В.В.** Дизайн мышление. М.: Буки-Веди, 2016. 223 с.
14. **Brown T.** Design thinking. Harvard business review, 2008.

Поступила 18.02.2020

Фазылыянова Гузалия Ильгизовна — доктор культуры, профессор, профессор кафедры инженерной графики и дизайна Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники (Россия, 124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, 1), fgi1971@gmail.com

References

1. Kuprijanovskij V.P. Navyki v cifrovoj jekonomike i vyzovy sistemy obrazovaniya / V.P. Kuprijanovskij, V.A. Suhomlin, A.P. Dobrynin [i dr.] (Skills in the digital economy and the challenges of the education system) // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navyki-v-tsifrovoy-ekonomike-i-vyzovy-sistemy-obrazovaniya> (date of the application: 29.02.2020).
2. Gusakov A.A. Formirovanie navykov dizain-myshleniya u menedzherov v usloviyah chetvertoi promyshlennoi revolyucii (The Formation of Design Thinking Skills Among Managers in the Fourth Industrial Revolution) // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-navykov-dizai-n-myshleniya-u-menedzherov-v-usloviyah-chetvertoi-promyshlennoi-revoljutsii> (date of the application: 29.02.2020).
3. Gejbl E. Cifrovaya transformaciya shkol'nogo obrazovaniya. Mezhdunarodnyj opyt, trendy, global'nye reko-

mendacii (Children education: nternational experience, trends, global recommendations) / per. s angl.; pod nauch. red. P. A. Sergomanova; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. M.: NIU VSHE, 2019. 108 p.

4. Kelli T., Kelli D. Kreativnaya uverenost'. Kak vysvobodit' i realizovat' svoi tvorcheskije sily (Creative Confidence: Unleashing the Creative Potential Within Us All). — M.: Azbuka-Attikus, Azbuka Biznes, 2015. 190 p.

5. Vasil'eva E.V. Tekhniki dizajn-myshleniya dlya razvitiya komandnyh navykov i kreativnyh sposobnostej tekhnologicheskikh predprinimatelej // Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie, 2015, T.1, №1. P. 557—561.

6. Zhuravleva N. A. Dizayn-myshleniye: dumayem po-novomu: [uchebnoye posobiye] / N. Zhuravleva, I. Kuteneva. M.: Korporativnyy universitet Sberbanka, 2013. 199 s.

7. Robinson K. SHkola budushchego. Kak vyrastit' talantlivogo rebenka (You, Your Child, and School: Navigate Your Way to the Best Education) / per. s angl. O. Medved' / M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 368 p.

8. Altuhova N.F., Vasil'eva E.V. Praktika primeniya tekhniki dizajn-myshleniya v kurse «Internet predprinimatel'stvo»: ot sozdaniya idei do prototipirovaniya (The Practice of Using Design-Thinking Techniques in the “Online Entrepreneurship” Training Course: from an Idea to Prototyping) // Finansy: Teoriya i Praktika, 2017, T.21, №3. p.194—201.

9. Maksimova S.M., Pulyavina N.S. Dizajn-myshlenie v organizacii proektnoj raboty studentov (Design thinking in the organization of students project work)// Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2018. Tom 19. № 4. P. 1323—1330.

10. Galoy N.YU., Gorbenko I.A. Tekhnologiya dizayn-myshleniya kak sredstvo psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya uchebnoy praktiki studentov, obuchayushchikhsya po napravleniyu «Pedagogicheskoye obrazovaniye» (Design-Thinking Technology as a Means of Psychological and Pedagogical Support during the Internship of Students Majoring in «Pedagogical Education») // Problemy sovremennogo obrazovaniya, 2018, № 6. S. 35—42.

11. Dunne D., Martin R.: Design Thinking and How It Will Change Management Education: An Interview and Discussion, in: Academy of Management Learning & Education, 2006, Vol. 5, No. 4, p. 512—523.

12. Plattner H., Meinel C., Weinberg U. Design Thinking. München 2009

13. Fazylzianova G.I., Balalov V.V. Dizajn myshlenie. M.: Buki-Vedi, 2016. 223 p.

14. Brown T. Design thinking. Harvard business review, 2008.

Submitted 14.02.2020

Fazylzyanov G. I. — Doctor Culture Science, professor, Professor of engineering graphics and design Department, National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, pl. Shokina, 1), fgi1971@gmail.com

Виртуальный музей и рождение новой философии экспозиционного пространства

Е.С. Шарапова¹, Т.В. Растимешина²

¹Санкт-Петербургский государственный институт культуры (СПбГИК)

²Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

rast-v2012@yandex.ru

Авторы ставят перед собой задачу проанализировать трансформации понятия «музейного пространства» в контексте создания и развития феномена виртуального музея. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в последние десятилетия в связи с развитием нового типа взаимоотношений между музеем и его аудиторией, меняются и социальные функции, и задачи самого музея: из традиционного института сохранения и трансляции культурного наследия музей превращается в открытое пространство взаимодействия экспозиции зрителя. Меняется и сам зритель: расширяются его запросы по отношению к экспозиционному пространству. Одним из ответов музея на вызовы глобализации, демократизации и либерализации образовательного пространства становится интернет-платформа — виртуальный музей.

Ключевые слова: музей, виртуальный музей, социокультурное пространство, кибер-платформа, экспозиционное взаимодействие.

Virtual Museum and the birth of a new philosophy of exhibition space

E.S. Sharapova¹, T.V. Rastimeshina²

¹Saint-Petersburg State University of Culture and Arts

²National Research University of Electronic Technology

rast-v2012@yandex.ru

The authors research the transformation of the concept «Museum space» in the context of the creation and development of the virtual Museum phenomenon. The relevance of this task is due to the fact that in recent decades, in connection with the development of a new type of relationship between the Museum and its audience, the social functions and tasks of the Museum itself are changing: from a traditional institution for the preservation and broadcasting of cultural heritage, the Museum is becoming an open space for interaction between the viewer's exposition. At the same time, the viewer himself is changing: his requests in relation to the exhibition space are expanding. One of the Museum's responses to the challenges of globalization, democratization and liberalization of the educational space is the Internet platform (virtual Museum).

Keywords: Museum, virtual Museum, socio-cultural space, cyber platform, exposition interaction.

Данная статья посвящена анализу возникновения феномена виртуального музея в контексте поисков новых механизмов и инструментов коммуникации экспозиционного пространства музея со зрителем, которые ведутся крупнейшими музеями мира.

Актуальность этих поисков заключается в необходимости осознать трансформации самого понятия музея, его роли в культуре и обществе, происходящих в науке, а также ростом роли современных технологии в восприятии человеком музейного пространства. Музей – явление, существующее несколько столетий, и все годы существования коммуникация, субъектами которой являются «зритель – экспонат», находится в процессе развития. В этом развитии можно зафиксировать определенные революционные точки: первая революция произошла после Второй мировой войны, когда требования новой глобальной рыночной экономики и порожденной ей массовой культурой стали вызовом для закрытого элитарного музейного пространства. Именно в этот период оформилась концепция «Новой музеологии» [1. С. 22], в соответствии с которой социальные функции и социальная миссия музея подверглись существенной трансформации. Так, культурная идентификация и культурная социализация, которая для большинства людей проходила вне музейного пространства, была фактически возложена на плечи музея нового типа.

В настоящей статье музей рассматривается не просто как физическое пространство, а как кибер-платформа, ставящая перед организатором экспозиций и посетителем более сложные задачи, чем традиционные сохранение и экспонирование для музейного работника и созерцание для посетителя. В этом отношении виртуальный музей, о котором пойдет речь, в большей степени неотделим от своей аудитории, чем музей традиционного типа: у него совершенно особенные, демократичные и либеральные взаимоотношения со своим посетителем, причем взгляды музея и посетителя друг на друга также находятся в непрерывной трансформации на основе взаимодействия и взаимозависимости.

Исследования трансформации воспитывающей и обучающей функции виртуального музея в контексте глобальной демократизации социокультурного пространства сейчас является актуальной задачей для теории и практика музейного дела, поскольку вызвано процессами поиска новых моделей воздействия на посетителей, изучением их потребностей. Музей уже в XX века из выставки редкостей трансформировался в образовательную, просветительскую организацию, которая должна развиваться в единстве социокультурного пространства и во взаимодействии с другими социальными институтами, во многом базируясь на нуждах и интересах публики. Эти трансформации отразились и на концептуальном понимании музея. В науке идея «музея визита» была коренным образом пересмотрена и преобразована в концепцию «музея участия». Ее коренное отличие заключается в том, что зритель из созерцателя и реципиента преобразуется в активного сотворца содержания и формы музейной экспозиции, наполняя ее новыми идеями и смыслами, придавая ей соответствующие формы [2]. В этой новой концепции задачей музея становится не только и не столько представление экспозиции пассивному зрителю, сколько налаживание коммуникации и поиск новых языков и сигналов для активизировавшейся зрительской аудитории. Вместе с тем, многие, особенно самые крупные традиционные музеи мира, находят собственный путь в новом социокультурном пространстве, размеченном новыми нормами и принципами, среди которых демократизм и открытость, в новом коридоре возможностей, сопряженных с определенными рисками. К числу новых рисков относится опасность «пойти на поводу у массового зрителя», утратить статус хранителя мировых сокровищ, смысл и значение которых доступны лишь единицам.

Традиционные формы экспозиционного взаимодействия сегодня все в большей степени дополняются и даже замещаются новыми формами: активными, а порой интерактивными экспозициями. Наиболее яркой, новой и одновременно спорной для научного

сообщества формой активного взаимодействия экспозиции и зрителя стали виртуальные экспозиционные площадки. В чем же предмет споров? В первую очередь, традиционалисты опасаются, что виртуальные музейные площадки не обладают главным свойством традиционного музея — они не содержат подлинников, виртуальная экспозиция представляет собой не более чем симулякр, поскольку путем оцифровки сохраняются и транслируются не сами предметы, а только их виртуальные копии [3]. Вместе с тем, их оппоненты — музейные либералы, считают, что виртуальные экспозиции следует воспринимать не как замещение, а как дополнение к основной.

На наш взгляд, единственным выходом разрешения этого противоречия является такое развитие музея, которое сопрягает ценности нового гуманизма и демократии и задачи, которые ставит перед собой традиционный музей — оставаться социальным институтом изучения, сохранения и трансляции подлинного культурного наследия. В этом развитии музей должен избежать опасности превращения в институт масскульта: императив открытости и демократизации не должен привести к выхолащиванию социокультурной функции музея.

Несмотря на интенсивные исследования музейной сферы, остаются неразрешенными принципиально важные вопросы: специфичность места виртуального музея в социокультурном пространстве, с точки зрения основ музеологии, его общественная миссия в рамках социологических и культурологических парадигм, взаимодействие посетителя с феноменом виртуального музейного пространства. По большей части опубликованные в последние годы книги, монографии носят специфический музееведческий характер. Насущной необходимостью становится осмысление музейной реальности и места определения феномена виртуального музея в этой реальности в контексте современной социокультурной ситуации, специфическое приложение философских, культурологических теорий и концепций, научных предположений и гипотез к актуальным музейным практикам.

На данный момент большинство музеев заинтересованы в использовании возможностей интернета для обмена информацией и обретенным опытом. Впервые эта тенденция дала о себе знать в 1997 на конференции «Museums and the Web» [4]. Для Европы и Америки она стала основополагающей в определении их дальнейшего развития в сфере культуры. Непосредственно перед деятелями музеологии начали вставать вопросы: какие возможности и перспективы открывают музеям информационные технологии? Как данные технологии способны расширить возможности музея в репрезентации экспозиции? Оправдает ли себя использование интернета как базы данных и системы коммуникации?

Появление первых полноценных виртуальных музеев на интернет-платформах можно отнести к 1991 году. Их появление предопределили уже тогда формирующиеся и использовавшееся мультимедийные технологии, несмотря на низкую пропускную способность сетей и невысокую скорость доступа. Понятие интернет-музея только формировалось в связи с ограниченностью электронных ресурсов.

Самые ранние интернет-платформы, связанные с музеями, первоначально появились в США. В качестве примеров выступают Музей палеонтологии Калифорнийского университета в Беркли и виртуальная выставка библиотеки Конгресса Соединенных Штатов Экспо, которая и сегодня существует на интернет-порталах. Необходимо учитывать, что вначале 1990-х веб-порталы были гораздо примитивнее современных, несмотря на это тенденция развивалась и служила отправной точкой в создании новых интернет-ресурсов. Ярким примером является открытие Виртуального музея вычислительной техники лабораторией Оксфордского университета. Его уникальность обуславливается тем, что это отдельный интернет-портал, не являющийся виртуальным ресурсом существующего музея. Исходя из этого примера, встает вопрос об определении самого понятия «виртуальный музей». В настоящее время диапазон смыслового наполнения

этого словосочетания обусловлен множественностью споров.

Исследование языковых данных показывает, что выражения *виртуальные, компьютерные, мультимедийные, цифровые, электронные музеи, веб-музеи, гипермузеи, кибермузеи, интернет-музеи и музеи-онлайн* используются как синонимы. Их употребление в различных контекстах зависит строго от авторского замысла. Исходя из практики, в названиях сайтов традиционных музеев и библиотек нередко термин музей заменяется терминами *выставка, галерея, коллекция, виртуальная галерея Эрмитажа, виртуальные выставки Российской государственной библиотеки* [5]. Статистика выявляет, что пользователи Интернета наиболее часто применяют в поисковой строке словесный оборот «виртуальный музей» [6].

Зарубежные эксперты полагают, что атрибутивным признаком для определения понятия виртуальный музей является свободный доступ пользователя, имеющего среднестатистическое компьютерное оборудование, к музейным коллекциям на онлайн-сервере. Так, по мнению Дж. Боуэна и П. Вайбеля, «экспозиция не должна требовать для просмотра программы, слишком сложные или находящиеся в ограниченном доступе» [7]. При обращении к российским источникам, затрагивающим это определение и описывающим его с точки зрения основ музеологии, наиболее яркое мы находим у Т. Смирновой: «Несмотря на прочное утверждение понятия в повседневной лексике, однозначного термина виртуальный музей на сегодняшний день не существует. По мере развития информационных технологии понятие будет совершенствоваться и развиваться» [8 С.25].

Приведенным определениям полностью отвечает интернет-платформа музея Гуггенхайма в Нью-Йорке. Этот музей в 1997 году выступил с крупной инициативой, финансируемой Фондом Бохена в целях приобретения и демонстрации произведений цифрового искусства для нового присутствия в Интернете. Виртуальный музей

ознаменовал собой первый в истории шаг крупного американского музея в представлении интерактивных компьютерных произведений искусства¹. Он был запланирован как еще одно место в сети пространств Гуггенхайма, которое включало в себя здание Фрэнка Гери в Бильбао и структуру Фрэнка Ллойда Райта в Нью-Йорке. По заказу Фонда Гуггенхайма этот проект был предназначен для создания совершенно нового трехмерного цифрового организма, никоим образом не имитирующего архитектуру знаменитого Гуггенхайма, созданный FL Wright, чтобы люди могли исследовать музейное пространство в режиме реального времени через интерфейс на основе VRML. Виртуальный музей выступил бы в качестве цифрового центра для всех объектов Гуггенхайма по всему миру [9].

Хани Рашид и Лиз Энн Кутюр, руководители Asymptote Architecture, разработали динамическое трехмерное виртуальное пространство, спиральная форма которого была свободно основана на архитектуре Райта. Хотя виртуальный музей был реализован только в качестве прототипа, он был задуман как лаборатория для дальнейшего преобразования того, чем должен быть музей. Создание музея, существующего только в киберпространстве, привело также к амбициозной идее: такой музей, вместо демонстрации цифровых представлений реальных произведений искусства, мог бы стать домом для новой формы искусства — кибер-искусства, созданного, сохраненного и представленного с помощью цифровых устройств. В оригинальных 1990-х годах успех «развитой» формы искусства, живущей исключительно в массовых воспоминаниях о компьютерах, в перспективе рассматривался как достижимая реальность в ближайшие несколько лет.

На данный момент сайт музея Гуггенхайма, представляющий собой канал связи между организацией и будущими посетителями, на самом деле представляет собой не более чем одну страницу, которая направляет пользователей на местные сайты любого из музеев

¹ Официальный сайт музея «Гуггенхайм» [Электронный ресурс] URL : [https:// www.guggenheim.org](https://www.guggenheim.org)

Гуггенхайма в Венеции, Бильбао, Берлине, Лас-Вегасе и Нью-Йорке. При просмотре сайта www.guggenheim.org пользователи увидят простое меню (на основе изображений), в котором пользователь должен указать, на какой из пяти веб-сайтов музеев Гуггенхайма он хочет перейти. На самом деле это меню Icon Menu, где метка отображается в верхнем левом углу и как эффект прокрутки на изображении.

В разделе «Выставки»² дается обзор текущих и предстоящих выставок. Очевидно, что обычно существует не так много выставок, поскольку для фиксированных пунктов «Предстоящая в ближайшее время», «Коллекция онлайн», «Глобальные выставки», «Прошедшие выставки» можно выделить только две выставки. Для каждой выставки есть мини-сайт с небольшим количеством страниц. Каждый мини-сайт имеет свой собственный стиль с небольшой связью с Гуггенхаймом, кроме используемого шрифта. Таким образом, будущий посетитель имеет представление о будущих событиях, что является собой наглядную функцию интернет-платформы музея, заключающуюся в привлечении новых масс.

Обращаясь к онлайн-коллекциям Гуггенхайм³ и рассматривая их с точки зрения музеологии и важности феномена виртуального музея, раздел предоставляет доступ к большой базе данных предметов, которые являются частью коллекции. В левом фрейме экрана расположена область поиска, правая сторона зарезервирована для возможных результатов поиска. Существует также ссылка на страницу кредитования в правом фрейме, так как это внешний сайт, дающий наиболее полное представление о предметах, таким образом выполняющий образовательную функцию.

Собрание можно просматривать двумя различными способами: выполнять поиск или просматривать различные категории, в которых хранятся объекты. Таким образом, это среднее между окном поиска и расширенным поиском. Для поиска необходимо использовать поле поиска. При вводе

одного или нескольких ключевых слов и нажатии на кнопку «перейти» пользователь получает результаты поиска в нужном кадре.

Раздел «Образование», играющий важную роль в контексте музеологии — простой раздел с некоторой базовой информацией для студентов, преподавателей и других заинтересованных сторон. Большинство страниц — просто длинные тексты и ссылки, где вся информация указана с некоторой внутрискриптовой суб-навигацией «Sackler Center» и «Works & Process», — снова ведут к внешним сайтам, включая, изменение основной навигации, и выглядят несколько иначе, чем в других разделах [10, С. 128-138].

Музейный магазин на самом деле является стандартным магазином, размещенный в Yahoo, но похожим на раздел Гуггенхайма [11]. Магазин представляет собой сайт электронной коммерции, но у него есть некоторые особенности: некоторая «скрытость», латентность стоимости покупки и способов оплаты и доставки товара. Это дает некоторые основания для того, чтобы предположить, что коммерциализация платформы не является первостепенной задачей организаторов виртуального музея Гуггенхайма.

Таким образом, складывается представление о понятии виртуальной платформы, в свою очередь являющейся киберпространством существующего музея. Формируется представление о взаимодействии будущего посетителя и феномена виртуального музея в контексте западного представления о музеологии, как о науке, отвечающей на вопросы о синтезе потребностей современного посетителя и представления фондов музея в интернет-пространстве США.

Опыт музея Гуггенхайма показывает, что новый музей, в отличие от традиционного, не бывшего активным субъектом формирования своей аудитории, имеет новые социальные функции и ищет актуальные формы и способы их реализации. Благодаря процессу виртуализации меняется даже роль музея в общественной жизни. Следуя

² www.guggenheim.org

³ Официальный сайт виртуальной платформы музея «Гуггенхайм» [Электронный ресурс] URL : <http://bohen.org/project/virtual-museum>

необходимости ответить на вызов демократизации, музей вынужден предоставить своей аудитории право на открытость, простоту и доступность, создав интернет-платформу и отказавшись от статуса закрытого элитарного учреждения. Однако музей уже воспринимается как часть культурного досуга, входящего на рынок услуг, в результате этого посетитель становится клиентом. Музей изучает потребности публики, предоставляя ей возможность брать верх над ситуацией, обустроить музейное пространство привычным для нее образом: воссоздается комфортная обстановка, знакомая потребителю среда, внедряются информационные технологии и разработки, предпочитаемые потребителем, происходит вовлечение публики в те или иные процессы. Таким образом, по мере того как киберпространство трансформируется, модернизируется само понятие феномена виртуального музея из электронной базы данных в интернет платформу, служащую для удовлетворения потребностей современного пользователя и посетителя.

Музей претерпевает разнообразные пути развития, опираясь на многие внешние факторы, которые одновременно и позволяют ему сохранить свою самобытность и удовлетворить нужды общества потребления. Несмотря на это, все более и более актуален вопрос о разделении понятий виртуального музея как об уникальном способе хранения объектов культуры и продуктов массмедиа. Происходит своего рода наложение смыслов друг на друга и, как следствие, — «провокация новых ценностных установок под влиянием актуальных доминант» [12, С.70].

Описанные процессы демонстрируют ориентированность современного музея на производство продукта, удовлетворяющего в первую очередь массового потребителя. В условиях постоянного возрастания интереса к новым приоритетам посетителей проблема развития духовной и интеллектуальной сфер становится все более явной и актуальной, что подвергает сомнению изначальное определение музея как института духовной культуры и предполагает видоизме-

нение его основных функций. В стремлении к новому самоопределению и к доступности для всех слоев населения, виртуальный музей все больше отдаляется непосредственно от индивида и забывает о его желании остаться наедине с собой в музейном пространстве. Однако у авторов нет сомнений в том, что в рамках современной глобализации музей не потеряет своего посетителя, а путем самоанализа и нахождения новых решений проблем останется востребованным.

Литература

1. **Верго П.** Новая музеология. Москва: ИКОМ России, 2012.
2. **Simon N.** The Participatory Museum [Electronic resource] // The Participatory Museum: a book by Nina Simon. 2010. URL: <http://www.participatorymuseum.org/preface/> (дата обращения 12.11.2019).
3. **Максимова Т.Е.** Виртуальные музеи VS традиционные музеи: преимущества виртуальных экспонатов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во «Грамота». № 4-3(30). 2013. С. 109—111.
4. Museums and the Web: An International Conference Los Angeles, CA, March 16—19, 1997 [Электронный ресурс] // MuseWeb: [сайт]. Conferences. URL: <https://www.museumsandtheweb.com/mw97/mw97toc.html> (дата обращения 12.11.2019).
5. Количество пользователей интернета в России [Электронный ресурс] // Интернет в России и в мире: [сайт]. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения 12.11.2019).
6. **Бернштейн Ш.** Куда мы теперь пойдем? Продолжение работы с Web 2.0 в Бруклинском музее [Электронный ресурс] // Музеи и интернет 2008: Материалы конференции. Торонто: Архивы и Музей Информатики. URL: <https://www.museumsandtheweb.com/mw2008/papers/bernstein/bernstein.html> (дата обращения: 12.11.2019).
7. **Ваибель П.** Музеи 2.0 / Пер. А. Патрикеева // Искусство. [Музей: настоящее прошлое]. №2(581). 2012.; URL: <https://iskusstvo-info.ru/muzej-2-0/> (дата обращения 10.03.2020).
8. **Смирнова Т.** Виртуальный музей в современном культурно-информационном пространстве // Музеи. 2010. № 8. С. 24—26.
9. **Доич Д.** Структура реальности [Электронный ресурс]. URL: http://digitalphysics.ru/pdf/The_Fabric_of_Reality-David_Deutsch.pdf (дата обращения: 08.09.2019).
10. **Шамликашвили В.А.** Виртуальный туризм как новый вид туризма // Креативная экономика. М.: Изд-во «Креативная экономика». 2014. № 10(94). С. 128—138.
11. Measuring the Information Society 2013 [Electronic resource] / International Telecommunication Union. Geneva. 2013. URL : <https://www.itu.int/en/ITU-D/>

Statistics/Documents/publications/mis2013/MIS2013_without_Annex_4.pdf (дата обращения 12.11.2019).

12. Гриф А. В. Стратегия выбора виртуального пространства музея // Прикладная информатика. М.: МФПУ «Синергия». № 2(20). 2009. С. 69—77.

Поступила 10.03.2020

Шарапова Елизавета Сергеевна — студентка, факультет мировой культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК) (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2), riidza@mail.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Vergo P. Novaja muzeologija. Moskva: IKOM Rossii, 2012.

2. Simon N. The Participatory Museum [Electronic resource] // The Participatory Museum: a book by Nina Simon. 2010. URL: <http://www.participatorymuseum.org/preface/> (data obrashhenija 12.11.2019).

3. Maksimova T.E. Virtual'nye muzei VS tradicionnye muzei: preimushhestva virtual'nyh jeksponatov [Virtual museums vs traditional museums: virtual exhibits advantages] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Izd-vo «Gramota». № 4-3(30). 2013. S. 109—111.

4. Museums and the Web: An International Conference Los Angeles, CA, March 16—19, 1997 [Elektronnyj resurs] // MuseWeb: [sajt]. Conferences. URL: <http://www.museumsandtheweb.com/mw97/mw97toc.html> (data obrashhenija 12.11.2019).

5. Kolichestvo pol'zovatelei interneta v Rossii [Elektronnyj resurs] // Internet v Rossii i v mire: [sajt]. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (data obrashhenija 12.11.2019).

6. Bernshtein Sh. Kuda my teper' pojdem? Prodolzhenie raboty s Web 2.0 v Bruklinском музее [Elektronnyj resurs] // Muzei i internet 2008: Materialy konferencii. Toronto: Arhivy i Muzej Informatiki. URL: <http://www.museumsandtheweb.com/mw2008/papers/bernstein/bernstein.html> (data obrashhenija: 12.11.2019).

7. Vaibel' P. Muzei 2.0 [Museum 2.0] / Per. A. Patrikeeva // Iskustvo. [Muzej: nastojashhee proshloe]. №2(581). 2012.; URL: <https://iskustvo-info.ru/muzej-2-0/> (data obrashhenija 10.03.2020).

8. Smirnova T. Virtual'nyi muzei v sovremennom kul'turno-informacionnom prostranstve // Muzei. 2010. № 8. S. 24—26.

9. Doich D. Struktura real'nosti [Elektronnyj resurs]. URL: http://digitalphysics.ru/pdf/The_Fabric_of_Reality—David_Deutsch.pdf (data obrashhenija: 08.09.2019).

10. Shamlikashvili V.A. Virtual'nyi turizm kak novyi vid turizma [Virtual Tourism as a new kind of tourism] // Kreativnaja jekonomika. M.: Izd-vo «Kreativnaja jekonomika». 2014. № 10(94). S. 128—138.

11. Measuring the Information Society 2013 [Electronic resource] / International Telecommunication Union. Geneva. 2013. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/mis2013/MIS2013_without_Annex_4.pdf (data obrashhenija 12.11.2019).

13. Grif A. V. Strategija vybora virtual'nogo prostranstva muzeja [Strategy of a choice of museum's virtual space. Technological and budgetary restrictions] // Prikladnaja informatika. M.: MFPU «Sinergija». № 2(20). 2009. S. 69—77.

Submitted 10.03.2020

Sharapova E.S. undergraduate student, Faculty of World Culture, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (Russia, 191186, St. Petersburg, Dvortsovaya naberezhnaya, 2), riidza@mail.ru

Rastimeshina T. V. Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Political Science of National Research University of Electronic Technology (MIET) (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokina Square, 1), rast-v2012@yandex.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ,
ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА
PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM EDUCATION, UPBRINGING,
HUMAN DEVELOPMENT**

УДК 378.147

DOI: 10.24151/2409-1073-2020-1-116-121

Тесты для самопроверки как элемент смешанного обучения

А.С. Аджемов¹, А.Б. Денисова², Е.В. Чайкина³

¹Московский технический университет связи и информатики

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»

³Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

den-alla@yandex.ru

Анализируются разные подходы к понятию смешанного обучения и возможность внедрения элементов смешанного обучения в образовательный процесс технического вуза в условиях информатизации российского образования. Рассматриваются модели смешанного обучения на примере трех технических вузов: Московского института электронной техники, Московского технического университета связи и информатики и Московского энергетического института. Доказываются положительные и отрицательные стороны использования электронных ресурсов в образовательной среде технических вузов в условиях интенсификации информатизации образования.

Ключевые слова: смешанное обучение; информатизация; тесты для самопроверки; информационно-телекоммуникационные технологии, электронные ресурсы.

Tests for self-testing as an element of blended learning

A.S. Adzhemov¹, A.B. Denisova², E.V. Chaikina³

¹Moscow Technical University of Communications and Informatics

²National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow

³National Research University of Electronic Technology, Moscow

den-alla@yandex.ru

The article analyzes different approaches to the concept of blended learning, considers the possibilities of introducing this type of training into the educational process of a technical university in the context of the informatization of Russian education. Models of blended learning are presented on the example of three technical universities: the Moscow Institute of Electronic Engineering, the Moscow Technical University of

Communications and Informatics, and the Moscow Power Engineering Institute. The results are analysed. The positive and negative aspects of the use of electronic resources in the educational environment of technical universities in the context of intensification of informatization of education are presented.

Keywords: mixed learning; Informatization; self-test tests; information and communication technologies, electronic resources.

Новый тип социокультурной реальности сформировался стремительно и повлек за собой необратимые изменения. «Мы изменили свое окружение так радикально, что теперь должны изменить себя, чтобы жить в этом новом окружении», — писал родоначальник кибернетики Роберт Винер.

Все более замещая вещественно-энергетические ресурсы либо существенно их дополняя, информационные ресурсы кардинальным образом изменили структуру социальной деятельности, а тем самым и структуру общества. Наряду с миром реальным сложился некий виртуальный мир, виртуальная среда обитания, в которой огромное количество пользователей постоянно находятся в режиме онлайн, многие виды деятельности реализуются и многие потребности удовлетворяются через Интернет. Владение информационными технологиями и телекоммуникационными средствами изменяет стиль мышления и поведения: человек находит иной подход к организации своей деятельности и оценке проблем.

Современная отечественная педагогика активно занимается вопросами методологии, теории и практики информатизации образования. Использование информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ) в образовательном процессе соответствует пониманию современных требований развития педагогики и улучшает качество преподавания.

Еще десять лет назад основной целью образования было соответствие квалификации кадров запросам работодателей, сегодня приоритетной является приобретаемая в вузе способность к обучению и переобучению. Для специалистов, получающих образование в технических вузах, эта проблема особенно актуальна, так как в отличие от знаний гуманитарного направления, базирующихся на универсалиях человеческого бытия, изменения в технической, технологической сфере происходят постоянно. Как утверждает Е. Е. Кузьмина в работе «Маркетинг образовательных услуг», «по прогнозам американских экспертов, за трудоспособный период инженеру

необходимо 8 раз проходить курс переподготовки, в противном случае работодатели будут вынуждены каждые пять лет заменять специалистов» [1, с. 13]. Деформация профессиональной деятельности требует изменения направленности процесса обучения, организации непрерывного образования. Именно таким образом можно получить специалиста, адаптированного к постоянному изменению технологий, а значит, в будущем успешного.

Применение электронного обучения прописано в законе «Об образовании РФ», но по данным 2017 г. в России цифровые сервисы используют всего лишь 14 % учителей [2]. Один из возможных путей модернизации образования многие исследователи (С.Г. Григорьев, В.П. Демкин, А.А. Кузнецов, И.В. Роберт и др.) видят в рациональном сочетании традиционных образовательных средств с современными ИКТ-средствами. Комбинированная форма обучения позволяет использовать привычную для студентов информационную среду. Именно такой формой является смешанное обучение.

Анализируя понимание смешанного обучения, А.В. Логинова пишет: «Сейчас почти все в области образования размахивают смешанным флагом, говоря: “Мы используем смешанное обучение”, даже если они не имеют ни малейшего понятия о том, что это такое» [3]. Термин *blended learning* используется с конца 1990-х, но его определение дано только в 2006 г. в книге К. Дж. Бонка и Ч.Р. Грэхема «Справочник смешанного обучения». Изначально в объем понятия «смешанное обучение» авторы включили следующие определения: 1) совмещение различных способов обучения; 2) совмещение различных методов обучения; 3) совмещение обучения в ходе личного общения и обучения в режиме онлайн [4, с. 39]. Первые два определения подходят фактически для любого типа обучения, а вот третье, которое связывает противоположные конвенциональные и инновационные формы, отвечает современной цифровой эпохе. Смешиваться могут разные типы обучения: очное и дистанционное, структурированное

и неструктурированное, самостоятельное и коллаборативное и др. Несмотря на многообразие подходов к понятию смешанного обучения, все авторы, занимающиеся этим вопросом, едины в том, что применение электронных форм обучения целесообразно, поскольку эта модель совмещает лучшие аспекты и преимущества традиционного аудиторного и электронного обучения, причем на основе гибкого подхода, который не только учитывает преимущества тренировочных и контролирующих заданий в сети, но также использует другие методы, направленные на улучшение результатов обучения и экономию затрат на него [5]. Так, И.А. Малинина определяет смешанное обучение как «комбинирование “живого” обучения с обучением при помощи Интернет-ресурсов, в первую очередь второго поколения, позволяющих осуществлять совместную деятельность участников образовательного процесса» [6].

Несмотря на очевидные достоинства смешанного обучения — расширение образовательных возможностей учащихся за счет применения информационных и телекоммуникационных технологий, доступность и гибкость образования, индивидуализация и персонализация образовательного процесса, стимулирование самообразования, трансформация, актуализация стиля преподавания, — тем не менее остаются нерешенными технические проблемы такого обучения (отсутствие устройств и доступа к сети Интернет) и методические (недостаточность практических наработок, значительные трудозатраты при подготовке, страх использования технических устройств и др.).

Многие модели смешанного обучения предполагают замещение аудиторных занятий, лекций и семинаров, онлайн-курсами. На наш взгляд, это приемлемо лишь для студентов, которые в силу ряда причин не могут посещать занятия. В этом случае лекции в электронном формате, видео-ресурсы — хорошее подспорье в обучении. Электронные ресурсы должны быть вспомогательным инструментом — использоваться для активного вовлечения студента в привычную цифровую среду и поддерживать мотивацию [7]. Культивирование дистанционных методов приводит к утрате эмоциональной, а следовательно, и в значительной мере мотивационной составляющих процесса обучения, к невозможности вовлечения в обучение через личность педа-

гога, посредством психологической зависимости, исключает двустороннюю связь преподавателя со студентом. Отсутствие непосредственного влияния преподавателя разрушает преемственность идеалов и ценностей, культурологических особенностей, связанных с традиционными методами подачи информации и предполагающих обращение к архетипам коллективного бессознательного (К. Г. Юнг [8]). Поэтому различные обучающие интернет-технологии и опосредованные диалоги в сети заменяют профессиональное общение, но не подменяют живого педагогического взаимодействия как фактора развития и саморазвития личности. Для дистанционного образования вопросы нравственного воспитания, аксиологического самоопределения студентов труднодостижимы.

Важным элементом смешанного обучения, несомненно, являются тесты, широко применяемые сегодня в педагогической практике многих вузов. Тесты могут нести как контролирующую функцию (контрольные тесты), так и обучающую (тесты для самопроверки). Тесты для самопроверки имеют удобную форму закрепления пройденного материала и неограниченное число подходов, что способствует усилению мотивации студентов и снимает психологическую напряженность во время подготовки.

Преподаватели кафедры высшей математики Московского института электронной техники используют в своей практике разработанные ими обучающие и контролирующие тесты. Каждый лектор отвечает за свой поток и разрабатывает тесты согласно пройденным модулям. По завершении прохождения каждого модуля студенту предлагается пройти тест, причем время тестирования и число попыток неограниченны. В случае успешного результата студенту добавляется один балл в его накопительную балльную систему по конкретному математическому предмету. Таким образом, в зависимости от количества модулей студент за семестр может дополнительно получить до четырех-пяти баллов, влияющих впоследствии на итоговую оценку.

Обучающая функция реализуется непосредственно при тестировании. Если студент ввел неправильный ответ, система возвращает его к данному вопросу. Таким образом проявляется своего рода цикличность обучения: не понял — пройди еще раз. Тесты включают

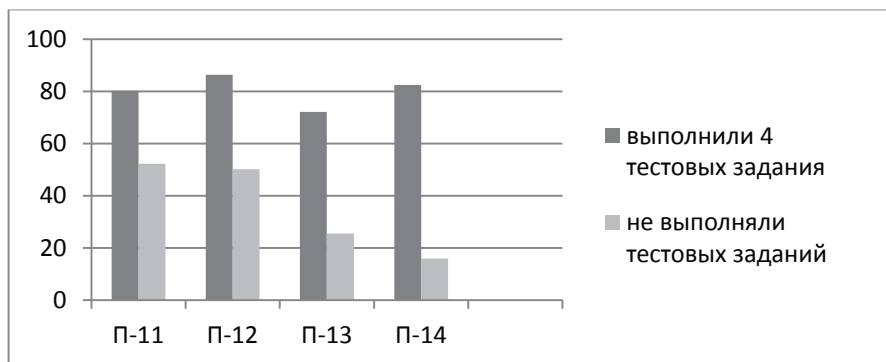

Рис.1. Зависимость экзаменационных баллов от предварительного прохождения обучающих тестов (исправление в рисунке: выполнили 4 тестовых задания/не выполняли тестовых заданий)

основные теоретические задания и примеры, которые можно решать, чтобы подготовиться к аудиторным контрольным работам. Свободный доступ к тестам открыт до наступления экзаменационной сессии, что позволяет еще раз перед экзаменом пройти и закрепить весь материал.

Анализ успеваемости студентов показал эффективность использования подобных методик. Для сравнения были выбраны результаты успеваемости студентов первого курса обучения, направление «Прикладные информационные технологии», дисциплина «Математический анализ» (итоги зимней сессии 2019 г., см. рис. 1).

На рисунке 1 по вертикальной оси указаны баллы, полученные студентами на экзамене. Свыше 85 баллов соответствует оценке «отлично», свыше 70 — «хорошо», менее 50 баллов — «неудовлетворительно». По горизонтальной оси указаны группы студентов, в каждой из которых часть студентов решали задания четырех тестов перед экзаменационной сессией, остальные не участвовали в тестировании. Выявилась корреляционная зависимость результатов сессии от прохождения тестирования: студенты, которые решали задания для самопроверки, получили максимальные экзаменационные баллы. Вместе с тем большинство студентов, не выполнявших тестовые задания, не сдали экзаменационную сессию или получили самые низкие баллы.

Традиционная система проверки знаний (экзамен, зачет) предусматривает устный и письменный опрос студентов, а также решение задач различной степени сложности. Использование компьютера в качестве экзаменационной системы, когда электронная система реализует тот же способ проведения экзамена, что и человек, сегодня невозможно, так как создание искусственного интеллекта такого уровня остается нерешенной задачей. Тем не менее компьютерные системы, на базе которых проводятся различные виды тестирования, могут быть применены для оценивания знаний студентов по принципу «удовлетворительно — неудовлетворительно». Такая технология, с одной стороны, разгружает преподавателя, с другой — обеспечивает единство требований к освоению дисциплины и защиту обучаемого от неформальных особенностей общения «преподаватель — студент». За ограниченное время (30 мин.) студенты должны ответить на 30 вопросов, соответствующих всем темам семестрового курса. Успешный результат тестирования дает студенту право получить оценку «удовлетворительно» без дальнейшей сдачи экзамена. Если студент желает повысить оценку, он имеет возможность обратиться к преподавателю, который продолжит экзамен традиционным способом, выявляя креативность студента, оригинальность его подходов к решению заданий, на основании чего может выставить более высокую оценку. При этом понизить оценку «удовлетворительно» преподаватель уже не имеет права.

Практика использования данной технологии в Московском техническом университете связи и информатики на кафедре «Общая теория связи» показала ее высокую эффективность, это — снижение конфликтных ситуаций, единство требований и меньшая нагрузка на преподавателей [9]. При этом, конечно, важно обеспечить достаточный

объем тестирующих вопросов, адекватную сложность и корректную постановку задач.

Рассмотренные предыдущие практики показывали опыт реализации технологии тестирования на собственных контентных базах. Для «предварительного экзамена», «фильтрации» студентов на успевающих/неуспевающих необходима техническая база. В Московском техническом университете связи и информатики технической базой служит компьютерный класс, где студенты проходят тестирование в отведенное для этого время. Другой вариант использования педагогической технологии тестирования применяется в Московском энергетическом институте. Тестирование по дисциплине «Культура речи и деловое общение» осуществляется на общедоступном контенте в сети Интернет — онлайн-тестирование. Многочисленные тесты, которые можно найти в открытом доступе, составлены как по всей дисциплине [10; 11], так и по отдельным темам, разделам (например, по теме «Орфоэпия»: нормы ударения [12; 13], нормы произношения [14] и др.). В данном случае техническая база вуза не задействована, а преподаватель должен проверять соответствие онлайн-тестов читаемому курсу лекций. Это особенно актуально для студентов вечерней и заочной форм обучения, поскольку часы их занятий не совпадают с часами работы основных подразделений вуза, следовательно, посещение компьютерных классов связано с дополнительными затратами. Доступные онлайн-тесты можно использовать в качестве домашнего задания, для подготовки к контрольным работам. При необходимости можно проводить ранжирование результатов для допуска студентов к устным экзаменам (подбирается соответствующий тест). Наличие почти у всех студентов смартфонов, обеспечивающих доступ в Интернет, позволяет использовать девайсы в рамках образовательного процесса — непосредственно в аудитории проводить онлайн-проверку знаний.

В заключение необходимо подчеркнуть, что при всех положительных сторонах процесса информатизации образования нельзя не учитывать отрицательных сторон. Так, опора на тестовую проверку знаний формирует одностороннюю направленность в способе его трансляции, что не способствует формированию умения логически рассуждать, рефлексии, более того, атрофирует

образное мышление, затрудняет развитие творческого мышления, охватывающего мир во всем его разнообразии и раскрывающего неожиданные связи между элементами, — а значит, еще более ослабляет гуманитарную составляющую технического образования [15, с. 154—156]. В итоге такой информатизации мы приходим не к развитию личности в целом с системным критическим мышлением и индивидуальной картиной мира, а к формированию узко ориентированной личности, обусловленной конкретной специализацией. Реформы в системе образования продолжают и сегодня, так как не найдено оптимальное соотношение необходимого и достаточного в программах подготовки современных специалистов.

Литература

1. Кузьмина Е. Е. Маркетинг образовательных услуг: учеб. пособие для магистров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 330 с.
2. Сорока М. Работаем с электронной формой учебника: технология смешанного обучения [Электронный ресурс] // Российский учебник: [сайт]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/rabotaem-s-elektronnoy-formoy-uchebnika/> (дата обращения: 11.03.2020).
3. Логинова А. В. Смешанное обучение: преимущества, ограничения и опасения [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2015. № 7(87). Ч. 8. Режим доступа: <http://www.moluch.ru/archive/87/16877/> (дата обращения: 13.03.2020).
4. Curtis J. Bonk The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / Curtis J. Bonk, Charles R. Graham // Pfeiffer. 2006.
5. Banados E. A. Blended-learning pedagogical model for teaching and learning EFL successfully through an online interactive multimedia environment // CALICO Journal. 2006. № 23(3). P. 533—550.
6. Малинина И. А. Применение технологий смешанного обучения иностранному языку в высшей школе [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации: электронный научно-практический журнал. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27936> (дата обращения: 13.03.2020).
7. Чайкина Е. В. Опыт применения смешанного обучения при преподавании математики в техническом вузе // Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе. Омск: ОмГТУ. 2019. № 7. С. 340—343.
8. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Порт-Рояль, 1997. 383 с. (Бестселлеры психологии).
9. Аджемов А. С. Цифровое образование в цифровой экономике // Вестник связи. М.: ИРИАС. 2018. № 10. С. 18—19.
10. Культура речи и деловое общение [Электронный ресурс] // Онлайн-тесты: [сайт]. URL: https://oltest.ru/tests/lingvistika_i_filologiya/kultura_rechi_i_delovoe_obshchenie/ (дата обращения: 11.03.2020).
11. Культура речи и деловое общение [Электронный ресурс] // Testserver.pro: глобальная система тестирования. URL: <https://testserver.pro/run/test/3102/2049> (дата обращения: 11.03.2020).

12. Орфоэпический тест [Электронный ресурс] // POVTO.ru: Любителям учености: [сайт]. URL: https://povto.ru/tests/orfoepicheskij_test.htm (дата обращения: 11.03.2020).

13. Тест на ударения [Электронный ресурс] // Accentonline.ru: онлайн-словарь ударений. URL: <https://accentonline.ru/test.html> (дата обращения: 11.03.2020).

14. Орфоэпические нормы (произношение) [Электронный ресурс] // Тесты по русскому языку. URL: <http://testru.info/?cat=1> (дата обращения: 11.03.2020).

15. Денисова А.Б. О роли информационных и телекоммуникационных средств в реализации модели воспитания гражданской позиции студентов вузов // Мир образования — образование в мире: научно-методический журнал. М.: Московский психолого-социальный университет. 2015. №1(57). С. 152—160.

Поступила 01.03.2020

Аджемов Артем Сергеевич — доктор технических наук, профессор, заслуженный работник связи РФ, президент, Московский технический университет связи и информатики (111024, г. Москва, улица Авиамоторная, 8а), asa@mtuci.ru

Денисова Алла Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры ФПС, Национальный исследовательский университет «МЭИ» (111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.14), denalla@yandex.ru

Чайкина Елена Валентиновна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики №2, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д.1), schel06@mail.ru

References

1. Kuz'mina E. E. Marketing obrazovatel'nyh uslug: ucheb. posobie dlja magistr. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2012. 330 s.

2. Soroka M. Rabotaem s jelektronnoj formoj uchebnika: tehnologija smeshannogo obuchenija [Elektronnyj resurs] // Rossijskij uchebnik: [sajt]. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/rabotaem-s-elektronnoj-formoy-uchebnika/> (data obrashhenija: 11.03.2020).

3. Loginova A.V. Smeshannoe obuchenie: preimushhestva, ogranichenija i opaseniya [Elektronnyj resurs] // Molodoy uchenyj. 2015. № 7(87). Ch. 8. Rezhim dostupa: <http://www.moluch.ru/archive/87/16877/> (data obrashhenija: 13.03.2020).

4. Curtis J. Bonk The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / Curtis J. Bonk, Charles R. Graham // Pfeiffer. 2006.

5. Banados E. A. Blended-learning pedagogical model for teaching and learning EFL successfully through an online interactive multimedia environment // CALICO Journal. 2006. № 23(3). P. 533—550.

6. Malinina I.A. Primenenie tehnologij smeshannogo obuchenija inostrannomu jazyku v vysshej shkole [Elektronnyj resurs] // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii: jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2013. № 10. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27936> (data obrashhenija: 13.03.2020).

7. Chajkina E.V. Opyt primenenija smeshannogo obuchenija pri prepodavanii matematiki v tehničeskome vuze //

Aktual'nye problemy prepodavanija matematiki v tehničeskome vuze. Omsk: OmGTU. 2019. № 7. S. 340—343.

8. Jung K. G. Dusha i mif: shest' arhetipov. Kiev: Port-Royal', 1997. 383 s. (Bestsellery psihologii).

9. Adzhemov A.S. Cifrovoe obrazovanie v cifrovoj ekonomike // Vestnik svjazi. M.: IRIAS. 2018. № 10. S. 18—19.

10. Kul'tura rechi i delovoe obshchenie [Elektronnyj resurs] // Onlajn-testy: [sajt]. URL: https://oltest.ru/tests/lingvistika_i_filologiya/kultura_rechi_i_delovoe_obshchenie/ (data obrashhenija: 11.03.2020).

11. Kul'tura rechi i delovoe obshchenie [Elektronnyj resurs] // Testserver.pro: global'naja sistema testirovanij. URL: <https://testserver.pro/run/test/3102/2049> (data obrashhenija: 11.03.2020).

12. Orfoepicheskij test [Elektronnyj resurs] // POVTO.ru: Ljubiteljam uchenosti: [sajt]. URL: https://povto.ru/tests/orfoepicheskij_test.htm (data obrashhenija: 11.03.2020).

13. Test na udarenija [Elektronnyj resurs] // Accentonline.ru: onlajn-slovar' udarenij. URL: <https://accentonline.ru/test.html> (data obrashhenija: 11.03.2020).

14. Orfoepicheskie normy (proiznoshenie) [Elektronnyj resurs] // Testy po russkomu jazyku. URL: <http://testru.info/?cat=1> (data obrashhenija: 11.03.2020).

15. Denisova A.B. O roli informacionnyh i telekommunikacionnyh sredstv v realizacii modeli vospitanija grazhdanskoj pozicii studentov vuzov [On the role of information and telecommunication means in students' civic stand training] // Mir obrazovanija — obrazovanie v mire: nauchno-metodicheskij zhurnal. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj universitet. 2015. №1(57). S. 152—160.

Submitted 01.03.2020

Adzhemov A. S. — Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Telecommunications Worker of the Russian Federation, President, Moscow Technical University of Communications and Informatics (111024, Moscow, Aviamotornaya street, 8A), asa@mtuci.ru

Denisova A. B. — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of FPS, National research University «Moscow power engineering Institute» (14 Krasnokazarmennaya str., Moscow, 111250), denalla@yandex.ru

Chaikina E. V. — candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of higher mathematics №2, National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), schel06@mail.ru

К проблеме психологии лени и ленивых людей

В.Г. Зазыкин

Российская академия образования (Москва, Россия)

zazykin.vladimir@yandex.ru

Представлено краткое обоснование необходимости разработки важной общенаучной и психологической проблемы лени. Обоснованы основные направления психологического изучения лени и ленивых людей, определено их содержание. Рассмотрены методические аспекты таких исследований. В качестве иллюстративного материала взят роман А.Н. Гончарова «Обломов».

Ключевые слова: лень, ленивые люди, типы лени, гомеостаз.

To the problem of psychology of lazy and lazy people

V.G. Zazykin

Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

zazykin.vladimir@yandex.ru

A brief rationale for the need to develop an important general scientific and psychological problem of laziness is presented. The main directions of the psychological study of laziness and lazy people are justified, their content is determined. The methodological aspects of such studies are considered. As an illustrative material, the novel «Oblomov» by A. N. Goncharov is taken.

Key words: laziness, lazy people, types of laziness, homeostasis.

Проблема лени, ее влияния на наше общество, жизнедеятельность людей, несмотря на то, что часто декларируется как очень важная, на самом деле до конца не осознается. Сейчас практически невозможно ответить на вопросы, сколько у нас в стране ленивых людей? Какой они наносят ущерб? Можно ли сократить их количество? Ответы на эти вопросы должна дать наука и, прежде всего, психология, однако исследования психологических особенностей лени и ленивых людей проводятся ограниченно и не систематизированно. Явно недостаточно исследований лени и ее проявлений в близких психологии науках — педагогике и социологии.

Недостаточная разработанность проблемы, ее высокая значимость обусловили необходимость проведения специального анализа ее состояния. В результате такого анализа было установлено, что сейчас можно выделить несколько перспективных направлений изучения лени, исследования в рамках которых могут дать конструктивные результаты.

Первое направление. Его содержанием является анализ существующих понятий и определений, связанных с проблемой лени, раскрытие их весьма важной психологической специфики.

Исходным понятием, естественно, является «лень». Понятие лени представлено

преимущественно в словарях русского языка и представляется как «отсутствие желания работать, любовь к безделью» (8), как «неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, к тунеядству» [3].

В этих определениях констатируется доминирующая роль в развитии лени мотивационно-потребностной сферы, а также некоторые особые характеристики направленности личности ленивых людей.

Соответственно базовому понятию были сформулированы и другие близкие понятия. В частности, ленивый — «любящий безделье, не желающий работать, вялый, медлительный»; лениться — «испытывать лень»; лень — «склонность к лени» и др.

Из приведенных понятий следует, что в них лень позиционируется разнопланово, преимущественно в контексте недостатка побудительных причин к активности, а также своеобразным проявлением потребностной сферы личности в форме желания не работать. Кроме того, отчетливо просматриваются и другие важные психологические особенности — низкая активность и получение удовольствия от безделья. Иными словами, лень является проявлением желания быть в состоянии низкой активности, которое способствует возникновению положительных эмоций.

Понять сущностные характеристики лени может помочь и фольклор. О лени сложено немало пословиц и поговорок. Однако в основном это нравственные оценки лени и ленивых людей. Например, «...труд человека кормит, а лень портит». Правда, в нем отмечались и биологические предпосылки лени: «Матушка лень раньше нас родилась».

Интересно отметить, что среди крылатых высказываний выдающихся личностей мало сказано о лени, но в имеющихся текстах лень всегда осуждается [1]. В таких высказываниях часто приводятся психологические прогнозы влияния лени на личность. В частности, по Аристотелю: «Ничто так не истощает и не разрушает человека, как продолжительное физическое бездействие».

По Авиценне: «Безделье и праздность не только рожают невежество, они в то же время являются причиной болезни».

Отмеченные поговорки и крылатые высказывания свидетельствуют, что лень — это не просто негативное и осуждаемое свойство личности, а свойство, способствующее деградации личности, иными словами, лень является одной из форм аутодеструктивного поведения.

Обратимся к психологическим определениям лени. Во многих психологических энциклопедических и справочных изданиях понятие «лень» не рассматривается вообще. Крупный отечественный психолог К.К. Платонов лень определял как «психическое явление в его трех формах, как отсутствие желания делать что-либо, требующее волевого усилия и, главное, переживание удовольствия от безделья. Необходимо отличать лень от апатии и сознательного отказа от работы в силу неправильного отношения к труду» [9, с. 62]. В данном определении опять же подчеркивается значимость мотивационно-потребностного аспекта, а также положительных эмоций от лени.

Проведенный анализ понятийного аппарата по проблеме лени свидетельствует о высокой психологической сложности лени.

Второе направление. Его содержанием является общий анализ проведенных психологических исследований по проблеме лени, но главное — исследований причинной обусловленности лени. В нем поиск причин лени и ее проявлений позиционируется как наиболее важный в ее изучении.

Среди данных исследований особенно следует выделить работы Воробьевой В.В., Голубева Г.Г., Горбова Ф.Д., Ильина Е.П., Климова Е.А., Марковой А.К., Новикова М.А., Петровского В.А., Платонова К.К., Фейдин Дж., Фрейгера Ф., Хайкина В.Л., Эйдмиллера Э.Г., Юстицкиса В.В., Юнга К., Якиманской И.С. и др.

Отметим, что в психологических исследованиях лени преобладают косвенные исследования. Мало работ по психологическим механизмам лени, психофизиологическим и биологическим предпосылкам лени. Не дан

ответ на важный вопрос: ленивыми рождаются или становятся?

В то же время в этих исследованиях встречаются точные описания психологических особенностей проявлений лени у ленивых людей. Если ориентироваться на результаты данных исследований, можно предположить, что существуют как минимум три типа ленивых людей:

- являются ленивыми в силу уникального сочетания индивидуальных природно обусловленных особенностей, природной предрасположенности к лени (рождаются «ленивыми»);

- таковыми становятся вследствие «процесса научения» под влиянием стандартов и условий внешних;

- таковыми становятся под влиянием природных свойств и внешней среды.

У каждого типа свои особенные проявления лени.

Интерес представляют исследования проявлений лени и причин лени.

Лень, как низкая активность. Низкая активность является самым распространенным проявлением лени. В психологии активность определяется как способность человека производить общественно значимые преобразования [10], а также как практическая предметно-чувственная деятельность, направленная не только на преобразование окружающей реальности, но и на преобразование самой личности [13]. Активность личности проявляется в деятельности, поведении, общении.

У ленивых людей все известные виды активности имеют низкий уровень, ленивые люди не отличаются целеустремленностью, упорством, настойчивостью. Современное понимание сущности низкой активности ленивых связано с приоритетом биологического фактора в природе лени. Считается, что низкая активность обусловлена малым психологическим ресурсом личности, низким уровнем личностных потенциалов, отсюда лень выступает как своеобразный неосознаваемый психологический защитный механизм («охранительное торможение»), препятствующий разрушению системы,

вследствие недостаточной ресурсности и ее невосполняемости.

Лень как проявление гомеостаза (гомеостазиса). Данный вид проявления лени также является одним из самых распространенных. Гомеостаз в психологии рассматривается как постоянство характеристик определенного состояния, его неизменность (У. Кэннон). Одна из целей гомеостаза у человека состоит в удержании его характеристик в определенных психологических и физиологических пределах. При гомеостазе минимизируются психоэнергетические затраты, снижается психическое напряжение, возникает комфортное состояние.

Психофизиологические механизмы гомеостаза недостаточно изучены. Вероятно, они связаны с произвольной и непроизвольной саморегуляцией психического состояния, цель которого осознается или не осознается, но выражается в ощущениях (Горбов Ф.Д., Новиков М.А.). У ленивых людей в силу сочетания природных или иных свойств состояние гомеостаза, возможно, также связано с их низкой ресурсностью, которая, вероятнее всего, еще и сопряжена еще с «переживанием удовольствия» от снижения психоэнергетических затрат. Надо подчеркнуть, что ленивые люди не получают удовольствия от работы, как это отмечено у продуктивно развивающихся людей. Состояние стабильно низкой активности у ленивых людей окрашено положительными эмоциями, отсюда его привлекательность и стремление к сохранению данного состояния. Действительно, по имеющимся наблюдениям, у ленивых людей вынужденный выход из состояния гомеостаза всегда сопровождается сильными отрицательными эмоциями, проявлением недовольства тем, что нарушено их субъективно комфортное состояние. Вместе с тем гомеостаз лени разрушающе действует на личность. Это отмечал еще и Э. Фромм: «... тяга к успокоенности препятствует смыслу жизни» [12, с. 50].

Лень как проявление низкого уровня мотивации. Это проявление лени часто упоминается в психологических исследованиях. Считается, что «отсутствие желания делать

что-либо» присуще всем видам лени. Данное нежелание объясняется низким уровнем мотивации. Вместе с тем причины такой низкой мотивации могут быть разными. Среди распространенных причин больше всего отмечалось отсутствие личностного смысла в целенаправленной активности, личностная позиция («другие сделают»), отсутствие интереса, нежелание испытывать напряжение активации.

Еще одной значимой причиной слабой мотивации у ленивых людей является низкая способность к самомотивации, то есть способности самостоятельно создавать для себя значимые мотивы, стимулирующие высокую целенаправленную активность. Самомотивация является следствием обретения дополнительных значимых личностных смыслов. Самомотивация, приводящая к повышению активности, нарушает гомеостатическое состояние ленивых людей, лишает их привычных положительных эмоций, отсюда у ленивых отмечен ее низкий уровень.

Лень как проявление недостатка волевых качеств. Данное проявление лени считается также одним из самых распространенных. Основными признаками проявления воли являются: сила побуждений человека и целенаправленное произвольное поведение; осознанность регулирования поведения, в котором проявляется активное стремление к достижению поставленной цели; внутреннее усилие для произвольных преднамеренных действий; власть человека над своими страстями и побуждениями [7].

Известно, что любая целенаправленная деятельность связана с волевыми актами. В основе волевого акта лежат волевые действия. Волевые проявления разнообразны, однако общим их свойством является то, что называется силой воли, — как степень необходимого одноразового волевого усилия для достижения цели.

У ленивых людей волевые качества развиты слабо, сила воли недостаточна, они отрицательно относятся к любым волевым усилиям. Низка у них и волевая стойкость, то есть степень длительности волевого уси-

лия без его ослабления. Психологические причины недостатка волевых качеств у ленивых людей изучены мало, хотя можно предположить, что и они связаны с отмеченной ранее ресурсной недостаточностью и стремлением к гомеостазу, то есть имеют биологическую природу. Нельзя исключать и влияние отрицательных примеров, которые становятся стандартами деятельности и поведения.

Лень как проявление низких стандартов и эталонов в деятельности и личностно-профессиональном развитии. В этой позиции констатируется явное доминирование социального фактора. Известно, что именно принятые эталоны или стандарты в виде образов-целей являются направляющими в личностно-профессиональном развитии и профессиональной деятельности. Ориентация на высокие стандарты и эталоны способствует расширению субъектного пространства и, как следствие, повышению всех видов активности. В процессе развития профессионализма у субъектов возвышаются стандарты и эталоны, поэтому сам процесс развития является непрерывным и прогрессивным [4].

Случается, что люди, вообще склонные к малоактивному образу жизни, попадают в профессиональную среду, в которой доминируют невысокие стандарты или эталоны активности и производительности. Они быстро начинают ориентироваться на них, потому что для них это комфортно. В результате их и без того невысокая активность признается нормальной, не стимулируется ее дальнейший рост. Все содеянное или достигнутое их удовлетворяет, стремление сделать что-то лучше, чем раньше, исчезает, работа перестает их увлекать. Данные причины способствуют возникновению лени или ее усиливают.

Лень как жизненная позиция. Ленивые люди в большинстве своем понимают негативное влияние лени, в какой-то мере переживают отрицательное отношение к себе со стороны окружающих, поэтому они склонны искать «объективные» причины такого поведения. Причем ищут такие причины,

которые другими бы принимались как объективные.

Для объяснения своей низкой активности и лени придумываются крылатые афористические выражения, якобы имеющие для них личностный смысл и определяющие их поведение. Например, «... ошибаются люди, которые что-то делают, поэтому чтобы не совершать ошибок и не быть за это наказанным, надо ничего не делать». Отмечены даже выходы на уровень декларации философских принципов, которые могут оправдать в глазах окружающих их лень. В частности, используют крылатое высказывание Диогена: «Разбогатеть философу легко, но неинтересно» и другие, подобные ему. Однако это всего лишь повод, а не причина лени.

Следует отметить, что встречаются люди с весьма низкой активностью (использующие такую аргументацию), которые не являются ленивыми в общепринятом понимании, а такое их поведение является вероятнее всего протестом против чего-то, в частности, несправедливой оценки труда [5].

Другие проявления лени. В литературных источниках можно встретить описания и других проявлений лени. В частности, как инфантильного состояния, боязни ответственности, защитной реакции, интуиции и пр. В большинстве своем отмеченные проявления не соответствуют психологической сущности лени. Например, лень как боязнь ответственности. Практика управления людьми показывает, что боязнь ответственности связана, скорее всего, с психастенической акцентуацией, а не ленью. Такие акцентуанты могут быть весьма активны только при отсутствии угрозы наказания за ошибки. Именно боязнь совершить ошибку и получить за это наказание заставляет их быть очень осторожными и малоактивными, а вовсе не лень. Другие положения также требуют доказательств.

Третье направление. Как отмечалось, оно представляет собой анализ других источников информации о лени и ленивых людях. Среди них выделим психологический анализ религиозных источников и худо-

жественных произведений, они представляют собой очень большую ценность для исследователя.

В *христианстве* лень считается грехом. Лень связывают с одним из проявлений величайшего греха — уныния. В Библии подчеркивается, что леность может привести к трагическому для человека концу: «Алчба ленивца убьет его, потому что руки его отказываются работать» (Притчи. 22. Библия.). В христианских священных текстах ленивые люди не радеют о данном им Богом таланте, поэтому подвергаются суровому осуждению. Леность считается следствием действия внешних сил. В великопостной молитве святого Ефрема Сирина говорится: «Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми». Однако это не означает, что бороться с ленью нельзя и бесполезно.

Лень, согласно Библии, считается также и проявлением скудоумия: «Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного: и вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивой, и каменная ограда его обрушилась. И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел и получил урок» (Прит.24:30-32). Это важная характеристика интеллекта ленивого человека, недостаточно отмеченная в научных психологических источниках. Действительно, редко можно встретить ленивого человека, обладающего острым умом, а уж тем более высокой интеллектуальной активностью. На это обращал внимание и Вольтер: «Ленивые всегда бывают людьми посредственными».

В христианстве считается, что ленивый человек является обузой для других людей. Поэтому Священное Писание определяет лень как нравственный порок: «Что укус для зубов и дым для глаз, то ленивый для посылающих его» (Прит.10:26).

Описания лени и ленивых людей часто встречаются в *художественных произведениях* (прежде всего литературных). Такое отображение проявления лени стало каноническим на уровне обыденного сознания. Отметим, что литературные произведения

могут дать богатейший материал для психолога, ведь многие писатели необычайно проницательны и наблюдательны, к тому же их жизненные впечатления устойчивы, а творческое переосмысление реалистично [11].

Остановимся лишь на одном из произведений — на романе И.А. Гончарова «Обломов» [2]. Гончаров настолько точно описал это психическое явление, что «обломов» и «обломовщина» на долгие годы стали именами нарицательными.

Лень как бы пронизывает в романе все: сюжетную линию, идею, описания поведения, отношений и общения героя, даже его внешнего облика. Отметим основные проявления лени, описанные в романе.

Лицо у И.И. Обломова было «с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности»; «обрюзг не по летам: от недостатка ли движений или воздуха» [2, с. 5].

Лень описывалась как гомеостаз. Любимым состоянием Обломова было состояние удовлетворенного покоя с минимальной активностью: «лежание было у него нормальным состоянием» [2, с. 6].

Заметим, А.И. Гончаров в своем романе дал психологическое обоснование этой лени Обломова. По его мнению, лень была сформирована многолетним жизненным укладом небогатых помещиков в провинции. «Воспитанный в недрах провинции, среди кротких и теплых нравов и обычаев родины... <...> он до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия. <...> Норма жизни была готова и преподана им родителями, а те приняли ее тоже готовую» [2, с. 54]. В таких условиях: «Добрые люди понимали жизнь не иначе как идеалом покоя и бездействия... <...> Они сносили труд как наказание, наложенное еще на праотцев наших, но любить его не могли, и где был случай, всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным» [2, с. 121]. И еще: «О чем им было задумываться и чем волноваться, что узнавать и каких целей добиваться? Ничего

не нужно: жизнь как покойная река, текла мимо их; им оставалось только сидеть на берегу этой реки и наблюдать неизбежные явления, которые по очереди, без зову представляли пред каждого из них». [2, с. 122].

В романе описаны средства достижения этого любимого И.И. Обломовым состояния — откладывание любых дел «на потом»: «... тем более ничего не мешает думать и лежать» [2, с. 6]. Еще часто применявшийся им прием избегания активности — имитация нездоровья («бегство в болезнь»), чтобы избежать любых дел. При такой стратегии поведения «...вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии и дремоте» [2, с. 6].

Было показано влияние лени на формирование принципов жизненной позиции, стандартов активности, поведения и деятельности у Обломова: «Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки; другая из покоя и мирного веселья» [2, с. 55]. Отсюда у Обломова сформировалось негативное отношение к службе, переросшее отрицательное отношение ко всякому труду: «От этого главное поприще — служба на первых порах озадачила его самым неприятным образом» [2, с. 55], потому что чиновничья деятельность заставляла его жить в совсем другом напряженном ритме.

В романе описывались изменения личностных смыслов у Обломова под влиянием лени: «Изменив службе и обществу, он начал иначе решать задачу своего существования, вдумывался в свое назначение и, наконец, открыл, что горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом» [2, с. 62]. В результате «Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире» [2, с. 65]. Заметим, что сознательный уход от реальности, характерный для ленивых людей и подмеченный писателем, не упоминался в психологической литературе по проблеме лени.

В романе отмечена своеобразная «цепная реакция» подавления активности под влиянием отмеченных выше факторов: «Охлаждение овладевало им еще быстрее,

чем увлечение» [2. с. 59]. «Он терпеть не мог никаких перемен» [2. с. 34]. Волевые усилия стали им отторгаться: «Вскоре и вечера надоели ему: надо надевать фрак, каждый день бриться» [2. с. 58]. Даже домашние тапочки должны были лежать перед диваном так, чтобы, вставая, он в них сразу «попал», а не прилагал усилия для их поиска. Такое отношение распространялось и на мыслительную деятельность: «Легко ли? Предстояло думать о средствах к принятию каких-нибудь мер» [2. с. 7].

В романе отмечены и возрастные аспекты проявления лени. Сначала Обломов был декларативно амбициозен, для этого он приехал в Петербург. Однако реализация устремлений требовала усилий и большой активности, а тогда привычным «семейным началам» не оставалось места. Возникло противоречие, разрешаемое в пользу «семейных начал». Шли дни, мечты оставались мечтами, потом и они изменились, стали соответствовать образу жизни.

Видимо, И.А.Гончаров полагал, что преодоление лени возможно при действии сильных внешних стимулов (в романе это любовь к О. Ильинской), а также «силовому включению» в среду с высокими стандартами активности (по А. Штольцу). Однако для этого должны быть постоянно действующие сильные мотивационные факторы, а они были недостаточны.

В романе «Обломов» отчетливо просматривается психологический механизм формирования лени: принятый за эталон малоактивный образ жизни — формирование, вернее закрепление привычки к малоактивному образу жизни — формирование сильной потребности в малоактивном гомеостатическом состоянии — получение реального удовлетворения от такого состояния.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные направления психологического изучения лени и ленивых людей, вероятно, основные, но не единственные. Многие виды лени не сводятся к какой-то одной причине. Психологические исследования лени необходимо активизировать,

расширить их масштаб. Только при этом условии можно решить проблему лени.

Литература

1. **Воронцов В.** Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М.: Молодая гвардия, 1976. 622 с.
2. **Гончаров И. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / Подгот. Т. И. Орнатская. СПб.: Наука, 1997. Т.4: Обломов: роман: в 4 ч. 1998. 492 с.
3. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репр. изд. СПб.: Диамант, 1996.
4. **Зазыкин В. Г., Смирнов Е.А.** Введение в акмеологию. Иваново: Ивановский фил. РАНХиГС: Иваново, 2013. 252 с.
5. **Зазыкин В. Г., Оболенский Ю. В.** Психологическая реальность конфликтов. М.: Психотерапия, 2013. 380 с. (Шесть шагов к успеху).
6. **Зазыкин В. Г.** Психологические и акмеологические феномены творчества. М.: Белый ветер, 2019. 283 с.
7. **Иванников В. И.** Психологические механизмы волевой регуляции. М.: МГУ, 1991. 140 с.
8. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Русский язык, 1981. 816 с.
9. **Платонов К. К.** Краткий словарь системы психологических понятий: [учеб. пособ. для инж.-пед. работников профтехобразования]. М.: Высшая школа, 1981. 175 с.
10. Психология. Словарь / [Абраменкова В. В. и др.]; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
11. **Теплов Б. М.** Избранные труды: в 2 т. / Ред.-сост. Н. С. Лейтес, И. В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1985. Т.1. 328 с.
12. **Фромм Э.** Душа человека: сборник: пер. / [Общ. ред., сост. и предисл. П. С. Гуревича]. Минск: Республика, 1992. 429 с.
13. **Хайкин В. Л.** Активность (характеристики и развитие): учеб.-метод. пособ. М.: МПСИ, 2000. 444 с. (Библиотека психолога).

Поступила 13.03.2020

Зазыкин Владимир Георгиевич — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ведущий аналитик отдела перспективных исследований Российской академии образования (119121, ЦФО. Москва, ул. Погодинская, д.8), zazykin.vladimir@yandex.ru

References

1. Voroncov V. Simfoniya razuma. Aforizmy i izrecheniya otechestvennyh i zarubezhnyh avtorov. M.: Molodaja gvardija, 1976. 622 s.
2. Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. / Podgot. T. I. Ornatskaja. SPb.: Nauka, 1997. T.4: Oblomov: roman: v 4 ch. 1998. 492 s.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. Repr. izd. SPb.: Diamant, 1996.
4. Zazykin V. G., Smirnov E.A. Vvedenie v akmeologiju. Ivanovo: Ivanovskij fil. RANHiGS: Ivanovo, 2013. 252 s.
5. Zazykin V. G., Obolonskij Ju. V. Psihologicheskaja real'nost' konfliktov. M.: Psihoterapija, 2013. 380 s. (Shest' shagov k uspehu).
6. Zazykin V. G. Psihologicheskie i akmeologicheskie fenomeny tvorchestva. M.: Belyj veter, 2019. 283 s.
7. Ivannikov V. I. Psihologicheskie mehanizmy volevoj reguljarii. M.: MGU, 1991. 140 s.
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. / Pod red. N. Ju. Shvedovoj. 13-e izd., ispr. M.: Russkij jazyk, 1981. 816 s.
9. Platonov K. K. Kratkij slovar' sistemy psihologicheskikh ponjatij: [ucheb. posob. dlja inzh.-ped. rabotnikov proftekhobrazovanija]. M.: Vysshaja shkola, 1981. 175 s.
10. Psihologija. Slovar' / [Abramenkova V. V. i dr.]; pod obshh. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Politizdat, 1990. 494 s.
11. Teplov B. M. Izbrannye trudy: v 2 t. / Red.-sost. N. S. Lejtes, I. V. Ravich-Shherbo. M.: Pedagogika, 1985. T.1. 328 s.
12. Fromm Je. Dusha cheloveka: sbornik: per. / [Obshh. red., sost. i predisl. P. S. Gurevicha]. Minsk: Respublika, 1992. 429 c.
13. Hajkin V. L. Aktivnost' (harakteristiki i razvitie): ucheb.-metod. posob. M.: MPSI, 2000. 444 s. (Biblioteka psihologa).

Submitted 13.03.2020

Zazykin Vladimir G. doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, leading Advanced Research Analyst Russian Academy of Education (119121, Central Federal District. Moscow, st. Pogodinskaya, 8), zazykin.vladimir@yandex.ru

**Инженерное образование как инструмент новой индустриализации:
целевой прием в инженерные вузы РФ**

М.В. Добрынина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

marin709@rambler.ru

Автор анализирует государственную политику в сфере целевого приема в вузы в период с 2014 г., когда инженерное образование рассматривается государством как стратегически значимый инструмент индустриализации. Особенностью политики в отношении инженерного образования является ее патернализм, поэтому одним из приоритетных механизмов подготовки инженерных кадров для новой промышленности является обучение в вузах по договорам о целевом приеме. Низкое качество целевого приема автор называет главной проблемой, фактически нивелирующей его эффективность — с точки зрения решения задачи насыщения экономики инженерными кадрами высокой квалификации.

Ключевые слова: инженерное образование, образовательная политика, реиндустриализация, импортозамещение, контрольные цифры приема, качество приема в вузы, договор о целевом приеме, подготовка кадров.

**Engineering education as a tool for new industrialization: targeted admission
to engineering universities of the Russian Federation**

M.V. Dobrynina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

marin709@rambler.ru

The author analyzes the state policy in the field of targeted admission to universities since 2014, when engineering education is considered by the state as a strategically significant tool of industrialization. Education at universities under targeted admission agreements is a feature of the policy of paternalism in the training of engineers for the new industry. The author calls the low quality of the targeted technique the main problem that actually levels its effectiveness — in terms of solving the problem of saturating the economy with highly qualified engineering personnel.

Keywords: engineering education, educational policy, new industrialization, import substitution, control figures of admission, quality of admission to universities, target acceptance agreement, personnel training.

Политика нашего государства в отношении инженерного образования исключительно отчетливо отражает политические процессы, основные этапы и направления политической и экономической модернизации, она нацелена на удовлетворение запроса государства на кадры нового типа [1]. В результате реформирования инженерного образования высококвалифицированные инженерные кадры нового качества должны отразить вызовы российской экономике, такие как третья волна индустриализации и экономические санкции против России. Государство в лице лидеров, в первую очередь, Президента РФ, акцентирует значимость инженерного образования в реализации программы экономической и политической модернизации России. Так, на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию 23 июня 2014 г., В. В. Путин заявил: «Сегодня лидерами глобального развития становятся те страны, которые способны создавать прорывные технологии и на их основе формировать собственную мощную производственную базу. Качество инженерных кадров становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государства»¹.

Очередной этап реформы инженерного образования стартовал в 2012 г., однако к 2014 г. количественные и качественные показатели развития инженерного образования указывали на то, что кризис еще не преодолен. Нарастало отставание России от мировых лидеров в сфере инженерного образования, таких как США, Германия, Франция.

К 2014 г. гражданское общество фактически утратило субъектность в определении основных направлений и методов реализации политики в отношении инженерного образования. Новая политика осуществляется по следующим основным направлениям: модернизация системы финансирования инженерного образования и увеличение

финансовой опеки государства; реформирование политики приема в вузы РФ; преобразование содержания образования.

Сегодня подготовка кадров на основании договора о целевом приеме рассматривается государством как один из приоритетных механизмов реализации государственных программ по подготовке инженерных кадров для новой промышленности. Идеология обучения студента за счет государства — в целях обеспечения кадровых нужд развития национальной экономики — была реализована еще до 1917 г. Студенты, обучавшиеся в высших учебных заведениях «на казенный кошт» (за счет средств государственного бюджета), обязаны были отработать определенный срок на конкретного работодателя [2, с. 374; 3]. Как пишет исследователь целевого обучения Н. В. Путило, «целевая подготовка как особое явление в системе образования появилась не в Российской Федерации, а в СССР, где с 60-х годов прошлого века на уровне подзаконных (ведомственных) и часто не опубликованных актов закреплялась идея о необходимости особого механизма приема сначала в аспирантуру (ординатуру), а затем и в вузы и средние специальные учебные заведения профессионального образования с учетом интересов плановой экономики» [4]. Уже в приказе Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 31 июля 1962 г. № 284 «Об утверждении положения об аспирантуре» имелся специальный раздел «Целевая аспирантура». «В целевую аспирантуру с отрывом от производства зачислялись преимущественно лица, командированные из союзных республик высшими учебными заведениями, промышленными предприятиями, совхозами, колхозами, научно-исследовательскими учреждениями и другими организациями. Командированные лица зачислялись вне конкурса в строгом соответствии с утвержденным планом приема в целевую аспирантуру» [4, с. 30—31].

¹ Под председательством Владимира Путина в Кремле состоялось заседание Совета при Президенте по науке и образованию. См.: Заседание Совета по науке и образованию. Текст: электронный // Президент России: сайт. (23 июня 2014 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/news/45962> (дата обращения: 16.09.2019)

В сущностном отношении, в политическом плане идеология и концепция целевого приема (приема на целевое обучение, контрактного приема и обучения) остается фактически неизменной с 1960-х гг. Вне зависимости от действующего нормативного акта (Постановление Совета Министров РСФСР от 10 июня 1987 г. № 241 «О мерах по коренному улучшению качества подготовки специалистов с высшим образованием в народном хозяйстве»²; Постановление Правительства РФ от 19 сентября 1995 г. № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием»³; в п. 11 ст. 41 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»⁴; Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»), целевой прием есть одно из направлений реализации патерналистской политики во взаимоотношениях государства и образовательных учреждений: именно государство как основной регулятор развития экономики выступает в качестве основного заказчика кадров, необходимых для обеспечения новых направлений и наращивания темпов экономического развития. В широком смысле, весь объем контрольных цифр приема на обучение за счет средств федерального бюджета является базовым инструментом этого регулирования. Однако регулирование целевого приема — в первую очередь, законодательскими и административными методами — есть один из основных способов адресной государственной поддержки стимулирования и развития конкретных отраслей, государственных корпораций и предприятий. До 2012 г. основным актом, регулирующим отношения по целевой подготовке, было постановление Правительства РФ от 19 сентября 1995 г. № 942 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим и средним профес-

сиональным образованием»; сегодня таковым является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Современное академическое сообщество, вузы и государственные органы управления образованием признали действовавшие до 2019 г. механизмы государственной поддержки развития определенных отраслей экономики и образования неэффективными. Эксперты выявляют несколько причин такого положения дел.

1. Несовершенство системы правового регулирования взаимоотношений между сторонами договоров о целевом приеме и целевом обучении, то есть между предприятием-заказчиком, образовательной организацией, осуществившей прием и обучающей специалиста, и обучающимся (студентом и выпускником). Сегодня комплекс норм, составляющих институт целевой подготовки, регулирует как минимум три группы отношений: 1) между гражданином и заказчиком целевой подготовки; 2) между заказчиком и образовательной организацией; 3) между обучающимся и образовательной организацией. Для всех трех групп характерны различные прочтения и толкования (в свою пользу) норм законодательства, а также нарушение этих норм.

2. Отсутствие реального конкурсного отбора на зачисление по договорам о целевом обучении в различных, в том числе наиболее высокорейтинговых, вузах РФ. Отсутствует именно действующий механизм контроля за наличием конкурса: «в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации министерства образования совместно с отраслевыми министерствами и ведомствами ежегодно организуют целевой набор абитуриентов, при том, что специальные правила такого набора нормативно не закреплены, а на официальных сайтах имеются данные

² Нормативный акт не опубликован.

³ СЗ РФ. 1995 № 39, ст. 3777

⁴ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. ст. 1797.

о вузах, экзаменах и проходных баллах, упоминается о конкурсном отборе, но отсутствуют сами заранее известные всем критерии, по которым проводится конкурс и осуществляется набор лиц для целевого обучения» [4]. В результате целевой прием для вузов становится особым государственным обременением, вынуждающим зачислять на обучение студентов с проходными баллами, которые значительно меньше основных проходных баллов. Зачисление по целевому приему, таким образом, снижает общее качество приема, средний балл зачисленных, что, в свою очередь, ухудшает рейтинговые позиции вузов [5, 6].

Следует отметить, что «рассматривать обобщенные данные по данному вопросу крайне затруднительно, так как подавляющее большинство вузов не предоставляют информацию о результатах целевого приема в системном виде, позволяющем объективно оценить действие принципа конкурсного поступления при целевом наборе» [5, с. 38]. Однако на примере даже самых популярных и высокорейтинговых вузов, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга, мы можем констатировать значительное различие в проходных баллах по договорам о целевом обучении и проходных баллах по общему конкурсу. По данным проведенного нами сравнительного анализа баллов, которые публикуются в приказах о зачислении, в 2018 г. в НИУ МИЭТ минимальный проходной балл на такое популярное и высокорейтинговое направление подготовки, как «информатика и вычислительная техника» по целевому приему был равен 205; на направление «прикладная информатика» — 168 б. Вместе с тем минимальные баллы зачисленных по общему конкурсу в том же году таковы: на направление «информатика и вычислительная техника» — 228 б.; на «прикладную информатику» — 240 б. В Московском авиационном институте в 2018 г. проходные баллы на направление подготовки «инфокоммуникационные технологии и системы связи» по целевому приему со-

ставляли 197, по общему конкурсу — 228 б.; на направление подготовки «информационная безопасность» по целевому приему — 192 б., по общему конкурсу — 245 б.

Информационная закрытость, отсутствие четких механизмов регулирования делают целевой отбор открытым для злоупотребления со стороны работодателей, абитуриентов и вузов. Работодатели отмечают, что целевой прием — низкоэффективная мера решения кадровой проблемы, поскольку абитуриенты с низким качеством знаний, зачисленные на обучение, редко становятся ответственными студентами и либо отчисляются по неуспеваемости, либо заканчивают вузы, имея относительно невысокий уровень общих и профессиональных компетенций.

3. Третья, основная проблема механизма целевого приема заключается в том, что Постановление Правительства «О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении» от 27.11.2013 № 1076 не кодифицировало правовой механизм для привлечения обучающегося к выполнению своей части договора о целевом обучении, то есть к работе на соответствующем предприятии в период, указанный в договоре.

В 2016 г. Министерство образования и науки России провело мониторинг состояния целевой подготовки в вузах, регулируемой ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ и Правилами заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении, утвержденными Постановлением Правительства РФ «О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении» от 27.11.2013 № 1076. В отчете о мониторинге авторы фактически признают действующую модель целевого приема неэффективной, поскольку она не удовлетворяет кадровый голод в российской экономике. Авторы отчета отмечают: «Мониторинг

целевых договоров показал, что обязательства заказчика целевого приема и студента часто не только не выполняются, но и не устанавливаются договором. Так, более 51 % договоров не содержат мер социальной поддержки студентов, более 62 % договоров не устанавливают срок трудоустройства выпускников. В результате регионы и отрасли, направившие на обучение целевиков, зачастую не получают специалиста, на которого рассчитывают»⁵. Таким образом, вся концепция, вся идеология целевого приема (адресная государственная кадровая поддержка отдельных отраслей и предприятий), нивелировалась.

В рамках решения этой проблемы Государственной Думой принят Федеральный закон от 03.08.2018 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части совершенствования целевого обучения» (вступил в силу 1 января 2019 г.) [7]. Главной задачей этого нормативного акта является «доведение» выпускника до работодателя. Однако оценить эффективность введения в действие нормативных изменений можно будет только в 2021 г. для выпускников магистратуры и в 2023 г. для выпускников бакалавриата. Следующую проблему — низкое качество приема — новый закон не решает, как свидетельствуют данные приема в НИУ МИЭТ в 2019 г. Так, в соответствии с приказами о зачислении, в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого минимальный проходной балл на направление подготовки «энергетическое машиностроение» составлял 161, по общему конкурсу — 217 б.; на направление подготовки «ядерные реакторы и материалы» — 162 б., по общему конкурсу — 238 б. Как видим, качество приема по целевым договорам остается крайне низким.

Таким образом, мы можем заключить, что действующие сегодня механизмы госу-

дарственного регулирования приема в вузы РФ не являются однозначно эффективным инструментом реализации заказа государства на кадры для нового типа экономики, не решают в полной мере задачу реиндустриализации, импортозамещения.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо. 2018. 285 с.; Industrial Development Report 2016 / United Nations Industrial Development Organization. Текст: электронный. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf (дата обращения: 25.02.2020).
1. Елина Е. Г., Аникин В. М.. Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Изв. Саратов. ун-та. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 373—777. (Социология. Политология).
2. Аникин В. М. Целевое обучение как целенаправленная система деятельности / В. М. Аникин, Б. Н. Пойзнер, Э. А. Соснин // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 35—49.
3. Путило Н. В. Целевой прием в вузы: история, вопросы и новые перспективы // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2016. Т. 11. С. 30—50.
4. Бакулина С. С. Целевой прием в современных условиях / С. С. Бакулина, Е. А. Музыченко, В. Е. Черноскутов // Высшее образование в России. 2011 № 8, 9. С. 14—22.
5. Малеина М. Н. Договоры о целевом приеме и целевом обучении // Lex Russica. 2015. № 7. С. 71—77.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования целевого обучения: Федеральный закон от 03.08.2018 № 337-ФЗ; принят Гос. Думой 25.07.2018. Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://wwwpublication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808040004> (дата обращения: 04.08.2018).

Поступила 16.02.2020

Добрынина Мария Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), marin709@rambler.ru

⁵ Новости Министерства. Текст: электронный // Министерство образования и науки Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/press-center/index.php> (дата обращения: 02.08.2018).

References

1. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revolyucija: per. s angl. M.: Jeksmo. 2018. 285 s.; Industrial Development Report 2016 / United Nations Industrial Development Organization. Tekst: jelektronnyj. URL: https://www.unido.org/sites/default/files/2015-12/EBOOK_IDR2016_FULLREPORT_0.pdf (data obrashhenija: 25.02.2020).
2. Elina E. G., Anikin V. M.. Celevoe obuchenie: social'nye riski i ih preodolenie (Purpose Education: Social Risks and Their Overcoming) // Izv. Sarat. un-ta. 2018. T. 18. Vyp. 4. S. 373—777. (Sociologija. Politologija).
3. Anikin V.M. Celevoe obuchenie kak celenapravlenaja sistema dejatel'nosti / V.M. Anikin, B.N. Pojzner, Je.A. Sosnin (The Contract Education as a Goal-oriented System of Activity) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 3. S. 35—49.
4. Putilo N. V. Celevoj priem v vuzy: istorija, voprosy i novye perspektivy (Target enrollment in high school: history questions and new perspectives) // Ezhegodnik Rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva. 2016. T. 11. S. 30—50.
5. Bakulina S. S. Celevoj priem v sovremennyh uslovijah / S. S. Bakulina, E. A. Muzychenko, V. E. Chernoskutov (Purpose entry in modern conditions) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2011 № 8, 9. S. 14—22.
6. Maleina M. N. Dogovory o celevom prieme i celevom obuchenii (Contracts for employer-sponsored admittance and employer-sponsored education) // Lex Russica. 2015. № 7. S. 71—77.
7. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovanija celevogo obucheniya: Federal'nyj zakon ot 03.08.2018 № 337-FZ: prinjat Gos. Dumoj 25.07.2018. Tekst: jelektronnyj // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808040004> (data obrashhenija: 04.08.2018).

Submitted 16.02.2020

Dobrynina Maria V., Candidate of Political Sciences, associate professor of Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), marin709@rambler.ru

Ученики В.И. Невского — участники издательского проекта Горького «История фабрик и заводов»

Е.Н. Никитин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Nikitin18@yandex.ru

Рассмотрены факты участия в издательском проекте Горького историков, учеников В.И. Невского — П.И. Анатольева, В.З. Зельцера и П.П. Парадизова. Приведены документы из архива ГАРФ, свидетельствующие о редактировании книги «История Московского инструментального завода» П.И. Анатольевым и подготовке руководимой им группой к печати материалов по истории завода «Серп и молот», Московско-Казанской железной дороги, шахты имени Ильича. Собрана информация о создании книги «История Трехгорной мануфактуры» В.З. Зельцером и П.П. Парадизовым и их аресте. На основании анализа фактов работы издательства «История фабрик и заводов» сделан вывод: трагическая гибель участников проекта явилась причиной невыхода из печати редких исторических книг.

Ключевые слова: Горький, Анатольев, Зельцер, Парадизов, история фабрик, история заводов, издательский проект.

Apprentices of V. I. Nevsky — participants of Gorky's publishing project «History of factories and plants»

E.N. Nikitin

A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences

Nikitin18@yandex.ru

Author has considered the facts of participation of historians in Gorky's publishing project, V. I. Nevsky's apprentices — P. I. Anatolyev, V. Z. Zeltser and P. P. Paradizov. There are documents from the GARF archive, which show that P. I. Anatolyev edited the book «History of the Moscow tool factory», and the group led by him prepared for publication the data on the history of the «Hammer and Sickle» plant, the Moscow-Kazan railway, and the Ilyich mine. The author has collected information about the creation of the book «History of the trekhgornaya manufactory» by V. Z. Zeltser and P. P. Paradizov and their arrest. Based on the analysis of the facts of the publishing house «History of factories and plants» the conclusion is made: the tragic death of the project participants was the reason for the non-publication of rare historical books.

Keywords: Gorky, Anatolyev, Zeltser, Paradizov, factories history, plants history, publishing project.

По предложению Горького Центральный комитет ВКП(б) 10 октября 1931 г. принял постановление о начале создания серии сборников «История заводов» и утвердил состав главной редакции: Горький, В.В. Ива-

нов, Л.М. Каганович, А.В. Косарев и др. «Сборники эти, — говорилось в постановлении ЦК ВКП(б), — должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение

рабочих до революции, формы и методы эксплуатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия» [1, с. 374].

Для решения поставленной задачи создано издательство «История фабрик и заводов». О значительном штате сотрудников издательства дает представление следующий документ:

«Приказ № 1
по Секретариату Гл. редакции "Истории ф-к и з-ов".
1 января 1934 года.

§ 1.

Установить следующие штаты, номенклатуру должностей и оклады жалования Секретариата Гл. редакции "ИФЗ" с 1/1—34 г.:

1. Ответс. секретарь редакции	— Авербах Л.Л.	— 450 руб.
2. Зам. " " "	— Тихонов А.Н.	— 500 "
3. Стар. редактор-консультант	— Шушканов Н.Г.	— 450 "
4. " " "	— Грузинский Я.И.	— 450 "
5. Редактор-консультант	— Зельцер В.З.	— 300 "
6. " " "	— Гайсинович А.И.	— 350 "
7. " " "	— Анатольев П.И.	— 300 "
8. " " "	— Симхович М.Г.	— 300 "
9. " " "	— Кубланов И.И.	— 300 "
10. " " "	— Локс К.Г.	— 300 "
11. " " "	— Злотников М.Ф.	— 300 "
12. " " "	— Горев Б.С.	— 250 "
13. " " "	— (вакансия)	— 300 "
14. " " "	— "	— 300 "
15. Старш. научный сотрудник	— Грекулов Е.Ф.	— 300 "
16. " " "	— Лукомская И.М.	— 250 "
17. " " "	— Бухина В.А.	— 250 "
18. " " "	— Лаврова А.А.	— 250 "
19. Литературный редактор	— (вакансия)	— 300 "
20. " " "	— "	— 300 "
21. Старш. инстр. по мас. работе	— "	— 300 "
22. Ответ. секретарь по бюллетеню	— Кунин И.Ф.	— 300 руб.
23. Секретарь редакции	— Петрова А.П.	— 250 "
24. Архивариус	— Мальцова С.В.	— 250 "
25. Стенографистка	— Чертова Т.Г.	— 175 "

§ 2.

Редактор-консультант т. Паялин освобождается от работы в Гл. редакции "ИФЗ" с 1 января 1934 г.

§ 3.

Редактор-консультант т. Плуглов освобождается от работы в Гл. редакции "ИФЗ" с 1 января 1934 г. <...>

Зам. отв. секретаря Я. Грузинский» [2].

В коллектив редакции издательства «История фабрик и заводов» входили историки, члены кружка, которым руководил участник революционного движения с 1895 г., член РСДРП с момента ее образования, первый

директор главной библиотеки страны — Владимир Иванович Невский (настоящее имя — Феодосий Иванович Кривобоков). Назовем членов кружка: П.И. Анатольев, В.З. Зельцер и П.П. Парадизов. Расскажем о них.

Павел Ильич Анатольев родился 28 сентября (10 октября) 1897 г. в Екатеринославе в семье разносчика пива. По окончании реального училища работал статистиком в земстве. В июне 1917 г. вступил в Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). В 1919 г. стал членом РКП(б). Был политработником в Красной Армии. Редактировал партийные газеты в Житомире и Екатеринославе. Работал в издательствах «Пролетарий» (Харьков) и «Молодая гвардия» (Москва). После окончания историко-экономического отделения Института народного образования был аспирантом отделения новой русской истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в 1925—1929 гг. С 1930 г. научный сотрудник и секретарь парткома Института истории Коммунистической академии. Одновременно преподавал в 1-м МГУ и в Академии коммунистического воспитания.

Книгу «Кормчий Октября: О Ленине в Октябрьские дни» (Харьков: Пролетарий, 1925. Редакция Н.Н. Попова.) составил П.И. Анатольев. В личной библиотеке Горького хранятся воспоминания писательницы В.И. Дмитриевой «Так было» (М.; Л.: Молодая гвардия, 1930). Предисловие к воспоминаниям написал П.И. Анатольев. Книга вышла в серии «Революционное движение в России в мемуарах современников», редакторами были В.И. Невский и П.И. Анатольев. В той же серии вышли: «Записки рядового большевика» П.Н. Тарасова, с примечаниями П.И. Анатольева и Н.А. Бухбиндера, 1930 г.; воспоминания лидера эсеров Г.А. Гершуни «Из недавнего прошлого», 1928 г.; «Записки чайковца» С.С. Синегуба, 1929 г.; — мемуары анархиста-коммуниста Д.И. Ермаковского «Туруханский бунт», 1930 г. В 1931 г. опубликованы воспоминания: ученого-химика А.Н. Баха «Записки народовольца»; бывшего председателя Одесского комитета РСДРП А.П. Березовского «Драма в Тендеровской бухте: 1905 г. Восстание на броненосце “Потёмкин”»; старейшего члена РСДРП В.В. Бибинейшвили «За четверть века: Революционная борьба в Грузии»;

рабочего-печатника В.Г. Лившица-Филинского «Революция и реакция: Записки участника событий 1905 г.»; журналиста Н.А. Самойлова «“Самарский вестник”: Из истории марксистской журналистики». Под редакцией В.И. Невского и П.И. Анатольева в 1930 г. в издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев вышли книги: «Далекое и недавнее» О.С. Любатович; «Воспоминания» Л.А. Тихомирова. П.И. Анатольев также является автором статей: «К истории закрытия журнала “Отечественные записки”» (Каторга и ссылка. 1929. № 8/9), «Из террористической практики народовольцев второго призыва» (Каторга и ссылка. 1929. № 12), «Из истории марксистской и рабочей печати в России (80-е годы)» (История пролетариата СССР. М., 1931. Сб. 6), «Маркс и первые шаги рабочего движения в России» (История пролетариата СССР. М., 1933. Сб. 1/2), «Общество переводчиков и издателей: К истории марксизма в России» (Каторга и ссылка. 1933. № 3), «Новые задачи научно-исследовательских институтов истории» (История в средней школе. 1934. № 2), «Об изучении истории фабрик и заводов» (1-я областная конференция историков-марксистов ЦЧО (25—27 ноября 1933 г.). Воронеж, 1934), «Первые московские рабочие-революционеры (70-е — 80-е годы XIX в.)» (Борьба классов. 1934. № 7/8), «I Интернационал и царское правительство» (Борьба классов. 1934. № 10).

Одновременно с преподаванием и работой в Институте истории П.И. Анатольев выполнял работу редактора-консультанта в издательстве «История фабрик и заводов».

31 декабря 1934 г. издательство послало на рассмотрение писателю В.В. Иванову ряд материалов, в том числе:

«Рукописи:

1. Трехгорка (Зельцер, Парадизов).
2. Ковалевский (Трехгорка).
3. А. Яковлев (Кр. Сорново).
4. М. Лёвберг (Кр. Путиловец).
5. Г. Никифоров (Мастера).
6. Серп и молот (4 главы).

7. В. Кушнер (схема глав по истории Магнитостроя)» [3].

Писатель В.А. Ковалевский материалы, собранные для «Истории фабрик и заводов», использовал в книге «Хозяин Трех Гор: Повесть о возникновении Трехгорной мануфактуры в Москве» (М.: Московский рабочий, 1947).

Прозаик А.С. Яковлев (настоящая фамилия Трифионов-Яковлев) роман о заводе «Красное Сормово», видимо, не окончил, в свет он не вышел. Возможно, собранные им материалы были использованы в работе А.И. Парусова и П.И. Шульпина «100 лет завода “Красное Сормово” им. А.А. Жданова. 1849—1949» (Горький: Горьковское областное государственное издательство, 1949).

В июне 1934 г. Горький написал А.Н. Тихонову, работавшему в то время заместителем ответственного секретаря редакции издательства «История фабрик и заводов»:

«Дорогой Александр Николаевич,

текст “Истории Путиловского завода”, написанный М. Лёвберг, требует редактора, но Либединский на эту роль явно не пригоден, его “включения” имеют характер фельетонный и совершенно неуместны. Кроме того, он читает текст невнимательно, а там, где соблаговолил прочесть, придирчиво ставит мелочные и раздражающие поправки.

На эту книгу необходим другой редактор, немножко знающий историю роста промышленности, — если сама Лёвберг откажется внимательно пересмотреть текст ее» [4, с. 64].

Писательница М.Е. Лёвберг «внимательно пересмотреть текст» своей работы не смогла. Она умерла в Ленинграде 12 сентября 1934 г. Возможно, собранные ею материалы использовали Б.Д. Глебов, М.И. Мительман и А.Г. Ульянинский — авторы книги «История Путиловского завода» (М.; Л.: Соцэкгиз, 1939).

Над историей московского металлургического завода «Серп и молот», как сказано в «Списке писателей и историков, прикрепленных редакцией “Истории заводов” к московским заводам», работали: один из старейшин литературного цеха В. Бахметьев и «ряд молодых писателей: Гудков, Ясенев, Русин и рабочий-литударник И. Михайлов», а также

историки и экономисты: «А. Панкратова, Соколовская, В. Меллер, А. Гайсинович, Мартов, Бабун, Е. Драбкина, Коняев» [5]. Издательство в помощь авторскому коллективу выпустило брошюру «Программа по истории завода “Серп и молот”» (б. “Гужон”)» (М., 1933). Но история завода «Серп и молот» в свет так и не вышла.

Ответственным за подготовку книги об истории строительства металлургического комбината в Магнитогорске от Главной редакции издательства «История фабрик и заводов» был назначен Л.Л. Авербах [6]. В 1934 г. бывшего главу РАППа направили в Свердловск (фактически это была ссылка), где он стал парторгом Уралмаша, а затем секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б) Свердловской области. В 1937 г. Л.Л. Авербаха арестуют и расстреляют. Возможно, из-за указанных выше обстоятельств история Магнитостроя в свет не вышла.

Только две первые главы романа Г.К. Никифорова «Мастера» вышлют В.В. Иванову. Полностью, в двух книгах, роман выпустит Гослитиздат в 1936—1937 гг., 13 января 1938 г. писателя арестуют, а через два с половиной месяца, 2 апреля, расстреляют [7, с. 297].

На обсуждении рукописей Г.К. Никифоров скажет: «Те документы, о которых сообщила тройка, — я о них знал. Месяцев шесть я копался в материалах, которые у меня есть, а если бы еще документы проверять, мне пришлось бы в Архиве Революции работать (*с места*: оно не вредно)... Я знаю, но спасибо, — еще полгода копаться (*Анатольев*: а мы так работаем)... И работайте, а я так не хочу. Когда был разговор прежде, вы не спрашивали: а это исторически точно, или не точно, есть отступления, или нет? Всё экзотика и т.д. — всё это прекрасно, но я взял другой план — план портрета рабочих, которые там были (т. *Анатольев*: и Яковлев так делает, но он материалом пользуется)... Я не знаю, что делать дальше. Дальше работать я лично не буду — я прямо заявляю. <...> У меня из нее (работы — *примеч. автора*) ничего не вышло. <...> А так как я срамиться не хочу, то я дальше продолжать работу не буду (*Анатольев*: это — отступление, а большевики не боятся трудностей)» [8].

Затем слово предоставят П.И. Анатолеву. Он скажет:

«Самым радостным для каждого советского художника, в том числе, конечно, для члена партии, — является выполнение решения нашего ЦК, а ЦК решил, как вы знаете, и мы должны претворить это в жизнь — написать истории заводов. Дана директива, что нужно дать высококачественную, высокохудожественную работу, которую бы читали десятки наших советских рабочих (с места: мало!)... десятки, десятки тысяч, но есть работы, которые будут читать миллионы.

Когда мы подходим с этой точки зрения к тем работам, которые представлены, то мы должны сказать, что мы имеем определенные достижения за последние годы. Я, как читатель, с большим удовлетворением следил за тем, что мы получили от ряда авторов.

Когда я получил работы т.т. Ковалевского и Яковлева, то мне пришлось отметить, что значительно продвинулись и продвигаемся вперед в разрешении тех задач, которые поставлены перед нами ЦК» [9].

Процитированная стенограмма датируется январем 1935 г. Примерно в то же время выпущено Распоряжение № 51 (документ не имеет даты), в котором сказано:

«1. Окончательное редактирование книг, идущих в производство, читку гранок и листов поручить редакторам-консультантам (с указанием их фамилий на титульном листе):

“История Моск. INSTR. з-да” — т. П. Анатолев.

“Кр. Перекоп” — В. Зельцер.

“Трехгорная” — А. Тихонов.

2. Читку рукописи перед набором, гранок и листов “Былей горы Высокой” поручить т.т. Гайсиновичу (историческое редактирование) и Кубланову (литературное).

На титульном листе указать редактором одного из членов редкомиссии книги» [10].

Из названных в Распоряжении в свет вышли две истории — написанная авторским коллективом (В. Апресян, Н. Карталов, Г. Михневич, В. Перцов, Н. Старжинский, С. Черняк) «История Московского инструментального завода» (М., 1934; на титульном

листе напечатано: «Под редакцией Б. Ратнер», на последней странице сказано: «Редактор П. Анатолев») и история фабрики «Красный Перекоп» под названием «Волжские ткачи». Последняя книга состоит из двух частей: первая написана Н.П. Паялиным, вышла в 1936 г.; вторая написана В.Ф. Федоровичем, вышла в 1935 г. На титульных листах обеих частей напечатано: «Под редакцией Ф. Самойлова», также сказано, что издательским редактором первой части является Е.Л. Гольдич, второй — Я.И. Грузинский.

В коллектив из трех человек, возглавляемый П.И. Анатолевым, входили Иосиф Филиппович Кунин и Изольда Мейеровна Лукомская. Сохранились протоколы совещаний группы П.И. Анатолева: № 1 от 3 января 1935 г. и № 3 от 26 января 1935 г. В Протоколе № 1 сказано:

«Присутствуют т.т. Анатолев, Кунин, Лукомская.

По сообщению т. Анатолева о состоянии работ по объектам “Серп и молот”, Мос.-Каз. ж. д., шахта им. Ильича, ростовский Лензавод (ж.д. мастерские), после обмена мнений приняты следующие решения:

<...>

2. Поручить т. Анатолеву представить к следующему заседанию план сборника портретов рабочих и считать целесообразным выезд т. Анатолева в конце января — начале февраля в Ростов для выяснения вопроса об авторах истории на месте» [11].

Приведем и текст Протокола № 3:

«Присутствуют т.т. Анатолев, Кунин, Лукомская.

Слушали:

1. Отзывы и замечания всех членов группы на рукопись “Искры” т.т. Бусыгина и Шумного из истории ростовского Лензавода (1902–1905 гг.).

Постановили:

1. Поручить т. Кунину составить ко 2 февраля сводный отзыв, учтя прения и пометки т. Анатолева на полях рукописи.

Слушали:

2. Отзывы членов группы на план-программу по истории ростовского Лензавода.

Постановили:

2. Поручили т. Лукомской составить ко 2 февраля сводный отзыв. <...>

Слушали:

3. План статьи т.т. Лукомской и Кунина о работе над историей ж. д. по опыту М.-Казанской ж. д.

Постановили:

3. Предложить т.т. Лукомской и Кунину предоставить ко 2 февраля окончательно отработанный с учетом замечаний т. Анатоляева план для передачи его в редакцию “Истории пролетариата”.

Слушали:

4. О рецензировании рукописи т. Яковенко (1-й т. Истории шахты “Ильич”).

Постановили:

4. Поручить т. Анатолюеву закончить рецензирование ко 2 февраля; не позднее 27.I телеграфировать об этом т. Яковенко; подготовить для Шушканова письмо во Всеукраинскую редакцию.

Слушали:

5. О передаче на рецензию т. Круть рукописи т. Радченко по истории Горловки.

Постановили:

5. Передать не позднее 27.I.

Слушали:

6. О выполнении протокола от 17.I.

Постановили:

6. Поручить т. Кунину обеспечить выполнение оставшихся невыполненными пунктов ко 2 февраля» [12].

Последний по хронологии документ в архиве издательства «История фабрик и заводов», где говорится об П.И. Анатолюеве, это Распоряжение № 72 от 5 февраля 1935 г., подписанное секретарем редакции Н.Г. Шушкановым. Оно гласит: «Редактора-консультанта Анатолюева отстранить от работы в редакции с 3-го февраля» [13]. К моменту выпуска этого документа Анатолюев уже несколько суток находился за решеткой. Причиной его ареста в определенной мере стало событие, произошедшее в Ленинграде 1 декабря 1934 г. В этот день в Смольном Л.В. Николаев застрелил С.М. Кирова. Убийство первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) И.В. Сталин

использовал как повод для начала уничтожения своих политических оппонентов. Первыми, в декабре 1934 г., были арестованы Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Затем настала очередь В.И. Невского. Но сначала за решетку посадили его учеников. Н.А. Артизов пишет: «В Москве в ходе фабрикации дела о “контрреволюционной группе В.И. Невского” органы НКВД арестовали 12 января 1935 г. научного сотрудника Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б) А.С. Бернштейна, 2 февраля — ведущих сотрудников группы по истории пролетариата Института истории Комкадемии П.И. Анатолюева и П.П. Парадизова» [14, с. 37]. До ареста с В.И. Невским решили побеседовать в Комиссии партийного контроля. Л.М. Коваль, автор книги «В.И. Невский. Директор главной библиотеки страны», пишет:

«Начало февраля 1935 г. В.И. Невского вызывают на партколлегия КПК. Допрос вели секретарь партколлегии ЦКК партии М.Ф. Шкирятов и Е.М. Ярославский, член президиума и секретарь ЦК ВКП(б) в 1923—1934 гг. Владимир Иванович Невский обвинения отрицает. Дает высокую оценку своим ученикам — ученым П.П. Парадизову и П.И. Анатолюеву. Постановлением партколлегии Невский был исключен из ВКП(б) с формулировкой “как участник групповых антипартийных разговоров, направленных против партии и ее руководства”.

15 февраля 1935 г. протокол партколлегии был переписан с формулировкой об антипартийной работе на протяжении ряда лет. Одновременно с этим собирались свидетельства против В.И. Невского. Л.Б. Каменев, в частности, обвинял его в защите необходимости свободы мнений и свободы критики; в том, что он, якобы, еще в 1934 г. предсказал голод в деревне, распад колхозов и неэффективность колхозного строительства; держал на работе в Библиотеке антисоветски настроенных людей; выступал в защиту репрессированных; рассказывал на митинге в Библиотеке о смерти Куйбышева не так, как было освещено в газетах; восхвалял народовольцев и декабристов; в том, что, по мнению В.И. Невского, Сталин не внес

ничего самостоятельного в развитие теории Ленина» [15, с. 225—226].

Арестовали В.И. Невского в ночь на 20 февраля 1935 г. Через два с половиной месяца, 5 мая, Особое совещание при НКВД за руководство антипартийной группой приговорило историка, партийного и государственного деятеля к пяти годам исправительно-трудовых лагерей и такое же наказание определило П.И. Анатольеву и П.П. Парадизову. В апреле 1937 г. В.И. Невского вторично привлекли к уголовной ответственности. Его этапировали из Суздальского исправительно-трудового лагеря в Бутырскую тюрьму. Следствие было недолгим. 25 мая 1937 г. состоялось закрытое совещание Военной коллегии Верховного суда СССР. На нем В.И. Невский, отрицая свою вину, заявлял, что признательное показание на следствии из него было «выбито», он снова защищал своих учеников. Но приговор суда (если данное совещание можно назвать судом) был заранее предопределен: высшая мера наказания. На следующий день историк и государственный деятель В.И. Невский был расстрелян.

Менее чем через месяц, 19 июня, та же Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к расстрелу его учеников — П.И. Анатольева и П.П. Парадизова.

Теперь расскажем о Петре Павловиче Парадизове. Он родился 13(26) января 1906 г. в селе Людиново Жиздринского уезда Калужской губернии. Отец историка был сельским фельдшером, мать — медицинской сестрой. В феврале 1920 г. молодой человек вступил в комсомол, в июне 1926 — в партию большевиков. По комсомольской путевке в 1922 г. он был направлен на учебу в Москву, где поступил в Институт гражданских инженеров. В 1924 г. перевелся в Академию коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской, которую экстерном окончил в 1925 г. На следующий год П.П. Парадизов, с работой «II Интернационал», поступил в аспирантуру Института истории РАНИОН. В 1930 г. окончил аспирантуру по специальности «История народов СССР эпохи промышленного капитализма». Печататься начал в 1928 г. (см.: [16, с. 252]). П.П. Парадизов был любимым уче-

ником В.И. Невского. Историк и государственный деятель, Невский в одном из писем сказал Петру Павловичу: «У Вас есть “божественный огонь”, поэтому работайте, работайте, работайте. Простите меня, что читаю Вам как бы нотации. Но Вам предстоит еще долгая жизнь» (цит. по: [15, с. 186—187]). Относительно долгой жизни Владимир Иванович ошибся, в остальном был прав.

Много сил П.П. Парадизов отдавал педагогической и общественной деятельности. Еще учась в вузах, он преподавал историю в школах и на рабфаках (1923—1926 гг.), на историко-этнологическом факультете 1-го МГУ (1928—1930 гг.), а с 1930 по 1931 г. — в Воронежском университете. По возвращении в Москву молодой ученый с 1932 по 1935 г. работал в Институте истории Коммунистической академии, одновременно являясь главным библиотекарем отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина и заместителем ответственного редактора научного издания «Литературное наследство». С.А. Макашин, один из организаторов этого авторитетного издания, вспоминал: «Вызывая в памяти из дымки далекого прошлого образ Петра Павловича Парадизова, прежде всего отчетливо видишь две черты, определяющие его личность и характер. Это, во-первых, всегда присущий ему высокий регистр духовной жизни, мысли. И это, во-вторых, удивительная, доходившая до аскетизма, скромность в быту, в личном и общественном» [17, с. 4]. В период учебы в Институте гражданских инженеров П.П. Парадизов избирался ответственным секретарем ячейки ВЛКСМ и депутатом Бауманского районного Совета. Позднее историк работал агитатором ЦК ВКП(б), консультантом историко-революционного отдела газеты «Правда».

Несмотря на большую загруженность, Петр Павлович принял участие в проекте Горького. Этапы его работы прослеживаются по документам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации. В одном из них, озаглавленном «Книги по “Истории заводов”, выходящие в 1932 году», сказано, что центральная редакционная комиссия

истории Надеждинского завода состоит из четырех человек: Т.С. Кривов (главный редактор), Л.Л. Авербах, Л.Н. Сейфулина, П.П. Парадизов, что заводским редактором является Крайнов, шефствующим органом — газета «Уральский рабочий» [18]. Других документов, свидетельствующих об участии П.П. Парадизова в работе над историей Надеждинского завода, мы в архиве не обнаружили. Однако удалось найти несколько документов, рассказывающих об участии историка в создании «Истории Трехгорной мануфактуры». В первом из них — «Списке писателей и историков, прикрепленных редакцией “Истории заводов” к московским заводам» — сказано, что «Историю Трехгорной мануфактуры» вместе с писательницей А.А. Караваевой будут составлять историки: О.Н. Чаадаева, П.П. Парадизов, М.К. Рожкова, В.З. Зельцер, Д.В. Антошкин, С.М. Лапицкая [19].

Следующий документ — «Список заводов, история которых должна быть написана в 1932 г.». В нем указано, что Центральная редакционная комиссия «Истории Трехгорной мануфактуры» состоит из пяти человек: А. Гусев (главный редактор), О.Н. Чаадаева, П.П. Парадизов, А.А. Караваева, Рыльский (редактор «Легкой индустрии»). Заводским редактором является Соловьёв (культпроп), шефствующим органом — газета «Легкая индустрия» [20]. В архиве сохранилось еще три документа с названием «Список заводов, история которых должна быть написана в 1932 г.». Все Списки не имеют даты. В первом Списке рядом с фамилией А. Гусева вписана еще одна — Седят, фамилия Рыльский зачеркнута и вместо нее вписана другая — Кузьмин [21]. Во втором Списке зачеркнуты фамилии Рыльский и Соловьёв, к членам комиссии добавлен З.Я. Литвин-Седой [22]. В третьем Списке указаны сроки сдачи рукописи «Истории Трехгорной мануфактуры». Для первого тома монографии — 1 января 1932 г. Для второго тома — 1 марта того же года [23].

В архиве сохранилась машинописная записка «О состоянии работы по истории заводов на отдельных предприятиях. Предприятия первой очереди (1932 г. издания)». В ней сказано:

«В авторскую группу по истории Трехгорки входят: т.т. Парадизов, Зельцер, Антошкин, Марголина, Шелехов, Лапицкая.

Закончен сбор материалов по истории фабрики до 1917 г. по следующим вопросам: производство, рынок, социальный состав рабочих, зарплата, быт рабочих. Проработан материал по истории парторганизации до реконструктивного периода, история революционного движения — по Октябрь, сделана работа по истории 1905 года. Вышла монография “Женщина на социалистической стройке”. Проведены ряд массовых мероприятий (массовая экскурсия на те места, где до 1917 г. собирались революционные рабочие фабрики). Ниже карандашом приписано: «Срок сдачи книги 1 ноября». На полях сделана помета: «Плохо со 2-м томом, разработан не весь материал и находится в состоянии, которое требует много работы» [24].

В мае 1933 г. Горький прочитал рукопись первого тома и высказал свое мнение о ней: «Читана ли эта рукопись рабочим “Трехгорки” и — вообще принимали ли они участие в работе по истории их фабрики? Но, если принимали и даже одобрили рукопись Зельцера, Парадизова, Рожковой — все-таки эта работа не очень удачна и требует значительных исправлений» [25, с. 214]. Том был доработан. О нем в «Календаре поступления рукописей» сказано: «Получена 20 января (вероятно, 1934 г. — *примеч. автора*). Находится на редактировании» [26].

Отвечал за ход авторской и редакционной работы, за выпуск монографии в свет А.Н. Тихонов. Эта обязанность на него была возложена Распоряжением № 2 от 9 января 1934 г. по секретариату Главной редакции «Истории фабрик и заводов», подписал документ ответственный секретарь Главной редакции Я.И. Грузинский [27].

31 декабря 1934 г. редакция «Истории фабрик и заводов» послала В.В. Иванову рукопись первого тома «Истории Трехгорной мануфактуры». В «Описи посылаемого материала Вс. Иванову» указаны авторы монографии. Их осталось только двое: В.З. Зельцер и П.П. Парадизов [3]. Петр Павлович к этому

времени значительную часть этой своей работы опубликовал.

Отметим, в марте 1934 г. изменилось функциональное назначение сборников «История заводов», после того как за подписью секретаря их редакции Н.Г. Шушканова вышло Распоряжение № 18:

«По предложению т. М. Горького сборник “История заводов” превратить в бюллетень информационного и методического характера, рассчитанный на систематическую помощь авторам “Истории заводов” и их активное участие в бюллетене. Для своевременного и полного обеспечения авторских коллективов бюллетень распространять среди авторов бесплатно по утвержденному списку. Остальная часть тиража распространяется через Книгоцентр.

Редакционная коллегия упраздняется. Редактором бюллетеня является тов. М. Горький» [28].

11 декабря 1934 г. ведущий журналист Давид Заславский поместил в «Правде» статью «Москва старая и новая», в которой говорилось: «Предпринятая по почину А.М. Горького “История заводов” уже подняла вековые пласты старой Москвы... В “Истории пролетариата СССР”, в сборниках “Истории заводов”, в книге “16 заводов” — на основе разработанных архивных материалов (т. М. Рожкова), на основе воспоминаний старых рабочих — напечатаны яркие, содержательные очерки о старой “Трехгорке”. Они восстанавливают угол старой Москвы в подлинном ее виде, не приукрашенной, не сусальной, заполненной и картинами горькой жизни трудового люда среди грязи и вони, и картинами героической борьбы московских рабочих за власть в своей стране, в своем городе. В этой области работает ряд исследователей (т.т. Зельцер, Антошкин, Горожанкина) и надо в особенности отметить работы т. П. Парадизова». Первый том «Истории Трехгорной мануфактуры» уже находился в типографии, однако в свет он не вышел — из-за того, что в ночь со 2 на 3 февраля 1935 г. П.П. Парадизова арестовали. Судьбу его, как уже было сказано выше, решило Особое совещание при НКВД.

Приведем текст письма Парадизова жене в период отбывания срока заключения в Челябинском политизоляторе. Оттуда 31 мая 1935 г. он написал:

«Ну, здравствуй, родная Катя!

Вот я уж и прибыл в Челябинск. Прибыл ввечеру 29 мая. <...> Обо мне право же не стоит тревожиться, здоров и есть все необходимое для поддержания растительного существования: и сухой кров, и одежда, и еда, и прогулка (целых три часа в день).

Рассмотрел все, что Ты собрала мне в мой неожиданно дальний и долгий путь: за все я, конечно, благодарю. Знаешь, родная, не столько материальная полезность вещей важна (хотя и она архи важна), сколько те чувства, с которыми все эти мелочи жизненных удобств подбиралась. <...>

Здесь разрешены газеты, журналы и даже книги... Пока ничего из книг мне не надо — некоторое время я еще не буду способен к серьезному интеллектуальному труду, а там посмотрим. Кстати, я слышал, что в издательстве “Academia” вышел Достоевский с моей вступительной статьей. Издательство обязано выдать мне два экземпляра книги. Так Ты получи их <...> Достань также два экземпляра “Лит. наследства” Пушкинской книжки. Они же должны дать. Ведь все-таки я до последнего времени был Зам. отв. редактора этого журнала и немало возился с ним. “Лит. наследство” сохрани у себя. <...>

“История Трехгорной мануфактуры” т. 1-й, о выходе которого в “скором времени” дважды сообщалось в свое время в “Правде”, теперь, конечно, едва ли увидит свет. А право жаль: сняли бы мою фамилию из состава авторов и редакторов — и можно было бы выпустить эту уже сверстанную книгу. Тем более, что принадлежащие мне там 6 печ. листов были уже ранее напечатаны в исторических журналах по частям и заслужили, быть может, даже несколько неумеренную похвалу в “Правде” от 11/ХІІ-34 г. (в фельетоне, кажется, Заславского). Ты знаешь, я не честолюбив и не корыстолюбив (да и должны мне в “Истории заводов” гроши), и если сожалело о невыходе этой книги, то потому, что она была бы небесполезным делом в деле создания истории Пролетариата нашей страны. <...>

Собравшиеся у меня за годы копии архивных материалов по XVIII и XIX в. очень прошу сохранить. Ибо, повторяю, не могу верить, что я навсегда кончен для дела партии и науки.

Жить оставайся, конечно, в Москве — в этом городе у Тебя и комнатуха и работу достать все-таки легче, чем где бы то ни было; в нем, наконец, мы встретились» (цит. по: [29, с. 239—241]).

Но прожить в Москве Екатерине Викторовне пришлось не долго. В конце октября 1936 г. прервалась переписка с мужем, из-за того, что в отношении П.П. Парадизова было возбуждено новое уголовное дело. В 1937-м начались обыски. Затем последовала высылка из столицы. Жена историка вспоминала: «Измученная обысками, я как-то безразлично отнеслась к объявленной мне высылке из Москвы. Не помню, сколько дней было дано на сборы. Помню лишь, что выдали подъемные — слишком мизерную сумму, чтобы броситься в неизвестность, в далекие оренбургские степи... В милиции у меня отобрали паспорт и выдали билет до Бугуруслана. Из Москвы отправлялся целый состав — в большинстве своем женщины и дети... В Бугуруслан прибыли поздней ночью. Маленький полустанок — и ни одной души. Пассажиры, вышедшие из этого поезда, были я, Марта и Наташа (дочери историка. — *примеч. автора*). Утром мне дали подписать бумагу о том, что я буду проживать здесь до особого распоряжения и обязана раз в неделю отмечаться в отделении НКВД. Я отмечалась там 468 раз» (цит. по: [29, с. 250]). Как ни старалась Е.В. Парадизова, она так и не смогла выяснить судьбу мужа и узнать точную дату его гибели. Ей выдали свидетельство о смерти П.П. Парадизова, в котором было сказано, что он умер 30 октября 1940 г. (в действительности историка расстреляли 20 июня 1937 г.). Последние годы Екатерина Викторовна вместе с дочерьми проживала в Киеве.

Теперь перейдем к биографии Владимира Зельмановича Зельцера. Он родился 4(17) августа 1905 г. в городе Вознесенске Херсонской губернии в семье управляющего

заводом. Окончил Николаевское коммерческое училище, затем, в 1920—1921 гг., обучался в Николаевской профтехшколе. В 1921 г. вступил в ряды ВЛКСМ. В 1922—1925 гг. преподавал историю и экономику в Николаевской совпартшколе. С мая 1925 по февраль 1926 г. — научный сотрудник и член бюро Николаевского отделения Истпарта, одновременно заместитель заведующего политическим просветотделом Николаевского окружкома ЛКСМУ. С февраля 1926 по сентябрь 1929 г. — аспирант Института истории РАНИОН. С сентября 1926 г. преподавал историю ВКП(б) и ленинизм студентам этнографического факультета 1-го МГУ, а также историю России — в Рабочем университете при 2-м МГУ, в Политпросветинституте и в Вечернем педагогическом институте при Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. В 1929—1931 гг. — доцент и заведующий кафедрой истории СССР Нижегородского педагогического института.

19 июня 1929 г. по запросу нижегородского вуза В.И. Невский дал следующую характеристику своему ученику: «Т. Зельцера знаю хорошо. Т. Зельцер работал у меня в семинаре и в секции русской истории. Работа, которую ведет по совершенно необследованным материалам архива т. Зельцера (исследование по истории фабрики XIX в.), отмечена большой тщательностью, большим критическим чутьем и правильной марксистской методологией. Но этот официальный отзыв не может дать полного представления о талантности, вдумчивости и обширной начитанности, отличающих т. Зельцера как исследователя. Диссертация написана т. Зельцером тоже очень удачно и обнаруживает в т. Зельцере вкус тонкого исследователя марксиста» (цит. по: [15, с. 185—186]).

С 1932 г. Зельцер опять в Москве, преподает в МГУ, работает старшим научным сотрудником Института истории Коммунистической академии и редактором-консультантом издательства «История фабрик и заводов».

Печататься В.З. Зельцер начал рано. А.Н. Артизов пишет, что первую книгу «Революционное движение в Николаеве» Зельцер издал в 1925 г. [14, с. 41]. Затем Зельцер

опубликовал исторический очерк «Христианский социализм на Западе» (М.: Безбожник, 1930) и, совместно с А.И. Гайсиновичем, исследование «Дореформенная экономика: Формирование промышленного капитализма и подготовка реформ» (Харьков: Пролетарий, 1930). Перечислим его статьи: «К вопросу о монографическом изучении промышленных предприятий. (Из опыта работы)» (История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 1), «Маркс и Энгельс о капитализме и пролетариате в России» (История заводов. М., 1933. Вып. 6), «Научные проблемы истории заводов» (Рабочие пишут историю заводов: Сб. статей. М., 1933), «Научные проблемы истории фабрик и заводов» (Проблемы марксизма. 1933. № 3), «Литература по “Истории заводов”: Библиографический обзор» (История пролетариата СССР. М., 1934. Сб. 2), «Москва XIX–XX вв.» (Борьба классов. 1934. № 7/8), «Промышленная революция в России» (Борьба классов. 1934. № 9).

Помимо написания монографии по истории Трехгорной мануфактуры и участия в подготовке к печати монографии о фабрике «Красный перекоп», В.З. Зельцер должен был для издательства «История фабрик и заводов» организовать составление сборника «История рабочего класса и промышленности России и СССР». Планировалось включить в сборник выдержки из работ В.И. Ленина, И.В. Сталина и другие, раскрывающие данную тему. 10 апреля 1934 г. Горький писал А.И. Стецкому:

«На заседании Главной редакции 16-го августа 1932 г. шла речь о необходимости создания книги, которую мы условно назвали “История рабочего класса и промышленности России и СССР” — в выдержках из работ Ленина, Сталина и др. (так называемый “однотомник”). О необходимости издания такого сборника говорил тов. Каганович, предлагая сделать его в самом срочном порядке и издать как введение к серии книг по истории отдельных заводов. Предрешалось, что эта книга должна быть сделана в полгода. К сожалению, эта книга нами не сделана до сих пор, хотя прошло уже более полутора лет.

Работал над нею историк тов. Зельцер и группа привлеченных им работников. Тов. Зельцеру секретариатом были созданы все необходимые условия, однако он проявил нетерпимое безответственное отношение к серьезнейшему заданию. Ему секретариатом дан последний срок сдачи однотомника — 15 мая» [30].

В назначенный срок Зельцер не уложился. Наступил 1935 г. Как уже было сказано выше, 2 февраля арестовали П.И. Анатольева и П.П. Парадизова. Через две недели в издательстве «История фабрик и заводов» вышло подписанное секретарем редакции Н.Г. Шушкановым Распоряжение № 78: «Редактора-консультанта Зельцера В.З. освободить от работы с 16 февраля 1935 г.» [17]. Затем партийная организация рассмотрела персональное дело историка. А.Н. Артизов пишет: «После ареста Анатольева и Парадизова Зельцер 19 февраля 1935 г. был исключен из партии. На партсобрании в Институте истории, обсуждавшем его персональное дело, он мужественно защищал друзей. Сейчас действует принцип: лучше посадить десять невиновных, чем пропустить одного виновного, заявил Зельцер. “Неизвестно, какая вина инкриминируется Анатольеву и Парадизову”. Вскоре, однако, обвинение было предъявлено самому Зельцеру» [12, с. 41]. Историка арестовали 5 марта. Через два месяца, 9 мая, Особое совещание при НКВД СССР приговорило его к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание В.З. Зельцер отбывал на прииске «Таежный» «Севвостлага». По второму делу 10 сентября 1937 г. историка приговорили к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 8 октября 1937 г. в Магадане.

Издательство «История фабрик и заводов» выпустило немало книг, содержащих важные для России исторические факты. Их было бы еще больше, если бы редакторов, учеников В.И. Невского, не постигла трагическая участь.

Литература

1. Справочник партийного работника. Вып. 8. М.: Партиздат, 1934. XVI, 884 с.
2. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13 об.

3. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
4. Горьковские чтения. 1953—1957 / Отв. ред. Б.А. Бялик. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 784 с.
5. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
6. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 102.
7. Расстрельные списки. Москва, 1937—1941. «Коммунарка», Бутово: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. сост. справок А.Л. Кудрявцев, Л.Г. Новак; ред. Л.С. Ерёмкина, А.Б. Рогинский. М.: Мемориал: Звенья, 2000. 504 с.
8. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 8. Л. 52—53.
9. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.
10. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 25 об.
11. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.
12. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 5. Л. 78—78 об.
13. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 28 об.
14. Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34—48.
15. Коваль Л.М. В.И. Невский: Директор главной библиотеки страны. 2-е доп. изд. М.: Пашков дом, 2011. 332 с.
16. Список печатных трудов П.П. Парадизова / подгот. Е.Н. Никитин // Археографический ежегодник за 1988 год. М.: Наука, 1989. С. 252.
17. Макашин С.А. Воспоминания о П.П. Парадизове // Советский полиграфист. 1984. № 7/8. 30 марта.
18. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 68.
19. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 29 об.
20. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 66.
21. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.
22. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 103.
23. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.
24. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.
25. А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов / Сост. Л.М. Зак, С.С. Зимина. М.: Соцэкгиз, 1959. 364 с.
26. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 3. Л. 101.
27. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 14 об.
28. ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 1. Д. 2. Л. 19—19 об.
29. Никитин Е.Н. Архив историка П.П. Парадизова // Археографический ежегодник за 1988 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1989. С. 237—251.
30. Архив А.М. Горького при ИМЛИ. ПГ-рл 41-22-1.
5. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 10.
6. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 102.
7. Rasstrel'nye spiski. Moskva, 1937—1941. «Kommunarka», Butovo: Kniga pamjati zhertv politicheskikh repressij / Otiv. sost. spravok A.L. Kudrjavcev, L.G. Novak; red. L.S. Erjomina, A.B. Roginskij. M.: Memorial: Zven'ja, 2000. 504 s.
8. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 8. L. 52—53.
9. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 8. L. 62.
10. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 25 ob.
11. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 5. L. 76.
12. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 5. L. 78—78 ob.
13. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 28 ob.
14. Artizov A.N. Sud'by istorikov shkoly M.N. Pokrovskogo (sередина 1930-h godov) // Voprosy istorii. 1994. № 7. S. 34—48.
15. Koval' L.M. V.I. Nevskij: Direktor glavnoj biblioteki strany. 2-e dop. izd. M.: Pashkov dom, 2011. 332 s.
16. Spisok pechatnyh trudov P.P. Paradizova / podgot. E.N. Nikitin // Arheograficheskij ezhegodnik za 1988 god. M.: Nauka, 1989.
17. Makashin S.A. Vospominaniya o P.P. Paradizove // Sovetskij poligrafist. 1984. № 7/8. 30 marta.
18. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 68.
19. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 29 ob.
20. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 66.
21. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 83.
22. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 103.
23. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 105.
24. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 89.
25. A.M. Gor'kij i sozдание istorii fabrik i zavodov / Sost. L.M. Zak, S.S. Zimina. M.: Socjkgiz, 1959. 364 s.
26. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 3. L. 101.
27. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 14 ob.
28. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 19—19 ob.
29. Nikitin E.N. Arhiv istorika P.P. Paradizova // Arheograficheskij ezhegodnik za 1988 god / Otiv. red. S.O. Shmidt. M.: Nauka, 1989. S. 237—251.
30. Arhiv A.M. Gor'kogo pri IMLI. PG-rl 41-22-1.

Submitted 08.03.2020

Поступила 08.03.2020

Никитин Евгений Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (121069, г. Москва, ул. Поварская 25а, ИМЛИ РАН), Nikitin18@yandex.ru

Nikitin Y. N. — candidate of philological Sciences, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences (121069, Moscow, ul. Povarskaya 25A, IMLI RAS), Nikitin18@yandex.ru

References

1. Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 8. M.: Partizdat, 1934. HVI, 884 s.
2. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 2. L. 13—13 ob.
3. GARF. F. 7952. Op. 1. D. 8. L. 2.
4. Gor'kovskie chtenija. 1953—1957 / Otiv. red. B.A. Bjalik. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 784 s.

Русский дворянин — человек переходной эпохи первой четверти XVIII века

С.И. Пудина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Изучены государственные требования к дворянской службе в первой четверти XIX века. Рассмотрены преобразования форм общественного сознания, связанные с переходом от традиционных форм государственной службы к новым и формирование дворянского сословия из низших слоев общества. Прослежено изменение в самосознании дворян как представителей общества Петровской эпохи и становление корпоративного сознания.

Ключевые слова: дворянское сословие, чиновная честь, традиции, сознание дворян, дворянская служба, государь, принципы службы, власть.

Russian nobleman of the transition period of the first quarter of the XVIII century

S.I. Pudina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

Author has studied the state requirements for the noble service in the first quarter of the XIX century. The article deals with the transformation of forms of public consciousness associated with the transition from traditional forms of public service to new ones and the formation of the nobility from the lower strata of society. Author has traced the change in the self-consciousness of the nobles as representatives of the society of the Peter's era and the formation of corporate consciousness.

Keywords: the noble class, official honor, traditions, consciousness of the nobles, the noble service, the sovereign, the principles of service, power.

В первой четверти XVIII в. в России появляется новая элитарная прослойка с новыми взглядами на служебную деятельность, с иными обычаями, представлениями, резко контрастирующая с элитой XVII в. Социальные реформы Петра I и взаимодействие с западной цивилизацией явились для русского дворянина своеобразным ментальным взрывом (изменением традиционных форм сознания), который привел к существенным переменам в образе жизни.

В сознании дворянина Петровской эпохи уживались представления о двух Россиях — старой и новой, — поскольку он не мог сразу отказаться от традиционных устоев жизни, унаследованных от предшествующих поколений. Дворянину было важно

исправно нести службу государю. Поэтому многие продолжали служить не Отечеству, а лично Царю, по старинке, называли себя царскими холопами: «...пожалуйте меня холопа своего...» (РГАДА, Ф. 210. Оп. 9. Ед. хр. 719. Л. 228). Сложно было большинству дворян отказаться от традиционных принципов службы. Известен случай местничества между тремя «царедворцами», назначенными в юстиц-коллегию, что привело к изданию Петром I (4 апреля 1719 г.) указа «О пресечении местничества и о порядке старшинства коллежских членов» [15, Т. V. № 3384].

В обществе конца XVII — первой четверти XVIII вв. религия доминировала и в общественной и в личной сферах жизни. В сознании дворянина первой четверти XVIII в.

представление о Царе тесно связывалось с Богом. Немалую роль в этом сыграло особое положение служилого сословия в России, тесно связанное с политикой монарха. С точки зрения дворянина Царь — ставленник Бога на Земле. Он должен управлять народом, руководствуясь божественными законами. Об этом откровенно свидетельствуют эпистолярные источники. В письмах дворян Петру I постоянно ставятся рядом слова «царь» и «Бог» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 1—12). «Милостию Божиею и счастьем Вашего царского величества» — эта фраза неоднократно употребляется в обращении к государю разных людей (РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 87). В среде дворян преобладают патриархальные стереотипы мышления. Поэтому для высшего сословия не закон является гарантом справедливости, а государь. Подобные представления, присущие и дворянству в первой четверти XVIII в., объясняются влиянием древнего восточного порядка, в соответствии с которым дворянин служит лично Царю и получает в качестве оплаты поместье.

Если рассматривать переписку различных лиц с Петром I, довольно часто можно встретить такие обращения к царю: «Прилежно служу, Вашему царскому Величеству и храбрые ваши дела прославляю» (РГАДА, Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Ед. хр. 21. Ч. 2. Л. 78). Это свидетельствует об относительно невысоком уровне правосознания дворян и об их особом отношении к закону в России, характерном в целом для русского менталитета. Даже строжайшие меры (штрафы, битие кнутом, арест и т.д.), предпринятые Петром I, не всегда и не на всех действовали. Однако подобные меры не вызывали удивления дворян, поскольку «справедливость» и «закон» в их представлении — далеко не синонимичные понятия. Не государство с их точки зрения являлось символом справедливости, а Царь, который в сознании народа воспринимался как верный исполнитель воли Бога на Земле. Если Царь делает что-то несовместимое с представлениями о божественной воле, значит, народ провинился и заслуживает этого. Такая своеобразная логика мыш-

ления отразилась в полной мере в русском праве, отличном от западноевропейского, где право диктовало мораль и определялось этикой.

В первой четверти XVIII в. европеизация государственных институтов на уровне мировоззренческом изменяла общественные представления и стереотипы русского дворянства. Причем «сперва возникло новое Российское государство, по существу, совершенно не зависимое от старой картины мира. И лишь позднее начался процесс введения образа этого нового государства в национальную картину мира» [7, с. 210]. Политическая стратегия распространялась не только на государственный заказ — заимствование западноевропейских моделей управления, но и на трансформацию традиционной картины мира русского общества, а именно на формирование светских элементов в ее структуре.

В первой четверти XVIII в. в понятии «дворянин» появилось нечто новое, отличающееся его от царского служилого человека по отечеству. Политика Петра I в сфере государственной службы коренным образом изменила не только прежнее бытие и внешний облик дворянина, но и его мировоззрение. Именно поэтому явление можно считать закономерным. Даже именоваться дворяне стали по-иному с 1712 г. — шляхетством [15, Т. IV. № 2467]. Польское немецкое слово было выбрано вследствие пристрастия Петра I к иностранным терминам, соответствие терминологии определялось тем, что словом «дворянин» обозначался ранее сравнительно невысокий чин. Вместе с новым наименованием (шляхетство) начинает формироваться и новое понятие «дворянское достоинство», общее для всех членов сословия. Дворянское достоинство передается по наследству, является присущим дворянину с момента рождения. Петр I устанавливает в качестве пожалования за выслугу потомственное дворянство. Вместе с тем он утверждает понятие не дворянской, но чиновной служилой чести и отдает ей преимущество и перед дворянской честью, и перед знатностью. «Сказать всему шляхетству,

— объявляет Петр I в собственноручном именном указе, данном Сенату 16 января 1712 года, — чтобы каждый дворянин во всяких случаях какой бы фамилии не был, почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писаться только офицерам, а шляхетству, которые не в офицерах, только то писать, куда развезены посланы будут, а ежели кто против сего не почтит офицера, положить штраф, треть его жалованья» [15, Т. IV. № 2467].

Идея *достоинства дворянина* вызревала в России не одно десятилетие. По сравнению с другими сословиями дворянство находилось в привилегированном положении. Выходец из знатной и древней фамилии, дворянин понимал, что его должность никогда не будет ниже должности отца, а может быть только выше. Такое положение вещей устраивало высшее сословие.

Всего труднее, казалось, было уничтожить мечту дворянства о преимуществах рождения и предрассудок, что позорно находится под начальством человека низшего происхождения. Петр I собрал 50 человек из молодых дворян, которые воспитывались по старинному обычаю, и назвал их потешными. Он велел их одеть и упражнять в военном деле по европейскому образцу и, более того, объявил, что сам он не имеет никакого преимущества пред другими, а подобно своим товарищам с ружья, даже с барабана, будет выслуживаться постепенно. Для этой цели он передал самодержавную власть князю Ромодановскому, который должен был повышать Петра в чины наравне с другими солдатами, по его заслугам и без малейшего потворства. «Так, пока жив был вышеупомянутый князь, именно до 1718 г., Петр разыгрывал такую комедию, что получил от него повышение в генералы и адмиралы, которые должности ему угодно было возложить на себя. Это объявление имело то действие, что дворяне из самых знатных фамилий, хотя и не покидая предрассудка о достоинстве своего происхождения, сохранив его даже, оставались с ним на службе и стыдились заявлять такие притязания, которые могли показать, будто бы они думают быть

лучше их государя. Поэтому, впоследствии никто больше и не отваживался говорить о преимуществах своего рождения. Петр I упорно отдает решительное предпочтение службе перед знатностью» [17, с. 336].

Дворянство болезненно относится к тому, что заслуги всего рода и знатность отходят на второй план. Петр I требует от дворянства (особенно от знатного) должного исполнения служебных обязанностей — уже не перед государем, а на пользу всему Отечеству, активно внушает дворянину, что он должен служить государю во имя *общего блага*. Настойчиво твердя в указах о государственном интересе как высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже себя, государя, ставит в подчиненное отношение к государству как верховному носителю права и блюстителю общего блага. Свою деятельность Петр I понимает как службу государству, Отечеству. В результате некоторые дворяне, наиболее восприимчивые к новому, оценили эту идею. Особенностью Петровской эпохи является тот факт, что принцип годности службе постепенно приобретает первостепенную важность для этих дворян и даже преимущество перед принадлежностью роду.

Воинская повинность становится тяжелой ношей, ломая привычные устои жизни дворянского сословия. Так, к началу Северной войны служилый характер поместья был уже не более чем фикцией. По образному выражению И.Т. Посошкова, дворянство хотело «великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать» [12, с. 268]. Заставить дворянина навсегда надеть военный мундир можно было только с помощью использования разных форм давления: силовых приемов, моральных и материальных стимулов, правовых санкций. Это «аккордное» воздействие включало указ о единонаследии 1714 г. и разрешение приобретать недвижимость по истечении определенного стажа общественно-полезной деятельности, что изменяло отношение молодых дворян к государственной службе [6, с. 35].

Ужесточение норм дворянской службы имело несколько направлений. Во-первых,

снижался призывной возраст до 15 лет, даже до 13—14 лет [2, с. 68]. Князь Яков Петрович Шаховской повествует: «Как достиг я 14 лет возраста моего, то представили меня в службу лейб-гвардии в Семеновский полк, в оном полку быв по несколько времени солдатом» [6, с. 37].

Во-вторых, исполнение воинского долга заменялось постоянной службой. Ранее, в мирное время, дворянин мог управлять крестьянами в поместье — теперь он должен находиться в казарме. Следовательно, XVIII век коренным образом изменил условия прохождения дворянской службы. По сравнению с XVII в. свобода дворян резко ограничивается. Шляхетство освобождается от поместной полковой службы, относившейся к дворянам и детям боярских московского времени. Но дворяне при Петре I остаются такими же, как эти последние, служилыми людьми, обязанными государству пожизненной службой. Об этом свидетельствует дворянин А.Т. Болотов в своих «Записках»: «По кончине отца своего продолжал отец мой военную службу. Брат его последовал ему в том же, да инако в тогдашние времена было и не можно, ибо все дворяне должны были служить» [5, с. 32]. Даже старость и увечье не всегда освобождали от повинности. Из челобитной Ф.Н. Маслаева от января 1721 г. об увольнении со службы: «Всемилоостивейший государь, прошу Вашего величества, да повелит державство Ваше меня, ниже имянованного, за старость мою и за долголетнюю работу от своих государевых дел уволить» (РГАДА, Ф. 9. Отд. 2. Кн. 5. Л. 212).

В-третьих, максимально полная мобилизация на службу угрожала экономическим основам существования дворянства. Дворяне, занимаясь военной подготовкой, редко навещали родных. При Петре дворяне не бывали в отпуске по несколько лет, ограничиваясь скудными вестями из дому о ведении хозяйства. Именно в такой ситуации, например, оказался Б.И. Куракин: «Занятый государевою службою и притом многие годы, неся эту службу за рубежом отечества, князь Борис Иванович мало

ведал свои земли на Хопре и Сердобе» [8, с. 238].

Дворяне по инициативе Петра I начинали службу с низших чинов, что ставило их на одну ступень с бывшими холопами и крепостными. На протяжении всех войн Петровской эпохи в тонус активность дворян приводили царские распоряжения, звучавшие как грозный окрик для балованных чад знатных родителей. Так, в 1714 г. государь строго-настрого указал, чтобы дети дворян и офицеров, не служивших солдатами в гвардии, «ни в какой офицерский чин не допускались», а также чтобы «чрез чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить» [14, с. 43]. Та же установка, облеченная в форму закона, повторялась и в Табеле о рангах (п. 8). Высказывая уважение к аристократическим титулам, законодатель все же настаивал на абсолютном приоритете чина и рангов над всеми прочими знаками достоинства: «однако ж мы для того никому какого рангу дать не позволяем, пока она нам и Отечеству никаких заслуг не покажут, и за оные характера не получают» (Российское Законодательство X—XX вв. Т.4. с. 62).

Петр I настойчиво вводил в законодательные акты мысль о том, что «высокое происхождение — только счастливый случай, и не сопровождаемое заслугами учитывать не должно» [3, с. 184].

Очередным новшеством для дворянства стал Указ от 16 января 1721 г., в котором Петр I объявляет служебную заслугу, выраженную в чине, источником шляхетского (дворянского) благородства. «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, ... дать патент на дворянство» [15, ст. 6. № 3869]. Петр I настойчиво указывал на то, что «... одно дворянское достоинство вследствие происхождения не дает еще ровно никаких преимуществ, и что только служба Родине и заслуги перед ней делают человека выше и знатнее» (Законодательство Петра I. М., 1997. с. 340).

Если бы не Петр I, то страна бы, возможно, и не узнала выдающихся личностей из низших слоев общества, возведенных им во дворянство. Это оставивший о себе яркую

память генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский, дипломат барон Петр Павлович Шафиров. Оба они не русские, происхождения довольно сомнительного. Павел Иванович Ягужинский начал службу денщиком Петра I. Со временем денщик стал капитаном гвардии, исполнял многие важные поручения государя: то вел секретные переговоры, то искал скрывшегося от царского возмездия беглого русского дипломата. Для выполнения таких непростых поручений у П.И. Ягужинского были все данные: аналитический ум, знание нескольких языков, красивая внешность, легкость в общении с людьми, умение видеть их сильные и слабые стороны, недюжинные организаторские способности.

«Усердно радетьельные» службы Петра Павловича Шафирова на Пруте и во время тяжелейшего пребывания в Турции высоко оценены были монархом. Большинство сотрудников Петра достигли высокого государственного положения именно своими усилиями: этому способствовали личные заслуги и таланты, а не аристократичность происхождения. Великий канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, дипломаты Петр Андреевич Толстой, Матвеев, Иван Иванович Неплюев, Артемий Волынский — не отличались родовитостью, их предки или вовсе не имели никакой политической роли до Петра I, или стали заметны вследствие личной выслуги незадолго до его правления. Никто из представителей школы Петра I не был настолько близким Царю, как князь Александр Данилович Меншиков. Первоначально Меншиков исполнял при Царе обязанности денщика. Преданность, усердие, энергия, распорядительность, умение угадать и исполнить желание Царя, при уме и личных талантах, выдвинули Меншикова в число ближайших сподвижников Петра I. Показателен пример возвышения и вхождения в правительственную среду и в окружение государя бывшего холопа Б.П. Шереметева Алексея Курбатова. Высочайшую милость Курбатов получил после того, как предложил проект о введении в России гербовой бумаги [4, с. 235].

Таким образом, Россия была страной, где дворянство не только пополнялось исключительно через службу, но и продвижение по службе по достижении определенного чина или ордена имело обязательный характер. Причем если дворянский статус «по заслугам предков» требовал утверждения Сенатом (и доказательства дворянского происхождения проверялись крайне придирчиво), то выслуга дворянства по чину или ордену признавалась без особого утверждения. В свою очередь Петр I, несомненно, совершил смелый и по-своему даже революционный шаг в преобразовании государственной политики, предоставляя дворянский титул служилым людям за заслуги перед Отечеством.

Людей, не погруженных в российскую реальность так глубоко, как подданные Петра I, крайне удивляла скорость освоения дворянством стандартов поведения, заложенных в чиновной субординации и в уставах. Уже в 1709 г. датский посланник Ю. Юль засвидетельствовал глубокое проникновение начал чинопочитания в строй межличностных отношений. По его отзыву, офицеры проявляют подобострастное почтение к генералам, «в руках которых находится вся их карьера», а именно: они падают перед генералами ниц на землю, прислуживают им за столом, наподобие лакеев. Иностранцы связывали этот феномен с личным примером Царя, который последовательно прошел все ступени военно-морской карьеры, дослужился в 1710 г. до звания шаутбенахта (получил чин, соответствующий контр-адмиралу).

Родовое дворянство, помещенное в общую среду с «худородными» и в сферу действия единых стандартов службы, было очень недовольно. Однако именно в этом незнакомом дворянству ощущении зависти и ревности к успехам своих «подлорожденных» сослуживцев был скрыт могучий источник социального преобразования. Если указы, каравшие дворян за уклонение от дела, обеспечивали физическую явку в воинские части, то совместная служба — с простолюдинами — пробуждала в каждом дворянине начала конкуренции и карьеризма, которые ранее

пребывали в неактивном состоянии вследствие закоренелой местнической традиции. Ведя коварную игру с привилегиями старинного шляхетства, петровская политика ставила дворян перед необходимостью подтверждать нелегкими трудами свое первенствующее положение среди остальных сословных групп. «Острота ситуации заключалась в том, что состязательная борьба требовала от дворянства, переступая через свое естество, перенимать те качества, которые обуславливали высокую конкурентоспособность армейских выдвиженцев из социальных низов: отвязанную смелость вчерашнего подранка, стойкое перенесение невзгод, быструю практическую обучаемость, мощный посыл к ускоренному движению вверх по лестнице чинов» [6, с. 40].

Тонкий расчет, заложенный в петровской программе подготовки и переподготовки кадров, видели и понимали некоторые из наиболее проницательных политических «обозревателей». Дипломатический агент австрийского двора О.А. Плейер в 1710 г. доносил своему государю о чудодейственном средстве, изобретенном русским Царем для максимизации отдачи от своих военнослужащих. По его словам, наказывая нерадивых и публично вознаграждая храбрых и добросовестных, «он внушал большинству русских господ самолюбие и соревнование, да сделал еще то, что когда они теперь беседуют, пьют и курят табак, то больше уже не ведут таких гнусных и “похабных” разговоров, а рассказывают о том и другом сражении, об оказанных тем или другим лицом хороших и дурных поступках» [11, с. 398].

Еще одно петровское нововведение — превращение статской службы в разновидность дворянской службы, с обязательным ее исполнением для тех, кто избирает для себя статское (гражданское) поприще. Она не считалась среди дворянства почетной, и относились к ней как к временному поручению. Но при Петре I «дела и посылки» превращаются в «гражданскую службу». Со времени действия «Генерального регламента» и «Табеля о рангах» статская служба получает полные права гражданства — и дворянин делается чиновником. Зная традиционный взгляд

дворянства на канцелярскую службу, законодатель предписывает «не ставить в укоризну» прохождение ее знатными и шляхетскими фамилиями (РГАДА, Ф.210. Ед. хр. 651. Л. 149).

В связи с реформаторской деятельностью Петра I у дворянства появляется новая обязанность — обучение.

Новое устройство, новые способы и приемы службы разрушили прежние местные корпоративные организации дворянства. Прежнее столичное дворянство, оторванное от провинциальных дворянских миров, само сомкнулось в местный московский столичный дворянский мир. Эта перемена была, может быть, самой важной для судьбы России как государства. Разносословные регулярные полки армии Петра I не имели никакой корпоративной связи с местными мирами, так как состояли из лиц, набранных вразброд, отовсюду. Рязанский рекрут надолго, обыкновенно навсегда, оторванный от своей Пехлецкой или Зимаровской родины, забывал в себе рязанца и помнил только, что он драгун полка полковника Фаменина: казарма гасила чувство землячества. То же случилось и с гвардией. Дворяне были распределены в гвардейские полки Преображенский и Семеновский, перенесенные затем на Невское болото. Там гвардейцы стали забывать в себе москвичей. Но нарушив во многом прежнюю корпоративную объединенность дворянства по местам, реформы Петра I дали дворянам нечто большее: осознание их всероссийского единения. В списках герольдмейстера значилось все дворянство России, на смотры съезжались дворяне со всех окраин российской империи. На смотрах объединенность сословия обнаруживалась в разговорах дворян на темы их общих интересов и нужд. Таким путем создавалось, взамен частных местных группировок, объединенное общим сознанием всероссийское дворянство, как первенствующее сословие.

Представитель «ученой дружины» Гавриил Федорович Бужинский в своем «Похвальном слове», произнесенном 30 мая 1723 г., противопоставляя *старую* и *новую* Россию, оценивал значение петровских реформ следующим образом: «Равно есть просвещению

Владимерову просвещение от тми прежняго забвения произвести ко свету всякия славы, от поношения во удивление, от слабости к таковой ныне полученной силе, к таковым преславным победам». Петровское преобразование в России осмысляется как второе крещение Руси, а Петр, соответственно, как второй Владимир — креститель.

Истинным приверженцем петровских преобразований можно назвать Ивана Ивановича Неплюева. С неприкрытым раздражением отзывается Неплюев о молодых дворянах, которые не учились, не ездили за границу, а теперь претендуют на лучшие места в государстве. Неплюев пишет о тех, кто как и он, будучи отлученным от Отечества, подвергался насмешкам и ругательствам «по европейскому обычаю, в нас примеченному», и нуждался в высочайшей защите. В сознании Неплюева создается схема бескорыстного служаки. Неплюев подчеркивает в себе бескорыстие, противопоставляя его жадности других вельмож. Так, перед отъездом на новую должность, «пришед к генерал-адмиралу (Ф. М. Апраксину) прощаться, донес ему, что я отъезжаю, и просил его о неоставлении меня по заочности; он мне на сие только сказал: “Дурак!” Я, поклонясь его сиятельству, докладывал, что не знаю, чем его прогневал, а он мне на то отвечал, то же слово: “Дурак!” Причиной этой изумившей Неплюева оценки явилось его бескорыстие: «Для чего ты не просил государя, чтоб давать в твое отсутствие по складу твоего чина жалованье жене» [9, с. 14]. То, что для Неплюева — патриотическое бескорыстие, для его собеседника — «дурачество». Неплюев пишет не мемуары, а дневник, и это позволяет нам видеть живые отпечатки его настроения, еще не сглаженные примиряющим временем. Дворянин, честно служащий отечеству, патриот и одновременно бедняк на государевом жалованье — таков образ, выражаемый чувствами Неплюева. Он-то и есть истинный «птенец гнезда Петрова», а Петр — его защитник и единомышленник.

Примером такого же полезного влияния является и жизнь Петра Андреевича Толстого.

Петр Андреевич был единственным сподвижником Петра I, который начинал свою карьеру его противником, а заканчивал — верным слугой. Чтобы произошла такая метаморфоза, надобно было преодолеть косность и консерватизм среды, на которую он вначале ориентировался. В ряды сподвижников Петра I Толстой влился в зрелые годы и, несмотря на возраст, с усердием стал постигать новое, причем в процессе не обучения, как то делали его более молодые современники, а переучивания. Это всегда сложнее и труднее. Пребывание в Италии и в других странах послужило развитию политических способностей. Французский посол Кампредон назвал его «умнейшею головою в России». Несмотря на то что Толстой в 1682 г. поддержал царевну Софью, Петр I оценил его заслуги перед Отечеством, его удачную дипломатическую службу. Известны слова Петра I, сказанные как-то П. А. Толстому: «Голова, голова, как бы не так умна была, давно бы я отрубить тебя велел» [13, с. 196]. Толстой служил делу Петра I верно и преданно и отдавал этой службе все свои недюжинные дарования. Вряд ли среди дипломатов, которыми располагал государь в самом начале XVIII в., можно было найти более подходящую кандидатуру на должность русского посла в Стамбуле, чем Петр Андреевич. Вряд ли, далее, кто-либо мог проявить столько настойчивости, изворотливости и гибкости, сколько Толстой. Здесь важен итог его нелегкой службы: ему удалось предотвратить выступление Османской империи против России именно в тот период Северной войны, когда это выступление имело для нашей страны наибольшую опасность. Другая, не менее важная, заслуга Толстого за время пребывания в Османской империи была связана с утверждением нового статуса посла как постоянного представителя России при султанском дворе. В результате престиж России был поднят на более высокую ступень [10, с. 178].

Далее приведем пример соотношения старых и новых устоев в жизни дворянина. Аристократ Борис Петрович Шереметев был человеком другой эпохи, а именно личностью, в которой черты аристократического

воспитания причудливо переплелись с представлениями, внесенными европеизацией. По своему мироощущению, по привычкам это был человек XVII в., волей судьбы заброшенный в бурное время петровских преобразований. Он и не порвал с прошлым, и полностью не воспринял настоящее, точнее, не смог превозмочь себя, чтобы органически слиться с этим настоящим. Можно назвать его олицетворением патриархального воеводы XVII в., с представлениями о военном искусстве, определяющим признаком которых являлось не умение, а число. Вместе с тем в Петровскую эпоху он приобрел навыки в создании и управлении регулярным войском, более мобильным и боеспособным, чем поместная конница XVII в. В сплаве этих двух различных навыков и соответствующих им качеств характера и формировался полководец Шереметев. Петр I учитывал еще одно качество Бориса Петровича: он был не чужд восприятию западной культуры, во всяком случае, ее внешних проявлений.

Все эти дворяне своим умственным развитием были обязаны новым условиям жизни, созданным Петром Алексеевичем. Таким был и зажиточный крестьянин подмосковного села Покровского Иван Посошков, «хромавший раскольниковым недугом» и недовольный Петром I, а затем — поклонник и Петра I, и реформ. В своих литературных трудах наблюдательный и умный мужик не только выступал апологетом Петра I, но и стремился по мере сил помочь и правительству, и обществу своим практическим советом. Такие разные личности, как И.И. Неплюев, И. Посошков, П.А. Толстой, Б.П. Шереметев, действуя в различных сферах общества, выполняли одно и то же предназначение — являлись хранителями новых начал общественной жизни, получивших силу в царствование Петра I. Они своими трудами, речами и жизнью распространяли эти начала среди косной и недоверчивой массы и, увлекая многих за собой, были действительными помощниками Петра I.

Но не все смогли принять нововведения первой четверти XVIII в., для некоторых дворян они стали серьезным испытанием.

Были из числа дворян те, которые не мешали и не оказывали явного сопротивления преобразователю, но и не входили в число его последователей и приверженцев. Если они что и делали нового, то исключительно по долгу, в соответствии с характером службы.

Интересен пример изменений в самосознании Михаила Петровича Аврамова, именно тем, что здесь граница *старого* и *нового* устоев проходит сквозь личность одного человека и трагически ее «разывает». Практическая деятельность петровского служаки сталкивалась в нем с утопическими мечтаниями. Идеализируя образ старины, он предлагал новаторские реформы, считая их защитой традиции. В его проектах смешивались противоречия: петровской политики в области государственной службы; мысль Никона о сильной, управляющей Церкви («Священства»), стоящей выше государственности; жажда Аввакума пострадать за старину и веру. Все эти противоречия с трудом сопоставлялись негибким умом этого «птенца гнезда Петрова». Он не был ни врагом Петра I, ни противником его реформ. Однако, несмотря на то, что М.П. Аврамов преклонялся перед личностью императора всю жизнь, он не был уверен в правильности Петровских государственных преобразований, и эта психологическая проблема не давала ему покоя.

Противником преобразований Петра I был его наследный сын, Алексей. Проживая каждый день праздно: в попойках и веселии, царевич не одобрял идею служения на благо Отечества, всячески пытался уклониться от службы и учения, используя для этого различные причины, чем вызывал гнев отца. Вокруг царевича собрались люди нечиновные (А. Кикин, Я. Игнатьев и др.), они не занимали государственных постов и убивали время в безделье — безликая масса. Все они не участвовали в происходивших в стране грандиозных по значению событиях, а выступали в роли пассивных наблюдателей, причем враждебных.

Не одобрял политику Петра I дипломат Авраам Павлович Веселовский. Сын неродовитого стольника, он получил образование

за границей и стал видным дипломатом [13, с. 219]. Веселовский был причастен к делу царевича Алексея, поэтому не пожелал вернуться на Родину и до конца дней проживал за границей, боясь наказания.

Среди дворянства не было единства в отношении к нововведениям в сфере государственной службы. Сторонники Петра I — беззаветно, не «щадя живота своего», с полной отдачей служили на благо Отечества. Другие представители дворянства, также сторонники Петра I, одобряли лишь некоторые стороны его преобразовательной деятельности и упорно следовали фундаментальным основам московской духовной культуры. Службу использовали для достижения своих личных выгод. Однако были и противники преобразований Петра I, они умышленно не признавали новых служебных требований и оказывали сопротивление.

Многие представители общества начала XVIII в. стремились стать приближенными государя Петра Алексеевича. Они делали все, чтобы их заметил государь. Но всегда ими руководило желание стать частью какого-либо Единства, принять законы этого Единства как собственные жизненные правила. Для личности человека XVIII в., если можно позволить себе такое обобщение, характерны попытки найти свою судьбу, «выйти из строя», реализовать индивидуальность. Такая устремленность психологически обосновывает многообразие поведения. Желание совершить неслыханное оказывается порой сильнее религиозно-этических стимулов: оно и толкает к героическому поступку, вызывает надежду «попасть в случай» — занять первое место у престола власти, преодолев все препятствия. Достижение власти и государевой милости любыми способами можно видеть на примере Г.Г. Скорнякова-Писарева. Пыточные казематы продвинули карьеру питомца эпохи реформ куда более, нежели поля сражений. Уже в 1722 г. Петр I возвел бомбардира на только что введенный пост обер-прокурора Правительствующего Сената. Пожалованный через полторы недели в генерал-майоры, 47-летний Скорняков-Писарев вошел в состав

высшего руководства Российской Империи [13, с. 378].

Таким образом, реформы первой четверти XVIII в., реализуя переход от традиционных принципов службы к новым, внесли существенные изменения в самосознание дворянина.

Литература

1. **Пудина С.И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: [Моск. гор. пед. ун-т]. 2012. 26 с.
2. **Бескровный Л.Г.** Русская армия и флот в XVIII веке: очерки / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Воениздат, 1958. 645 с.
3. **Беспярых Ю.Н.** Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1991. 279 с. (Панорама истории).
4. **Богословский М.М.** Петр I: Материалы для биографии / Под ред. проф. В. И. Лебедева. Ленинград: Гос. соц.-экон. изд., 1940—1948. Т. 3: Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698—1699. 1946. 501 с.
5. **Болотов А.Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков, 1738—1793. Санкт-Петербург: Печатня В. Головина, 1871—1873.
6. **Волкова И.В.** Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35—51.
7. **Жидков В.С., Соколов К.Б.** Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть / [Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ и РАН]. СПб.: Алетейя, 2001. 636 с.
8. **Куракин Б.И.** Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семецкого. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1890—1902. Кн. 3. 1890. 387 с.
9. **Неплюев И.И.** Записки Ивана Ивановича Неплюева. 1693—1773. Новое полн. изд., с примеч. Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1893. VIII, 197 с.
10. **Павленко Н.И.** Птенцы гнезда Петрова. М.: Мысль, 1994. 398 с.
11. **Плейер О.А.** О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. 464 с. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII — XX вв.).
12. **Посошков И.Т.** Книга о скудости и богатстве. М.: Наука, 2003 (ППП Тип. Наука). 253 с. (Российская экономическая мысль / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Экон. фак. Центр обществ. наук).
13. **Серов Д.О.** Сенаторы и губернаторы под судом Петра I // Родина. 2006. № 8.
14. **Троицкий С.М.** Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии / АН СССР. Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1974. 394 с.

15. Полное собрание законов Российской Империи, повелѣниемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Т. III — VII. СПб.: Тип. II. Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830.

Поступила 24.02.2020

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), pudina@bk.ru

References

1. Pudina S.I. Dvorjanskaja sluzhba v konce XVII — pervoj chetverti XVIII vv.: ideologija i praktika: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M.: [Mosk. gor. ped. un-t]. 2012. 26 s.
2. Beskrovnyj L.G. Russkaja armija i flot v XVIII veke: ocherki / Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.: Voenizdat, 1958. 645 s.
3. Bospjatyh Ju.N. Peterburg Petra I v inostrannyh opisaniyah. Vvedenie. Teksty. Kommentarii. L.: Nauka: Leningr. otdelenie, 1991. 279 s. (Panorama istorii).
4. Bogoslovskij M.M. Petr I: Materialy dlja biografii / Pod red. prof. V. I. Lebedeva. Leningrad: Gos. soc.-jekon. izd., 1940—1948. T. 3: Streleckij rozysk. Voronezhskoe korablestroenie. Gorodskaja reforma 1699 g. Karlovickij kongress. 1698—1699. 1946. 501 s.
5. Bolotov A.T. Zhizn' i prikljuchenija Andreja Bolotova opissanye samim im dlja svoih potomkov, 1738—1793. Sankt-Peterburg: Pechatnja V. Golovina, 1871—1873.
6. Volkova I.V. Voennoe stroitel'stvo Petra I i pereмены v sisteme social'nyh otnoshenij v Rossii [Military Apparatus of Peter I and Changes in Russian Social Relations] // Voprosy istorii. 2006. № 3. S. 35—51.
7. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Desjat' vekov rossijskoj mental'nosti: Kartina mira i vlast' / [Gos. in-t iskusstvoznaniya M-va kul'tury RF i RAN]. SPb.: Aletejja, 2001. 636 s.
8. Kurakin B.I. Arhiv knjazja F.A. Kurakina, izdavaemyj pod red. M.I. Semevskogo. Sankt-Peterburg: tip. V.S. Balasheva, 1890—1902. Kn. 3. 1890. 387 s.
9. Nepljuev I.I. Zapiski Ivana Ivanovicha Nepljueva. 1693—1773. Novoe poln. izd., s primech. Sankt-Peterburg: A.S. Suvorin, 1893. VIII, 197 s.
10. Pavlenko N.I. Ptency gnezda Petrova. M.: Mysl', 1994. 398 s.
11. Plejer O.A. O nyneshnem sostojanii gosudarstvennogo upravlenija v Moskovii v 1710 godu // Lavry Poltavy. M.: Fond Sergeja Dubova, 2001. 464 s. (Istorija Rossii i Doma Romanovyh v memuarah sovremennikov. XVII — XX vv.).
12. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve. M.: Nauka, 2003 (PPP Tip. Nauka). 253 s. (Rossijskaja jekonomicheskaja mysl' / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova. Jekon. fak. Centr obshhestv. nauk).
13. Serov D.O. Senatory i gubernatory pod sudom Petra I // Rodina. 2006. № 8.
14. Troickij S.M. Russkij absoljutizm i dvorjanstvo v XVIII v.: Formirovanie bjurokratii / AN SSSR. In-t istorii SSSR. M.: Nauka, 1974. 394 s.
15. Polnoe sobranie zakonov# Rossijskoj Imperii, povel'niem# Gosudarja Imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennoe. T. III — VII. SPb.: Tip. II. Otd. Sobstvennoj Ego Imperatorskago Velichestva Kanceljarii, 1830.

Submitted 24.02.2020

Pudina Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, associate professor of Russian History, State and Law Department, National Research University of Electronic Technology (1, Shokin Sq., Zelenograd, Moscow, 124498, Russia), pudina@bk.ru

Роль СМИ в формировании патриотического сознания российской молодежи: социально-философский аспект

С.А. Сорокин

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

ssa.ru@mail.ru

Как в теоретическом, так и в практическом плане проведен анализ актуальной проблемы формирования патриотического сознания российской молодежи под воздействием средств массовой информации. По принципу единства исторического и логического рассмотрены тенденции, определяющие деятельность средств массовой информации, направленную на развитие духовно-нравственной жизни российского общества, а также специфика влияния этих тенденций на культурные ценности. Описаны механизмы искажения ценностной ориентации современной молодежи и намечены пути оптимизации в формировании идеалов.

Ключевые слова: средства массовой информации; общественное сознание; патриотическое сознание; информационные клише; патриотическое воспитание.

The role of the media in shaping the patriotic consciousness of Russian youth: a socio-philosophical aspect

S.A. Sorokin

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)

ssa.ru@mail.ru

Both in theoretical and practical terms, author has carried the analysis of the urgent problem of the formation of the patriotic consciousness of Russian youth under the influence of the media. Based on the principle of historical and logical unity, the trends that determine the activities of the media aimed at the development of the spiritual and moral life of Russian society, as well as the specifics of the influence of these trends on cultural values, are considered. The mechanisms of distortion of the value orientation of modern youth are described and ways of optimization in the formation of ideals are outlined.

Keywords: mass-media; public consciousness; Patriotic consciousness; information cliches; Patriotic education.

Научно-техническая революция второй половины XX века привела к бурному развитию коммуникационных технологий, позволяющих эффективно и быстро распространять информацию. Инновации дали возможность институту СМИ выйти на качественно новый виток развития, создать

мощнейшие информационные потоки, которые оказывают сегодня серьезное влияние на общество. При этом стоит отметить, что за 20 лет XXI века было произведено больше информации, чем за предыдущие тысячелетия, и эта динамика приобретает лавинообразный характер [1].

Интенсивное развитие масс-медиа определяет две ярко выраженные тенденции в духовной жизни современного российского общества. Одна из них — стремление различными СМИ поднять уровень патриотического сознания, в особенности у молодежи, используя при этом все многообразие видов и жанров массовой культуры и молодежной субкультуры. При создании соответствующего этой цели материала СМИ опираются на позитивный художественный образ, духовные и нравственные ценности в искусстве.

Другая тенденция достаточно зримо выражается в том, что традиционные культурные ценности российского общества начинают «размываться» и утрачивают свое аксиологическое значение. Так, еще Р.Г. Яновский в монографии «Патриотизм» отметил: «Радио, телевидение, пресса, новые информационные технологии уже перекрывают и трансформируют воздействие таких традиционных факторов формирования духовного мира личности, как семья, школа, учитель, священник, библиотеки и т. д. Они непрерывно усиливают свое мягкое давление и влияние (softpower) на психику человека, его образовательный и культурный потенциал, личное поведение и жизненные интересы» [2, с. 311]. Все это способствует, в значительной степени, преобразованию целостной системы ценностей личности, подвергающейся регулярным воздействиям СМИ, в набор переменчивых стереотипов.

В современных условиях эффективность воздействия на общественное сознание и степень оптимизации влияния на социальные процессы зависит, прежде всего, от уровня управления информационными потоками. Необходимо превращать их в действенный инструмент регулирования процессов формирования массового сознания и духовных ценностей, как в отдельных социальных группах, так и в обществе в целом.

Усиление влияния информационных потоков в России приводит к глубинному изменению ценностных ориентиров личности и формирует новые тенденции развития культурных процессов. В таких условиях систематизировать и усваивать полученный

объем информации становится сложной и трудоемкой задачей, особенно для молодежи. Учитывая это, средства массового воздействия, такие как пресса, книжные издательства, радио- и телеканалы, киностудии, интернет-сайты и социальные сети — применяют разного рода информационные клише, что позволяет рационализировать влияние на сознание индивида, на его ценностные ориентиры, чтобы добиться максимального эффекта в достижении целей подачи информации.

Социологические опросы, проведенные нами в районе Зюзино г. Москвы (в опросах участвовали 230 респондентов в возрасте от 14 до 18 лет), подтверждают, что подрастающее поколение россиян предпочитает отдавать свободное время просмотру телевизионных передач или контентов Интернета. Причем процент с каждым годом увеличивается: за экраном телевизора проводили время в 2009 г. 70 % участников опроса, в 2019 г. — 81%; отдавали предпочтение сети Интернет соответственно 61 % и 82 % респондентов.

Литература — один из важнейших способов коммуникации, средство образного выражения менталитета нации, одна из форм познания народом своей культурной самобытности. Она выступает своеобразным зеркалом общества, поскольку играет огромную роль в социокультурной идентификации личности, воспроизводстве образа нации, воспитании любви к Родине.

Еще в 2005 г. В.Г. Донской, Е.Ю. Ладенкова писали о том, что «из школьной программы по литературе выброшены такие важные для развития духовности, формирования патриотического сознания произведения, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Сын артиллериста» К. Симонова, произведения древнерусской литературы». Писатели подчеркивали, что катастрофически сокращено количество басен И.А. Крылова, нет М.Е. Кольцова, «ужата» программа в части произведений Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Некрасова, С. Есенина. По мнению Донского и Ладенковой, «имеет место тенденция незначительной востребованности молодыми читателями такой литературы» [3, с. 89—99].

При этом нужно отметить, что помимо классических произведений, для формирования патриотических взглядов у молодых читателей необходимы новые, современные произведения. Однако сегодня в отечественной литературе преобладают развлекательные жанры, в которых «герои» восстанавливают «справедливость», прибегая к насилию. Пропагандируются жестокость, культ наживы и потребления, эгоизм и безнравственность. Чем удачнее написаны подобные произведения (Л. Пучков «Привычка убивать», А. Троицкий «Шестьдесят смертей в минуту», А. Бушков «Ближе, бандерлоги!»), тем они опасней, поскольку эстетизируют насилие. Замещая литературу, ее эстетические и нравственные ценности, подобная «художественная продукция» как основа чтения становится своеобразным наркотиком, разрушающим этические нормы морали.

Наряду с этим негативным явлением необходимо отметить недостаток аксиологических функций СМИ: пропаганда подлинных духовных и культурных ценностей, традиционно присущих российскому обществу, заменяется псевдокультурой, а порой и антикультурой. На телеканалах преобладают негативные, мрачные, нередко порочные явления и факты. Например, в проекте НТВ «Звезды сошлись» поднимаются «злободневные» темы о многоженстве, о разделе имущества известных артистов, об их внебрачных детях.

Вместе с тем содержание информации таких каналов, как «Россия. Культура», «Спас», «Звезда» способствует формированию верных представлений об истории России, ее культуре, о месте православия в духовной жизни общества.

Важно подчеркнуть, что значительное место в российской киноиндустрии занимает американская продукция. В большинстве этих фильмов героизируются и романтизируются образы американского солдата и американской армии, государственных деятелей Америки. При этом часто в жанре гротеск, в критическом, даже порочащем ракурсе изображают русскую армию, русского солдата, чиновника, простого гражданина («Солт»,

«Враг у ворот»). Ярким примером является фильм «Чернобыль», где граждане Советского Союза представлены как люди отсталые: солдаты — бесцеремонны и жестоки, руководители всех уровней — беспринципны и алчны, отказываются от общего блага ради собственных интересов. Исключение — американский фильм «К-19», в котором повествуется о подвиге советских моряков-подводников в период холодной войны.

Современный отечественный кинематограф, к сожалению, довольно часто дискредитирует советскую и российскую армию. Так, в фильме «Танки» испытательный пробег по родной земле представлен как рейд по вражескому тылу, а новая версия «А зори здесь тихие» извратила оригинальное содержание: девушки-зенитчицы здесь — жертвы сталинских репрессий и воюют вопреки воле. В фильме «Т-34» в угоду жанра экшен искажаются события военных лет. Более того, в киноленте «Сталинград», сюжет которой разворачивается в осажденном городе, романтизируется любовь русской девушки к фашистскому офицеру. Такие информационные клише, тиражируемые отечественными СМИ, формируют у подрастающего поколения негативные представления о нравственных качествах русского человека, о взаимоотношениях в советском обществе, ориентируют на бездуховность и антиисторизм в осмыслении героического прошлого нашей Родины.

В качестве противопоставления недостоверной исторической информации и противодействия ее негативному влиянию на молодежь отечественный кинематограф производит фильмы, героизирующие русского солдата («Брестская крепость», «Осовец», «Высота 220»). С этой целью выстроен хронотоп в фильме «Рубеж»: преуспевающий бизнесмен, готовый ради финансовой выгоды на любые действия, переносится во времени и пространстве на «Невский пятак» в период ожесточенных боев за Ленинград. Главный герой видит подвиг людей в тяжелое для страны время, что приводит к переоценке его жизненных ценностей и изменению отношения к истории России

и героического русского народа. Президент России В.В. Путин, высказывая свое мнение об этом фильме, подчеркнул: «Вот такой способ выразить какую-то идею с помощью перемещения во времени, он используется далеко не в первый раз, и в мировой литературе неоднократно использовался, и в кинематографе, в том числе и в нашем, и в новейшее время. Вопрос не в самом этом способе, а вопрос, как это сделано. На мой взгляд, это сделано очень талантливо, выразительно, доходчиво. Это попадает туда, куда и хотели попасть — прямо в сердце. И в этом большая ценность работ подобного рода»¹.

Важно отметить, что характерной для современности проблемой является оскудение языка СМИ, особенно ориентированных на молодежь. Анализ содержания молодежных СМИ показывает, что основную тематику составляют сферы музыки и моды, различного рода интриги шоу-бизнеса, а иногда «околополитические» материалы скандального характера (см. в: [4; 5]). Стоит отметить, что подобные материалы стали основой различных ток-шоу на центральных каналах телевидения: «Секрет на миллион», «ДНК», «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым». При этом утрачивается понимание правил приличия, целесообразности, соразмерности, уместности употребления тех или иных пластов лексики. Все это приводит к серьезным последствиям: к падению общей грамотности, уровня интеллекта, искажению реальности процессов, происходящих в обществе, деградации языка и культуры в целом [6].

Сегодня современные молодежные СМИ не ориентированы на решение задач по эстетическому воспитанию подрастающих поколений: молодежные газеты и журналы, радио и телевидение, театр и кинематограф чрезвычайно мало места уделяют пропаганде культуры и искусства народов России, классическим литературным произведениям, в том числе поэзии, драматургии. Без влияния культуры невозможно не только гармоничное развитие личности, но и полноценное включение ее в обще-

ственный процесс — в созидательную деятельность на благо государства и нации. Так, Р.Г. Яновский отметил: «Важной задачей культуры является формирование материального, физического и духовного облика гражданского общества и человека во всех его проявлениях...» [2, с. 470].

Патриотическое сознание молодых россиян сегодня претерпевает значительные изменения, что связано, прежде всего, с модификацией самого понятия Родины. Новая Россия является лишь частью того, что для старшего поколения было предметом любви — Родиной. Считают себя патриотами многие, но осознают, что надо подкреплять эту любовь конкретными делами, не все, что подтверждается социологическими исследованиями последнего десятилетия. По результатам опросов, проведенных в 2009 г. и 2019 г. в районе Зюзино г. Москвы, считают себя патриотами 57 % и 66 % старшеклассников соответственно, не считают — 22 % и 13 %, затруднились ответить на вопрос — 21 % участников (в 2009 г. и в 2019 г.) Между тем, если в 2009 г. 24 % старшеклассников ответили, что им безразлично, где жить, лишь бы им было хорошо, то в 2019 г. такое мнение имели только 17 %. Затруднились ответить 11 % и 17 % соответственно. Несмотря на то что количество желающих жить за границей сократилось, прослеживается тенденция к снижению уровня патриотического сознания молодого поколения россиян, к ослаблению чувства Родины, понятие «Родина» теряет значимость. Такое изменение позиции молодых респондентов вызывает тревогу.

Однако если проследить героическую историю России, можно констатировать подъемы патриотического сознания народа в тяжелые периоды социальных кризисов. Так, по мнению Ю.А. Огородникова, в современных условиях «возрождение патриотизма в России может быть вызвано тем, что граждане России устали от неопределенности идеалов, размытости основных ценностных ориентиров. А человек по своей природе

¹ Путин о фильме «Рубеж»: попадает прямо в сердце // РИА Новости: Культура. (18.01.2018 г.). URL: <https://ria.ru/20180118/1512867662.html> (дата обращения 19.02.2020).

испытывает потребность в опоре на высоко значимые ценности. Патриотизм выступает основой к сплочению российского народа, единению его перед угрозами времени» [7, с.75].

В связи с вышесказанным, важным условием в воспитании патриотизма у молодого поколения является объективное знание истории Отчества и представление его в учебной и массовой литературе и средствах коммуникации, в целях раскрытия безграничных богатств национальной культуры.

Современное российское образование опирается на стратегию вариативности. Поэтому в нем нет государственных программ, а соответственно, нет государственных единых учебников по предметам, программы носят преимущественно авторский характер. Если в Федеральный перечень учебников по истории, рекомендованных (допущенных) Министерством образования и науки к использованию в 2005—2006 гг., входило 109 книг [8], то в 2019—2020 гг. этот список сокращен до 88 книг [9].

Проследим тематическое содержание школьных учебников отечественной истории в современных исследованиях. Заметим, что статья «Школьные учебники истории и формирование патриотизма» Е. Скворцовой (2006 г.) содержит положение о том, что «содержание современных учебников отечественной истории с точки зрения установки на формирование патриотических убеждений школьников несет в себе негативные тенденции. В большинстве своем представления авторов учебников о собственной стране характеризуются отсутствием какой-либо общепринятой оценки и ограничиваются изложением чрезмерно большого количества фактов. Причем иногда это изложение содержит мифы, и даже искажения исторических событий, что может способствовать противостоянию старшеклассников по их ценностным ориентациям, связанным с восприятием отечественной истории» [10, с. 56—65].

Далее, в 2016 г. А.Г. Ховрина в статье «Черные дыры. В школьные учебники возвращается историческая память народа» отмечает, что «был выпущен ряд учеников, в

которых СССР представляется как невоюющий союзник Германии в начале Второй мировой, Красной Армией управляли бездарные полководцы, что не просто принижает роль Советского Союза в деле разгрома фашизма, а отодвигает его заслуги на последний план. Более того, в них утверждается, что основной вклад в победу над фашистской Германией внесли США и Великобритания» [11, с. 8—9]. Эти факты являются явной фальсификацией. Таким образом, на основании статьи Е. Скворцовой и А.Г. Ховриной можно сделать вывод, что в течение десятилетия ситуация с искажением отечественной истории в российских учебниках не изменилась.

В социологических опросах старшеклассников (место проведения — район Зюзино г. Москвы) мы исследовали актуальность использования в 2009 г. и 2019 г. наиболее популярных основных источников исторических знаний. Учебники для школ и вузов используются 22 % и 16 % респондентов (2009 г. и 2019 г. соответственно), сеть Интернет — 17 % и 18 %, кино и видеофильмы — 15 % и 13 %, теле- и радиопрограммы — 13 % и 11 % участников опроса. Анализируя данные опроса, можно сделать вывод, что доверие к учебникам как источникам исторической информации падает более быстро, чем к другим средствам получения достоверных данных.

Немаловажное значение в деле патриотического воспитания современной российской молодежи имеет отношение к героическому прошлому Вооруженных сил. Главным источником знаний о военной службе для молодых людей чаще всего являются СМИ. Достаточно длительное время российские СМИ негативно представляли Вооруженные Силы России: дезорганизация, дедовщина, небоеспособность, мародерство. Основные новости вызвали активное неприятие к службе в армии, что послужило резкому снижению популярности профессии военного, падению престижа российской армии в целом.

За последнее десятилетие в этом вопросе произошли положительные изменения,

в СМИ гораздо чаще стали появляться сообщения об улучшении жизни и быта военнослужащих, об активном проведении учений, повышении боеспособности Российской армии, принятии на вооружение новых образцов военной техники. Регулярно выходят в эфир телепередачи, посвященные армии: «Служу России», «Военная приемка», «Смотр», «Военная программа». В результате в обществе начинает преобладать позитивное отношение к Вооруженным Силам, возвращается былой престиж военной службы; как следствие, у молодых людей появляется уверенность в боеспособности армии.

Более того, в ходе IV Всероссийского фестиваля прессы «Медиа-Ас» (2018 г.) Министр обороны С.К. Шойгу поблагодарил российских журналистов за вклад в формирование престижа страны и армии: «Это профессиональная работа, за которую мы благодарны. Не только мы в Минобороны, но и наша страна. Надеюсь, что мы будем также плотно и тесно стоять в одном ряду во имя нашей страны ради того, чтобы ни у кого даже мысли не возникло подумать, что они могут быть выше и сильнее нас»².

На этом примере мы видим, что вклад современных СМИ в военно-патриотическое воспитание российской молодежи существен. Наряду с учебными заведениями, общественными организациями, учреждениями культуры, органами государственной власти, СМИ является социальным инструментом формирования патриотического сознания молодого поколения россиян.

В целях сохранения традиционных для нашего общества духовных ценностей у подрастающего поколения органам государственной власти и другим государственным институтам необходимо налаживать более тесный контакт с различными СМИ, совместными усилиями создавать новые проекты, посвященные отечественной истории, культуре, выдающимся деятелям истории, народным героям.

Следующая задача — повышение требований к профессиональной и этической

подготовке журналистов и других работников СМИ, формирование личной ответственности за представляемую информацию. Выполнение этих задач, в свою очередь, должно способствовать повышению качества продукции теле-, радио- и киноиндустрии и печатной продукции, повлечь за собой объективное освещение как исторических, так и современных событий, т. е. подачу информации, содержащей взвешенные и аргументированные рассуждения. Это позволит более эффективно использовать возможности СМИ в сфере патриотического воспитания молодежи современной России.

Литература

1. *Шаев Ю.М.* Информационная избыточность и цифровой детокс в контексте онтологии коммуникаций // Гуманитарный вектор. 2018. № 13(2). С. 23—28.
2. *Яновский Р.Г.* Патриотизм = Patriotism: о смысле созидającego служения Человеку, Народом России и Отечеству / Ин-т соц.-полит. исследований РАН. М.: Книга и бизнес, 2004. 527 с. (Серия науч. и учеб. лит. «За Нашу и Вашу безопасность»).
3. *Донской В.Г., Ладенкова Е.Ю.* Литература как фактор патриотического воспитания подрастающего поколения // П.О.И.С.К. Вып. XI. М.: РИЦ ИСПИ РАИ, 2005. С. 89—99.
4. *Воробьева О.С.* Шоу для подростков как хаип-медиа (на примере шоу Нуре Самр) // МедиаАльманах. 2019. № 4. С. 57—69.
5. *Пономарева А.В.* Влияние СМИ на современную молодежь: «за» и «против» // Вестник Нижегородской Правовой Академии. 2017. № 13. С. 58—61.
6. *Бондаренко О.А.* Язык СМИ как отражение социальных перемен // Традиции и инновации в массовой коммуникации: материалы II регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос.ун-т, 2018. С. 19—26.
7. *Огородников Ю.А., Огородников А.Ю.* Ценностный фактор патриотического самоопределения // Самопознание русского народа: сборник науч. статей. М.: МГПУ, 2014. С. 59—79.
8. Об утверждении федеральных перечней учебников, рекомендованных (допущенных) к использованию в образовательном процессе в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего образования на 2005—2006 учебный год: приказ Министерства образования и науки РФ № 93 от 21.10.2004 г. Текст: электронный // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=343936#05678128182405267>
9. О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных

² Шойгу поблагодарил российских журналистов за вклад в формирование престижа армии // ИТАР-ТАСС (26.04.2018 г.). URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/5162247> (дата обращения 19.02.2020).

программ начального общего, основного общего, среднего общего образования: приказ Министерства Просвещения РФ № 345 от 28.12. 2018 г. (ред. от 22.11.2019). Текст: электронный // КонсультантПлюс: сайт. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=141225808109888847599575901&cacheid=07655B8E00DAE4C9C5ED4F29A9A16858&mode=splus&base=LAW&n=339057&rnd=F121D78C4A167ED4715CE751D23116BE#5tikcz9z19s>

10. Скворцова Е. Школьные учебники истории и формирование патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2006 г. № 5. С.56—65.

10. Ховрина А.Г. Черные дыры. В школьные учебники возвращается историческая память народа // Военно-промышленный курьер. 2016. № 22 (15—21 июня). С. 8—9.

Поступила 14.02.2020

Сорокин Сергей Александрович — аспирант кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта, РУТ (МИИТ) (127994, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9), ssa.ru@mail.ru

Submitted 14.02.2020

Sorokin Sergey A. — post-graduate student of the Department of philosophy, sociology and history of the Russian University of transport, RUT (MIIT) (127994, GSP-4, Moscow, Obraztsova str., 9), ssa.ru@mail.ru

References

1. Shaev Ju.M. Informacionnaja izbytochnost' i cifrovoy detoks v kontekste ontologii kommunikacij // Gumanitarnyj vektor. 2018. № 13(2). S. 23—28.
2. Janovskij R.G. Patriotizm = Patriotism: o smysle sozidajushhego sluzhenija Cheloveku, Narodam Rossii i Otechestvu / In-t soc.-polit. issledovanij RAN. M.: Kniga i biznes, 2004. 527 s. (Serija nauch. i ucheb. lit. «Za Nashu i Vashu bezopasnost'»).
3. Donskoj V.G., Ladenkova E.Ju. Literatura kak faktor patrioticheskogo vospitaniya podrastajushhego pokolenija // P.O.I.S.K. Vyp. XI. M.: RIC ISPI RAI, 2005. S. 89—99.
4. Vorob'eva O.S. Shou dlja podrostkov kak haip-media (na primere shou Hype Camp) // MediaAl'manah. 2019. № 4. S. 57—69.
5. Ponomareva A.V. Vlijanie SMI na sovremennuju molodezh': «za» i «protiv» // Vestnik Nizhegorodskoj Pravovoj Akademii. 2017. № 13. S. 58—61.
6. Bondarenko O.A. Jazyk SMI kak otrazhenie social'nyh peremen // Tradicii i innovacii v massovoj kommunikacii: materialy II region. nauch.-prakt. konf. Krasnodar: Kubanskij gos.un-t, 2018. S. 19—26.
7. Ogorodnikov Ju.A., Ogorodnikov A.Ju. Cennostnyj faktor patrioticheskogo samoopredelenija // Samopoznanie russkogo naroda: sbornik nauch. statej. M.: MGPU, 2014. S. 59—79.
8. Ob utverzhdenii federal'nyh perechnoj uchebnikov, rekomendovannyh (dopushhennyh) k ispol'zovaniju v obrazovatel'nom processe v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah, realizujushhij obrazovatel'nye programmy obshhego obrazovaniya na 2005—2006 uchebnyj god: prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF № 93 от 21.10.2004 г. Текст: jelektronnyj // Konsul'tantPljus: sajт. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=343936#05678128182405267>

9. O federal'nom perechne uchebnikov, rekomendujemyh k ispol'zovaniju pri realizacii imejushhij gosudarstvennuju akkreditaciju obrazovatel'nyh programm nashhego obshhego, osnovnogo obshhego, srednego obshhego obrazovaniya: prikaz Ministerstva Prosveshhenija RF № 345 от 28.12. 2018 г. (ред. от 22.11.2019). Текст: jelektronnyj // Konsul'tantPljus: sajт. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=141225808109888847599575901&cacheid=07655B8E00DAE4C9C5ED4F29A9A16858&mode=splus&base=LAW&n=339057&rnd=F121D78C4A167ED4715CE751D23116BE#5tikcz9z19s>

10. Skvorcova E. Shkol'nye uchebniki istorii i formirovanie patriotizma // Nauka. Kul'tura. Obshhestvo. 2006 g. № 5. S.56—65.

11. Hovrina A.G. Chernye dyry. V shkol'nye uchebniki vozvrashhaetsja istoricheskaja pamjat' naroda // Voennopromyshlennyj kur'er. 2016. № 22 (15—21 ijunja). S. 8—9.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 10 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — до 6 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

Текст печатается через полтора интервала с размером шрифта не менее стандартного машинописного (Times New Roman, кегль 13). Абзацы отделяются друг от друга одним маркером конца абзаца (применение этого символа в других целях не допускается), ширина отступа (1,25 м) устанавливается в меню Word *Формат* → *Абзац*; набор текста начинается с левого края; по правому краю текст не выравнивается; текст набирается без переносов. Все слова внутри абзаца разделяются только пробелом. Перед знаками препинания пробелы не ставятся, после них — один пробел. Не допускается применение разрядки, псевдографики, а также стилей.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Векторные рисунки предоставляются в форматах EPS или CDR (версии не выше Adobe Illustrator CS5, CorelDRAW X3). Текст и линии на рисунке должны быть редактируемыми (текст не «в кривых»).

Полутоновые рисунки (фотографии) принимаются только в градациях серого, могут быть предоставлены в формате TIFF (без компрессии) или в виде оттиска на матовой бумаге (предпочтительный формат 9 × 12). Использование MS Word не допускается.

Бумажные оттиски рисунков должны быть пронумерованы и подписаны (на обороте каждого рисунка разборчиво написать порядковый номер, фамилию и инициалы автора). На иллюстрациях, по внешнему виду которых трудно или невозможно определить их расположение, следует сделать пометки «верх» и «низ».

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Пронумерованные формулы (нумеруются только те, на которые есть ссылки в тексте) выносятся отдельной строкой и располагаются по центру. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции $\lim$, $\lg$, $\ln$, $\arg$, const , $\min$, $\max$ и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении Почты России

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;

- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неофор-

перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers' Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;

- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;

- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;

- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism not having a direct relationship to it.